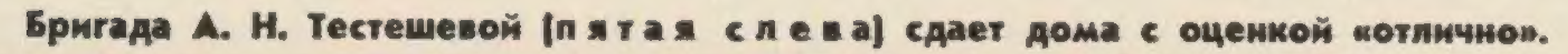
ЛЕНИН

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

№ 31 АВГУСТ 1981

У Нины и Николая Прониных, молодых жителей Сургута, родился первенец.

Бригада А. Н. Тестешевой (пятая слева) сдает дома с оценкой «отлично».

Идут экзамены в Сургутском музыкальном училище. Счастливый билет.

С ЧЕГО НАЧИНАЕТ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 31 (2820)

1 АВГУСТА 1981

Александр ПОПОВ, фото Алексея КОЗЬМИНА, специальные корреспонденты «Огонька»

Адреса великих свершений

...ся город...

Имея в виду восточные и северные районы страны, Леонид Ильич Брежнев говорил на XXVI съезде партии: «...Мы планируем в нынешней пятилетке вести в этих районах еще более высокими темпами строительство жилья, всего социально-культурного комплекса, улучшать снабжение населения товарами массового спроса».

Каких успехов уже сегодня добились здесь! Какие тут встречаются еще трудности, проблемы! Как они решаются!

Начало «нулевого цикла».

В звене сургутских монтажников И. В. Мигунова (второй слева) — короткий отдых.

Много хлопот у начальника нефтегазодобывающего управления в Ноябрьске В. В. Калмыкова.

В СТОЛИЦЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

В Тюмени с нами приключилась забавная история. Нам посоветовали встретиться с человеком, который в середине 60-х годов начинал добывать нефть на знаменитом тогда Усть-Балыкском месторождении. В одном из ведущих западносибирских главков разыскали нужный кабинет. Нас встретил седеющий, в хорошо сшитом костюме человек. Представился: «Коровин... Иван Федорович».

— Да, все верно,—сказал он,— в шестидесятые я работал в Нефтеюганске. Кем? Главным бухгалтером треста.

Мы переглянулись.

— Извините, Иван Федорович, но вначале вы работали непосредственно на буровых?

Иван Федорович добродушно рассмеялся:

— Вы меня с кем-то путаете, молодые люди.

Вот незадача! Мы вновь переглянулись.

— Иван Федорович, вы Коровин?

— Именно так.

— Мы в Главтюменьнефтегазе?

— Нет, вы попали в Главтюменьнефтегазстрой. — Он сочувственно посмотрел на нас, и вдруг лицо его просияло. — Постойте, постойте — я, кажется, начинаю понимать в чем тут дело. Вам нужен Павел Петрович Коровин! Он же замначальника Главтюменьнефтегаза. В Западной Сибири с первых скважин. И точно — работал в Нефтеюганске на буровых. А вы, ребята, просто вывески перепутали. К Павлу Петровичу дальше по улице... Заплутать у нас немудрено. Вон ско-олько новых организа-

Продолжение см. на стр. 6.

Во время встречи

Телефото спец. корр. ТАСС В. Мусаэльяна.

ВСТРЕЧА Л. И. БРЕЖНЕВА С Г. ГУСАКОМ

22 июля в Крыму состоялась встреча Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева с находящимся на отдыхе в Советском Союзе Генеральным секретарем ЦК КПЧ, Президентом ЧССР Г. Гусаком.

Товарищи Л. И. Брежнев и Г. Гусак поделились информацией о внутреннем развитии обеих стран.

Было высказано твердое убеждение, что всестороннее укрепление взаимодействия братских социалистических государств, их единство и сплоченность представляют собой прочную гарантию уверенного поступательного движения вперед каждой социалистической страны и всего социалистического содружества.

Обсудив широкий круг международных вопросов, товарищи Л. И. Брежнев и Г. Гусак уделили особое внимание европейским делам.

Встреча Л. И. Брежнева и Г. Гусака прошла в сердечной атмосфере и подтвердила полное единство взглядов по всем обсуждавшимся вопросам.

ВСТРЕЧА Л. И. БРЕЖНЕВА С Я. КАДАРОМ

27 июля в Крыму состоялась встреча Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева с Первым секретарем ЦК ВСРП Я. Кадаром.

Обменявшись информацией о внутреннем развитии обеих стран, Л. И. Брежнев и Я. Кадар уделили значительное внимание двусторонним советско-венгерским отношениям.

Между КПСС и ВСРП давно уже налажено хорошее сотрудничество в политической области.

С большим размахом строится советско-венгерское сотрудничество в экономической области.

На встрече, в частности, обсуждались международные вопросы. Л. И. Брежнев и Я. Кадар единодушно считают, что центральная задача в международной политике — это преодолеть нынешний накал напряженности. И здесь на первый план выдвигается проблема прекращения и ограничения гонки вооружений.

Товарищи Л. И. Брежнев и Я. Кадар выразили убеждение, которое, несомненно, разделяют все, кто обеспокоен судьбами мира, что любые сложные международные вопросы могут и должны быть урегулированы путем переговоров. Именно этой цели служат смелые и широкие инициативы, выдвинутые XXVI съездом КПСС.

Встреча прошла в атмосфере дружбы и сердечности и была отмечена полным взаимопониманием.

Во встрече участвовали: член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС К. У. Черненко, помощник Генерального секретаря ЦК КПСС А. И. Блатов.

Во время встречи.

Телефото спец. корр. ТАСС В. Мусаэльяна.

ШИРОКИЙ ШАГ ПЯТИЛЕТКИ

В печати опубликовано сообщение ЦСУ СССР об итогах выполнения Государственного плана экономического и социального развития СССР в первом полугодии 1981 года. Претворяя в жизнь решения XXVI съезда КПСС, трудящиеся нашей страны широко развернули социалистическое соревнование за успешное выполнение заданий первого года пятилетки, повышение эффективности и качества работы и обеспечили в истекшем полугодии 1981 года дальнейший рост экономики и народного благосостояния.

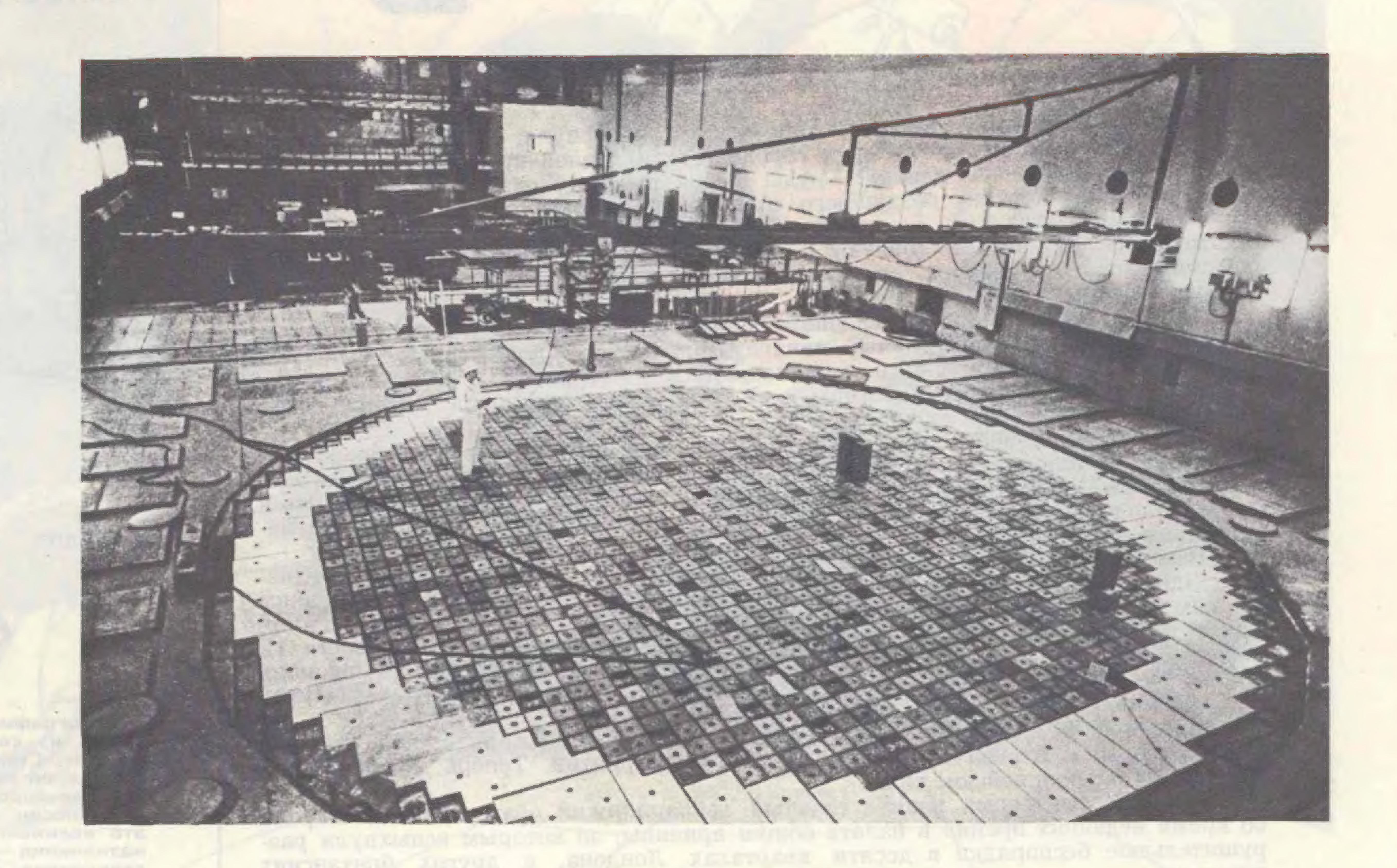
Полугодовой план по общему объему продукции и росту производительности труда выполнен.

Прирост производства по сравнению с соответствующим периодом прошлого года составил 3,4 процента.

Начат выпуск более 1 200 видов новых изделий.

Посевные площади под урожай нынешнего года заняли свыше двухсот миллионов гектаров.

На 2,3 процента по сравнению с соответствующим периодом прошлого года повысилась зарплата рабочих и служащих, на 4 процента — колхозников. Советские люди получили 540 тысяч новых благоустроенных квартир.

В центральном зале четвертого энергоблока Ленинградской атомной электростанции имени В. И. Ленина.

Фото Н. Адамовича (ТАСС)

бережливость: разные аспекты

ЧТОБЫ С ВОЗА НЕ ПАДАЛО

На великой сибирской реке Оби в самом разгаре навигация. Для нас, работников Новосибирского речного порта,— настоящая страда. Одно за другим отходят от причала тяжелогруженые суда. Их путь — на север, в Нижневартовск, Самотлор, Мегион, другие нефтегазоносные районы Тюменской и Томской областей. Все грузы, отправляемые по этим адресам, идут у нас под номером один.

Но мало отправить грузы, добиться, чтобы они пришли вовремя, нужно еще доставить их в целости и сохранности. Во время неблизкой дороги не допустить потерь, порчи оборудования и материалов, которых очень ждут нефтяники и газовики.

Сохранность груза зависит прежде всего от работы портовиков. У нас широко развернуто социалистическое соревнование за право бригады оценивать качество своей работы — своеобразное личное клеймо. Его имеют, например, два звена лесного причала, возглавляемые И. И. Карповым и Ю. А. Александровым. Звенья укладывают пакеты с пиломатериалами. И вот в течение нескольких лет не было ни одного случая потери пиломатериалов по их вине. К этому обязывает и бригадное клеймо качества, которое наравне с другими служебными отметками проставляется в транспортных документах. В прошлом году по итогам бассейнового смотра «За повышение качества перевозок грузов» Новосибирскому речному порту было присуждено первое место.

Немало потрудились на этом поприще и народные контролеры. Они проводят рейды, результаты которых быстро сообщают коллективу, доводят до сведения администрации порта. Хочется отметить наших активистов—портовых рабочих Ивана Тимофеевича Запшу и начальника грузового участка Михаила Марковича Кулагина.

Иногда складывается такое положение, что мы вынуждены обращаться в руководящие органы. Так, например, было с погрузкой труб. Обычно они поступали к нам россыпью. Это сдерживало погрузку и разгрузку, к тому же ценнейшие трубы нередко деформировались. Наши дозорные обратились в Комитет народного контроля СССР. И вскоре были изменены требования ГОСТа, трубы стали поступать в пакетах. А ведь укладка грузов в пакеты и контейнеры — залог их сохранности. Это понимают на Чернореченском цементном заводе, где сейчас осваивают автоматическую поточную линию. Она позволит укладывать цемент в пакеты.

Но, к сожалению, не все наши поставщики придерживаются установленных правил. Так, Тогурский и Кетский лесозаводы Томской области часто поставляют пиломатериалы с нарушением всех принятых инструкций. Крепежный материал очень плохого качества, а иногда и вообще отсутствует, поэтому грузы к нам приходят уже с потерями. А ведь их ждут на важных стройках, рассчитывают на них. Мы обратились в Томский областной комитет народного контроля, и первые результаты уже есть. Но сейчас хотелось бы сказать о другом. Нарушения установленных норм на укладку и упаковку грузов встречаются нередко. Мы такие грузы стараемся не принимать. Но пока идут переписка, переговоры, они находятся на складах, занимают место. И бывает так, что виновные остаются безнаказанными.

Поэтому мне кажется, что необходимо ужесточить контроль и спрос за неправильную упаковку груза, вплоть до денежных штрафов. И взыскивать их не из кассы предприятия, как обычно бывает, а из зарплаты конкретных виновников. Мы не имеем права терять государственное добро.

Хорошо известна народная мудрость: что с воза упало, то пропало. Чтобы с воза не падало, всем нам нужно тщательнее и строже подходить к своей работе. За последние три года убытки от несохранности груза, отнесенные на счет нашего порта, сократились почти в четыре раза. Но нам еще не удалось их полностью изжить. И сейчас мы поставили перед собой такую цель — все грузы, приходящие в наш порт, должны быть доставлены адресатам в самом лучшем виде. К этому нас обязывает постановление Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР об экономии и бережливости.

М. МЕДОЕВ,
председатель головной группы народного контроля Новосибирского речного порта

ЖАРКОЕ ЛЕТО АНГЛИИ

Викентий МАТВЕЕВ

Кварталы бедноты Лондона, Манчестера, Ливерпуля, Бирмингема, Шеффилда, Лидса и других английских городов стали ареной кровопролитных схваток. Обгорелые каркасы зданий. Груды щебня на тротуарах. Едкий дым пожарищ. Похоже на картину воздушного «блитца» над Британией во время второй мировой войны. Аналогия усиливается от речей с правительственных скамей в Вестминстере. Их авторы толкуют о «наступлении» с помощью специально создаваемых сил, броневиков, оснащенных водометами, слезоточивого газа «Си-Эс», пластиковых пуль.

Кто же объект? Это в основном подростки, молодежь. Против нее мобилизован карательно-репрессивный аппарат британского буржуазного государства, чьи столпы уже обрушили на миллионы людей в стране — и не только на молодежь — бич массовой безработицы и ее неизбежных спутников: материальных лишений, душевного опустошения.

Из трех миллионов официально зарегистрированных в стране безработных 500 тысяч — молодежь, а среди нее особенно тяжка участь тех, чьи родители или они сами — выходцы из стран Азии, Африки, стран Карибского бассейна. Но и белая молодежь, не принадлежащая к элите, к состоятельному классу, в не менее бедственном положении.

Вот квартал Токстет в Ливерпуле, где произошли особенно бурные волнения. Здесь безработица среди молодежи достигла 37 процентов. По последним данным, 81 729 подростков заняты погоней за имеющимися в наличии на биржах труда 1019 рабочих вакансий. Для тысяч выпускников школ есть всего 12 вакансий. В городе за последнее время закрылись предприятия крупнейших британских фирм: «Данлоп», «Мэсси Фэргюсон», «Инглиш электрик», «Плэсси», «Каммел лэрд» и других.

Две отрасли в Ливерпуле, по словам газеты «Таймс», процветают: очереди у бирж труда и охрана пустующих зданий предприятий. Теперь можно прибавить и третью: полицейские силы.

«Общим фактором» назвал главный лейбористский оратор Рой Хэттерсли во время недавних прений в палате общин причины, по которым вспыхнули разрушительные беспорядки в десяти кварталах Лондона, в других британских городах.

Комментируя эти волнения, г-жа Тэтчер заявила, выступая 14 июля, что предыдущие десять дней были самыми тревожными за все время ее пребывания на посту премьер-министра. Типичная британская недомолвка! Г-же Тэтчер следовало бы сказать, что именно ее правительство несет ответственность за этот социальный взрыв, невиданный в истории послевоенной Англии. Миллионы людей были выброшены на улицу не в результате стихийного бедствия, а как часть планомерной правительственной политики перекладывания бремени кризиса на плечи трудящихся масс.

Рев полицейских машин, взрывы, выстрелы, звон разбиваемых стекол в Брикстоне, Токстете и других кварталах — эти грозные сигналы с Британских островов явились своеобразной прелюдией к встрече в Оттаве руководителей семи крупнейших капиталистических стран. Только одно правительство среди участников встречи — новое, сформированное во Франции в результате состоявшихся там недавних выборов — заявляет о борьбе с безработицей как о первоочередной задаче (иное дело — насколько эффективными будут принятые им меры). Все остальные правительства Запада, а также Японии не видят в бедствиях миллионов людей, лишенных элементарного человеческого права на труд, чего-либо особенно тревожного.

Устанавливая «рекорды» в увеличении безработицы в стране, на Уайтхолле до сих пор считали такой курс «эффективным» и даже указывали на снижение числа забастовок за последние два года. Нынешняя волна беспорядков в промышленных центрах страны показывает, каким бумерангом может быть этот пагубный правительственный курс.

Проводя резкие сокращения расходов на социальные нужды ради раздувания военного бюджета, в Вашингтоне тоже уповают на то, что такие меры пройдут для США более или менее гладко. Но и за океаном множатся сигналы растущего сопротивления этой антинациональной политике. Собирают силы, объединяются для отпора организации, представляющие широкие слои негритянского населения. Заметно растет боевитость американских профсоюзов, сталкивающихся во все большей степени с наступлением на права трудящихся со стороны крупного капитала и буржуазной государственной машины.

Организованность, а не стихийность — вот чего больше всего страшатся эксплуататоры и вот что является наиболее эффективным средством борьбы против засилья монополистического капитала, против гнета милитаризма. Сигнализируя о глубоких противоречиях внутри британского капитализма, волнения в английских городах в то же время носят характер стихийности. В ряде случаев кровавые беспорядки были спровоцированы фашистскими элементами. Это имело место, например, в лондонском пригороде Саутхолле, где банды «бритоголовых», собравшиеся из других районов столицы, напали на местных жителей — выходцев из Азии.

Тюрьмы в Англии переполнены. Под места заключения переоборудуются армейские лагеря. Дубинка — ответ тори на социальную напряженность в стране, вызванную их же антинародной политикой. Кое-кто среди правящих деятелей хотел бы использовать эту обстановку для развязывания репрессий против поднявшихся на новую ступень движения за мир широких слоев британской общественности, хотел бы отвлечь внимание масс от актуальных политических проблем. Лидеры тори не только не собираются вести дело к уменьшению тягот кризиса, ложащихся на плечи масс, но и планируют дальнейшее увеличение армии безработных. Предстоящей зимой она должна достигнуть, по прогнозам, трех с половиной миллионов человек.

Пожарища в английских городах — показатель того, что терпение тысяч людей не беспредельно.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

США: ГЕОГРАФИЯ ВМЕШАТЕЛЬСТВА

САЛЬВАДОР

Обучают

Фотографию этого американца поместил в одном из своих последних номеров журнал «Лайф». Стоя в рост под лучами тропического солнца, он наставляет внимательно слушающих его сальвадорских вояк. Таким образом, цель его миссии не оставляет никаких сомнений: это военный советник из войск специального назначения — «зеленых беретов», один из инструкторов, направленных Пентагоном в Сальвадор для обучения солдат кровавой хунты методам расправ с населением этой страны.

Факты американского участия в гражданской войне в Сальвадоре вызывают вполне понятную тревогу и в самих Соединенных Штатах — многие помнят, что точно так же начиналась война во Вьетнаме.

АФГАНИСТАН

Оружие для контрреволюции

Не больше чем два самолета с оружием в неделю и никаких постоянных складов на пакистанской территории — такое условие первоначально поставили пакистанские власти перед руководителями тайной операции по снабжению оружием афганских контрреволюционеров, громко именуемых на Западе «борцами», а на деле являющихся самыми заурядными бандитами с большой дороги. Но впоследствии Исламабад смягчил и эти «серьезные» ограничения. Пакистанские руководители до сих пор заявляют о том, что их страна не участвует ни в какой подобной операции. Однако, как утверждает американский журнал «Нью рипаблик», ссылаясь на официальных лиц, все главные аспекты переброски оружия были лично одобрены президентом Пакистана Зия-уль-Хаком. Оружие прибывает в Пакистан под видом

Боеприпасы, захваченные воинами афганской армии при разгроме одной из банд.

Рис. КУКРЫНИКСЫ

Он миру грозит нынче
в новом режиме:
С чужих территорий,
руками чужими.

Дм. Дёмин

обычного груза на самолетах, опознавательные знаки которых постоянно меняются. Здесь под наблюдением представителей пакистанской разведки происходит его разгрузка, затем оружие направляется в специальные лагеря, где проходят подготовку «борцы сопротивления», которые по горным тропам, на себе или на мулах, перевозят оружие на территорию ДРА.

Кто же руководит этой операцией? Где находятся главные пружины зловещего механизма, методически и настойчиво подталкивающего ход необъявленной войны против независимого Афганистана?

9 января 1980 года Центральное разведывательное управление США изложило перед специальной комиссией по разведке планы будущей операции. Характерно, что члены комиссии не высказали ни единого возражения против этого. «ЦРУ сознавало, что... мы должны снабдить их (контрреволюционеров. — Прим. ред.) оружием», — сказал в своем недавнем интервью телекомпании Эй-Би-Си бывший сенатор Бэрч Бай, тогдашний председатель этой комиссии. Речь шла прежде всего о портативных (переносных) ракетах «земля — воздух» и легком оружии — противотанковых гранатометах, пулеметах и автоматах. Были предусмотрены и конспиративные меры: для того, чтобы невозможно было выявить истинных поставщиков, вначале предполагалось, что все оружие должно быть точной копией советского. Важная роль в этом отводилась Китаю, изъявившему готовность поставить мятежникам ракеты и гранатометы, и Египту, который производил боевые средства по советским образцам на заводах в пригородах Каира. Для того, чтобы окончательно замаскировать каналы, по которым поставляется оружие, нужно было ввести в заблуждение и конечных исполнителей этого плана — афганских бандитов: им говорили, что вооружение получено от неких дезертиров.

Первые разрозненные сообщения об этих планах просочились в печать еще в начале 1980 года. Тогда же потерял всякий смысл и задуманный камуфляж: бойцами афганской армии было захвачено большое количество оружия и боеприпасов, на которых было отчетливо написано: «Сделано в США», «Сделано в Китае», «Сделано в Египте»...

...Распоряжение о разработке этой операции было отдано ЦРУ лично президентом Картером, ее планирование осуществлялось под непосредственным наблюдением помощника президента США по национальной безопасности Збигнева Бжезинского и директора ЦРУ Стэнсфилда Тэрнера. Президент Картер заявил тогда, что у США есть «моральное обязательство» помочь вооружить «афганское движение сопротивления». Эти слова главы бывшей американской администрации можно было бы отнести к истории, если бы нынешнее правительство США не продемонстрировало полную преемственность в этом вопросе.

Обсуждая тайную операцию, должностные лица в правительстве Р. Рейгана стараются сохранить ее детали в секрете, но все же рисуют весьма целостную картину. Прежде всего США стремятся создать впечатление «мусульманской борьбы», несмотря на то, что эта фальшивка была уже много раз разоблачена, в том числе и на страницах западной печати. Вся связь в рамках операции осуществляется ЦРУ только через разведслужбы других стран, минуя обычные дипломатические каналы. Достоянием мировой общественности стали эти и многие другие факты американского участия в необъявленной войне против Демократической Республики Афганистан. В завесе секретности образовалось изрядное количество дыр. И те, кто создавал эту завесу, ошиблись не только в технических деталях. Они просчитались в главном: ставка была сделана на заведомо битую карту. Доказательство тому — решимость подавляющего большинства афганцев навсегда покончить с феодальным прошлым. И вернуть его не поможет никакое оружие.

ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА

Только цитаты

(ЕВРОПЕЙЦЫ — О ПЛАНАХ РАЗМЕЩЕНИЯ НА ИХ ТЕРРИТОРИИ НОВЫХ АМЕРИКАНСКИХ РАКЕТ.)

«Мы считаем, что американские стратеги разрабатывают сценарии ведения с Россией ядерной войны, которая ограничивается Западной Европой. И это нам не нравится. Ведь мы здесь живем».

Эдвард Томпсон, профессор. Великобритания.

«Наша... цель состоит в том, чтобы не пустить в Европу американские системы наземного базирования».

Бен тер Феер, руководитель голландского Межцерковного совета мира.

«Дания не хочет иметь никакого ядерного оружия на своей земле сейчас или в будущем. Мы сказали об этом нашим партнерам по НАТО, и некоторые из них этого не понимают».

Анкер Иоргенсен, премьер-министр Дании.

Участники антивоенного митинга в Бонне.

С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ ГОРОД...

Начало
см. на II стр. обл.

ций появилось за последние годы. И не сосчитать!

Мы облегченно вздохнули. Нет худа без добра. Не заплутай мы среди вывесок, вероятно, и не встретились бы с таким интересным человеком — Иваном Федоровичем Коровиным, главным бухгалтером одной из самых сильных строительных организаций в Западной Сибири.

Главк, в котором он работает, занимается обустройством нефтяных и газовых месторождений, строит и жилье в крупнейших базовых городах Среднего Приобья: Сургуте, Нефтеюганске, Нижневартовске.

Иван Федорович на Севере без малого двадцать лет и хорошо помнит, что еще десять лет назад эти города являли собой муравейники балков, времянок и землянок. Жилью тогда уделялось, мягко говоря, мало внимания. И средства на строительство квартир отпускались невеликие. Что изменилось сейчас? Коровин рассказал, что только в этом году Главтюменьнефтегазстрой должен построить 349 тысяч квадратных метров жилья. Это без малого половина всей жилплощади, которую сдал главк за всю прошлую пятилетку. И средства выделены значительные — 649 миллионов. «Вы поезжайте в Нефтеюганск, Сургут, посмотрите, какие там поставлены дома — девятиэтажные, с улучшенной планировкой, — напутствовал Иван Федорович. — Среди болот и лесов поднимаются красавцы города. Жалею только об одном: нам бы чуть-чуть пораньше взяться за это дело — легче пришлось бы сейчас».

Строить в Западной Сибири жилья больше, лучше, быстрее — задача, продиктованная самой жизнью. Закончился, как принято тут условно говорить, первый этап освоения этого богатейшего топливно-энергетического района. На этом витке стремились во что бы то ни стало добраться до недр — взять нефть и газ. Строительство жилья, социально-бытовых учреждений — все это зачастую откладывалось на потом, до них не всегда доходили руки. Но вот освоили Среднее Приобье, не за горами путь к более северным месторождениям. Словом, добыча нефти и газа будет с каждым годом возрастать. Для обслуживания буровых, трубопроводов, компрессорных станций, нефтеперерабатывающих заводов дополнительно потребуется много работников. По предварительным подсчетам, число их в Тюменской области к концу пятилетки увеличится вдвое. Чтобы разместить эту огромную армию людей, обеспечить им хорошие бытовые условия, нужны капитальное жилье, надежная база социально-культурного комплекса. В прошлом году многие союзные республики направили сюда свои лучшие строительные коллективы. Дома в Сургуте и Нефтеюганске возводят сейчас бригады из Прибалтики и с Украины. В Нижневартовске жилье индустриальным методом строят москвичи. Не случайно именно в Тюменскую область в марте приехали бойцы Всесоюзного ударного комсомольского отряда имени XXVI съезда КПСС. Несколько тысяч юношей и девушек распределены по строительным организациям. В Тюменском обкоме комсомола нам рассказали, что в июле в область прибыли 22 тысячи бойцов строительных студенческих отрядов. Характерно, что все они строят в этом году только жилые дома, магазины, бани, прачечные, парикмахерские, детские сады и ясли. Многое тут делается для того, чтобы жилось людям на Севере тепло и уютно.

СУРГУТСКИЙ РЫВОК

Город — как человек. В его жизни тоже бывают периоды детства, отрочества, юности. Сургут в этом отношении подросток, завершающий свое отрочество.

Еще десять лет назад в городе от силы было 30 тысяч жителей. Сейчас сто тридцать. А по утвержденному два года назад генплану численность населения уже в ближайшем будущем вырастет до 350 тысяч.

Удивляться сургутскому демографическому феномену не стоит. Судьбой Сургуту отведено стать крупнейшим базовым городом Среднего Приобья. К нему «привязаны» нефтяные месторождения Западной Сибири: Федоровское, Моховое, Савуйское, Повховское, Когалымское. Не случайно знаменитая железная дорога Тюмень — Уренгой одним своим плечом прочно легла на Сургут. Помимо всего, это крупный порт на Оби. Здесь строится одна из самых мощных в Западной Сибири ГРЭС.

— Сколько ни строим, все не хватает, — сетует главный инженер Сургутского домостроительного комбината Станислав Яковлевич Таслицкий. — Кто мог знать, что люди здесь будут оставаться навсегда? Думали, что приезжать в эти края будут, ну, от силы на пять лет. А получается иначе. Многим здесь нравится, привыкают и к суровой зиме и к жаркому лету — остаются навсегда.

Жилье в Сургуте строят многие организации — главки и тресты нефтяников, газовиков, трубопроводчиков, энергетиков. Но больше всего — ДСК.

Мы встретились с Таслицким в субботу, в послеобеденное время но отдыхать домой он не спешил. Работал селектор, часто напоминал о себе телефон. Решались текущие проблемы, в том числе и по разгрузке вагонов со щебнем и цементом, которые прибыли на станцию с большим опозданием да еще в неурочный день: суббота есть суббота, попробуй тут разыщи людей на разгрузку.

— Так и идет наша веселая жизнь, — обронил Таслицкий с раздражением. — Исключительно на привозном живем. Всё, начиная от песка и кончая краской, возим с Большой земли.

— И часто бывают перебои?

— Да. Недавно простаивал целый цех на нашем заводе железобетонных изделий. А все почему? Череповецкий металлургический завод замешкался с поставкой металла для армокаркасов. Ну и транспортники где-то в дороге промариновали наш груз. Влетело все это в копеечку... Из-за нерасторопности поставщиков у нас многого порой не хватает.

Да только ли у ДСК? Вспомнилась комсомольско-молодежная бригада маляров-штукатуров Анны Николаевны Тестешевой, где мы побывали сегодня. 36 мастеров в коллективе. 12 девушек пришли к Тестешевой совсем недавно, они из Всесоюзного ударного комсомольского отряда имени XXVI съезда КПСС.

Бригада отделывала 112-квартирный дом с улучшенной планировкой, с более просторными и теплыми квартирами. Это был дом серии «И-164», разработанной специально для Среднего Приобья Ленинградским зональным НИИ экспериментального проектирования. Домостроительному комбинату понравился проект, и он стал строить дома только по проекту ленинградских архитекторов. И люди хвалят эти дома. ДСК не ошибся.

Анна Николаевна Тестешева, показывая свое хозяйство, говорила:

— В таких домах и работаешь с настроением. Знаешь, что человеку потом здесь будет приятно жить.

Обычно на подъезд в 24 квартиры бригада затрачивает три недели вместо четырех по норме. Норма выработки в коллективе ниже 180 процентов не опускается.

— А можно штукатурить и красить еще быстрее? — спросил я Анну Николаевну.

— Конечно, — не задумываясь, ответила она, — но для этого нужно как следует обеспечить нас лебедками, шахтными подъемниками, малярными и штукатурными станциями. Нам совсем не поставляют это оборудование. А кисточкой, как ни старайся, все равно меньше покрасишь, чем пульверизатором.

И здесь, так же как и в ДСК, успех дела решает обеспеченность строителей всем тем элементарно необходимым (будь то средства малой механизации или стройматериалы), что позволяет трудиться ритмично, без вынужденных простоев, в полную силу. Но, увы, зачастую так не получается.

— Это одна сторона дела,— заметил Таслицкий, когда мы повели с ним разговор на эту тему.— Но есть и вторая. На решение этих, казалось бы, пустячных вопросов, которых не должно, по сути, и быть, уходит уйма времени, энергии, ненужной суеты. В итоге инженер превращается в заурядного толкача, а у бригадира голова болит не о работе, а о том, как бы не проморгать новые лебедки на складе.

Вопросы обеспечения стройматериалами, средствами производства нас остро волнуют и задевают,— продолжал Таслицкий.— Однако я уверен, что мы решим их. И в ближайшем будущем. Но есть проблема, справиться с которой не в силах ни я, ни Анна Николаевна Тестешева...

Суть проблемы такова. У домостроительного комбината задача четкая и конкретная: строить жилье. И успехи его оценивают не по процентам выработки, не по объему освоенных капиталовложений, а по конечной продукции — сколько квадратных метров жилплощади сдал комбинат. И это замечательно.

ДСК выводит дом на нулевой цикл, ставит коробку, отделывает квартиры. Но почти одновременно на участке и в доме ведут работы сантехники, электрики, слесари. Они обеспечивают канализацию, свет, монтируют санузлы. Оборудование и стройматериалы завозят водители. Вся эта немалая армия тружеников, от которой не в меньшей мере, чем непосредственно от монтажников и штукатуров, зависит своевременная сдача объекта, объединена трестом «Сургутспецжилстрой». Казалось бы, трест, выполняя свои прямые обязанности, взяв на себя кропотливую и сложную работу по оснастке дома, оказывает комбинату неоценимую помощь. Но что получается на деле? Сантехники из треста монтируют санузлы лишь бы как. Освоив определенный подряд, они спешат сорвать денежный куш пожирнее и умыть руки. Ведь к конечному результату — конкретным квадратным метрам жилья — их зарплата не «привязана». Им трест платит с выработки. Поэтому их не тревожит, когда и с каким качеством будет сдан дом. Такая же картина и с электриками и со слесарями.

Получается, что две строительные организации строят один и тот же объект, но одна несет за него всю полноту ответственности, а другая лишь постольку поскольку. Конечно же, такое положение отрицательно сказывается на успехе всей работы. Скоординировать усилия этих двух организаций, направить их по одному руслу трудно. Каждая из них вполне самостоятельна, у каждой свой план, свои задачи. И обе тянут общий воз... только в свою сторону.

В строительстве домов участвуют и такие организации, как «Сургутнефтегазэлектромонтаж», «Уралтеплоизоляция», «Востокпромсвязьмонтаж», которые подчиняются опять же только своим главкам и трестам. Попробуй тут сведи эти силы воедино!

Ведомственная разобщенность!.. Она и в давних распрях ДСК с трестом «Сургутгазстрой»: кому все же взяться основательно за строительство детских садов и яслей. Комбинат, казалось бы, должен заняться этим делом хотя бы в силу того, что является головной строительной организацией в городе. А трест — потому, что его обязали строить детские садики. На поверку же вышло, что Иван кивает на Петра. Трест возмущается: «Почему мы? Ведь у комбината есть свой завод железобетонных изделий, да и вообще силенок побольше!» ДСК в ответ: «Детсады по проекту идут в «кирпиче», а у нас еще не налажена линия по выпуску для яслей и садиков крупнопанельных блоков»,— «на поток», мол, сады, как жилье, не поставишь!

И что же получается? Домостроительный комбинат, словно перебарывая себя, строит за год от силы один-два детских сада. Не может похвастать лучшими результатами и трест «Сургутгазстрой». Но беда-то вся в том, что несладко в этой междоусобице приходится детям, которым в общем-то все равно, что там никак не поделят между собой взрослые дяди. Вопреки всем санитарно-гигиеническим нормам детские сады в Сургуте часто бывают переполненными. Например, детсад «Золотая рыбка» рассчитан на 280 мест, но вынужден уплотняться до 320. Что поделаешь, если детей в Сургуте много, а садиков не хватает. Вот и уплотняются вопреки всем нормативам и положениям.

— Но это тоже не спасает,— рассказывали мне женщины в бригаде Тестешевой.— Садик, он ведь не безразмерный, всех желающих не вместит. Строить надо больше, тогда и проблем с нашими ребятами не будет.

А бригадир Анна Николаевна добавила:

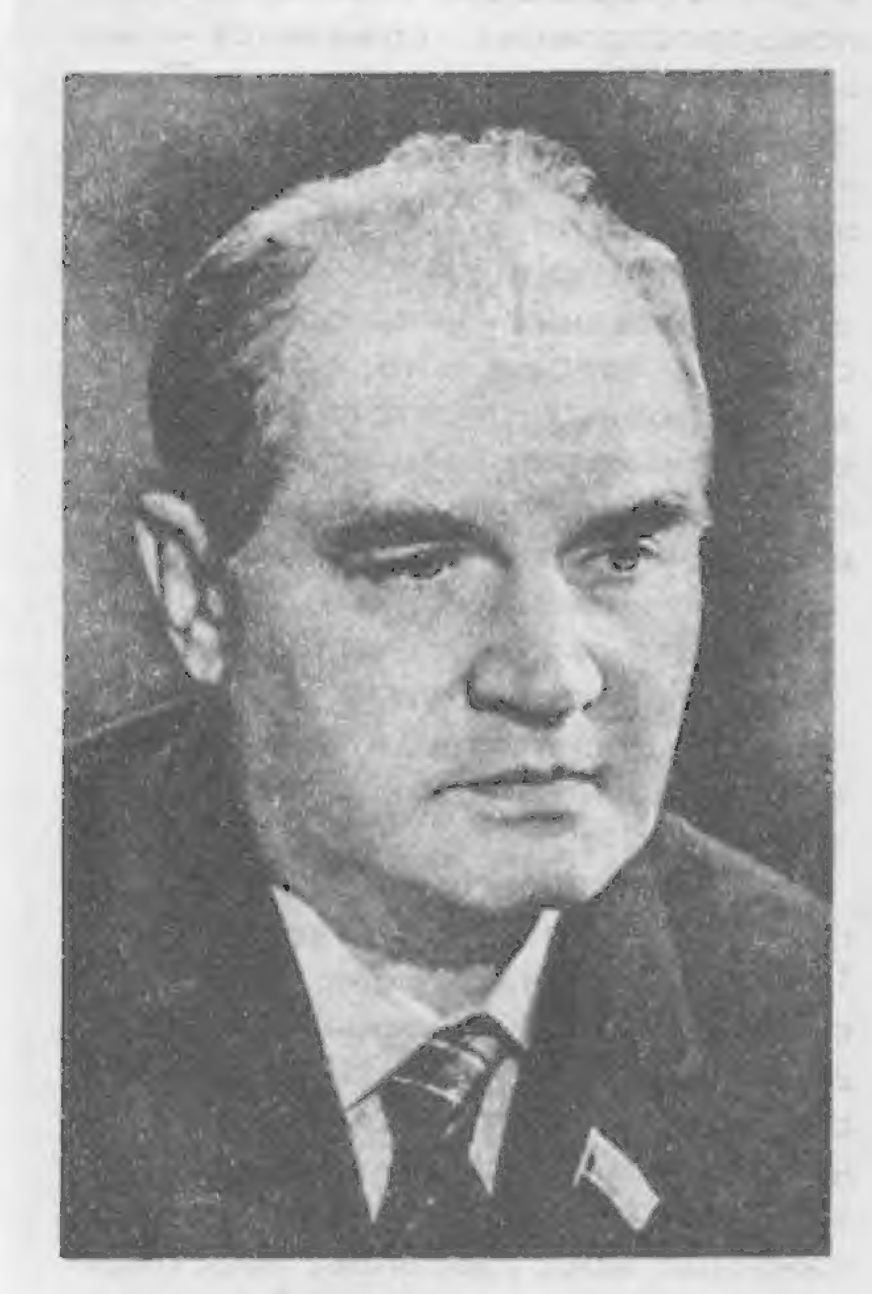
— Только по нашему управлению отделочных работ восемьдесят ребятишек не устроены в сады и ясли. Как ни хлопочем, как ни бьемся, а нужду все покрыть не можем... Мало еще у нас строят садиков, вот и весь тут сказ.

Где же выход?

— Ведомственная разобщенность — основная помеха комплексному строительству в городе,— констатирует Таслицкий.— И решение этой проблемы в одном — необходимо создать единое градостроительное объединение, которое свело бы в единый кулак силы всех наших строительных организаций. Эффективность этого опыта подтверждена многолетней практикой градостроителей Москвы, Минска и других крупных городов. У нас же пока все на нулевом цикле...

Мне невольно вспомнился курьез в Тюмени, когда мы из-за обилия вывесок перепутали главки. Вот и здесь, в Сургуте... Сколько невеселых историй случается по причине немалого числа трестов, управлений, самых разных органи-

СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВИЧ НАРОВЧАТОВ

Советская литература понесла большую утрату. 22 июля на 62-м году жизни после тяжелой, продолжительной болезни скончался видный советский писатель и общественный деятель, депутат Верховного Совета РСФСР, Герой Социалистического Труда, секретарь правления Союза писателей СССР, главный редактор журнала «Новый мир» Сергей Сергеевич Наровчатов.

Сергей Сергеевич Наровчатов родился 3 октября 1919 года в г. Хвалынске Саратовской области. Он принадлежал к писателям фронтового поколения Великой Отечественной войны. Со студенческой скамьи С. С. Наровчатов ушел добровольцем защищать Родину, проявил себя стойким бойцом и мужественным военным журналистом.

Более сорока книг стихов и поэм, литературоведческих исследований, очерков и рассказов, сборников воспоминаний — «Костер», «Священная война», «Фронтовая радуга», «Солдаты свободы», «Мы входим в жизнь» и многие другие — принесли С. С. Наровчатову широкое признание и любовь советских и зарубежных читателей.

Все творчество С. С. Наровчатова — образец неустанного служения делу Коммунистической партии, советского народа, родной литературе. Оно проникнуто духом партийности, беззаветного служения Родине, глубокого лиризма. Его произведениям присущи высокая культура, широта эрудиции, взыскательность ученого и художника. Своим самобытным талантом, мастерством и трудолюбием С. С. Наровчатов внес большой вклад в развитие советской многонациональной литературы. Много сил и энергии С. С. Наровчатов отдавал воспитанию творческой молодежи.

С. С. Наровчатов избирался членом МГК КПСС, депутатом Верховного Совета РСФСР, секретарем правлений Союза писателей СССР и РСФСР, возглавлял Московскую писательскую организацию, являлся членом Комитета по Ленинским и Государственным премиям при Совете Министров СССР, членом Советского комитета защиты мира.

Партия и правительство высоко оценили боевые подвиги и творческие достижения С. С. Наровчатова: он был удостоен звания Героя Социалистического Труда, награжден орденами Ленина, Трудового Красного Знамени, Отечественной войны II степени, Красной Звезды и медалями. За поэму «Василий Буслаев» ему была присуждена Государственная премия РСФСР им. М. Горького.

Светлая память о писателе-коммунисте, прекрасном художнике, человеке большой души Сергее Сергеевиче Наровчатове навсегда сохранится в сердцах советских людей.

Л. И. Брежнев, Ю. В. Андропов, М. С. Горбачев, В. В. Гришин, А. А. Громыко, А. П. Кириленко, А. Я. Пельше, М. А. Суслов, Н. А. Тихонов, Д. Ф. Устинов, К. У. Черненко, П. Н. Демичев, В. В. Кузнецов, Б. Н. Пономарев, М. С. Соломенцев, И. В. Капитонов, В. И. Долгих, М. В. Зимянин, К. В. Русаков, В. Н. Макеев, М. А. Яснов, В. Г. Афанасьев, А. А. Епишев, С. Г. Лапин, Б. И. Стукалин, Е. М. Тяжельников, В. Ф. Шауро, Б. Н. Пастухов, В. И. Кочемасов, Е. К. Федоров, А. М. Роганов, Г. М. Марков, С. А. Азимов, Ч. Айтматов, М. Н. Алексеев, А. А. Ананьев, Т. Аскаров, С. А. Баруздин, А. А. Беляев, Ю. В. Бондарев, П. П. Боцу, Ю. Н. Верченко, Р. Г. Гамзатов, Н. М. Грибачев, Н. В. Думбадзе, П. А. Загребельный, М. А. Ибрагимов, Е. А. Исаев, М. Каноатов, В. В. Карпов, В. М. Кожевников, Ф. Ф. Кузнецов, Т. Курбанов, П. А. Куусберг, Л. М. Леонов, А. М. Малдонис, С. В. Михалков, Д. Мулдагалиев, В. М. Озеров, В. А. Петросян, Г. Р. Приеде, С. В. Сартаков, Е. И. Скурко (М. Танк), А. А. Сурков, А. Б. Чаковский, А. Н. Чепуров, М. А. Шолохов.

заций, каждая из которых отгородилась от остальных, словно прочным щитом, своей вывеской. Ох, уж эти вывески!

НОЯБРЬСКИЙ ВАРИАНТ

Бытует мнение, что дети обычно повторяют ошибки старшего поколения. Осваивая новые месторождения, человек уходит за нефтью все дальше на Север и строит на пути новые города. И уже Сургут «смотрит» на «молодую поросль» глазами старшего: «Как вы начнете жить? Смотрите же, не повторите мои промахи».

В Ноябрьске — городе, который начал строиться в прошлом году и который скоро станет крупнейшим базовым центром по освоению ведущих северных месторождений, начальник нефтегазодобывающего управления «Холмогорнефть» Василий Васильевич Калмыков начал разговор с «уроков Сургута». Он подвел нас к макету будущего города.

— Сургут строился хаотично, — без долгих предисловий начал Калмыков,— газовики сооружали одно, нефтяники другое. Ведомственная разобщенность мешала, и, по-моему, до сих пор это серьезная помеха сургутским строителям. Мы постарались учесть уроки старших городов — Ноябрьск будет строиться комплексно, по генеральному плану. Город будет состоять из нескольких зон: жилой, производственной, зоны отдыха. Ноябрьск начал строиться с жилья. Жилая зона будет четко делиться на два района: с деревянными и кирпично-бетонными домами, чтобы не мешать, как говорят, кислое с пресным.

Определенность суждений Калмыкова, граничащая даже с категоричной резкостью, нам понравилась. Василий Васильевич на Севере с 1964 года. Начинал с Нефтеюганска. Видел своими глазами, что это такое, когда на месторождение выходят вначале нефтяник и газовик, а уже потом, когда город начинает почти хаотично дробиться межведомственностью, подтягивается строитель. А, по мнению Калмыкова, «должно быть наоборот. Уроки Сургута, Нефтеюганска, Надыма...—загибал пальцы Калмыков, — не многовато ли? Довольно ходить в коротких штанишках!»

...Заказчиком нового города Ноябрьска стало нефтегазодобывающее управление, которым руководит Василий Васильевич. НГДУ прибыло сюда полтора года назад и начало готовить базу будущего рывка. И за будущий город, каким ему быть, во многом несет ответственность Калмыков. Василий Васильевич хорошо понимает, что его управление не способно вести одновременно и промобъекты, и жилье, и культурно-бытовые учреждения. Как тут быть? Выход один, и он прост — необходимо ввести на строительные площадки города сильных и деятельных подрядчиков, которые комплексно начали бы возводить будущий город. Летом прошлого года такие подрядчики прибыли в Ноябрьск — украинские строители. Всех их нацелили на жилые дома. В этом году они сдадут 40 тысяч квадратных метров жилья. В последующие годы намерены строить по 60 тысяч. Только такие темпы и позволят справиться с главной задачей — построить к концу пятилетки город. В недалеком будущем в нем будет 100 тысяч жителей.

Украинские строители ставят в Ноябрьске дома, разработанные специально для Севера. Первые этажи будут заняты магазинами, прачечными, химчистками, домовыми кухнями. Рассчитано в Ноябрьске так: на два дома обязательно пять культурно-бытовых учреждений. В мае строители заложили Дом культуры, школу, большую столовую. На следующий год предусматривается начать сооружение универмага. Это будут капитальные постройки из крупнопанельных блоков.

Иначе нельзя. К Ноябрьску «привязаны» ни много ни мало 83 организации. Упустишь сейчас момент, каждая из них — не успеешь оглянуться — скорехонько «слепит» себе и «кинобарак», и столовую с подслеповатыми окнами, и баньку-землянку, и даже собственную «цирюльню». У многих руководителей этих организаций уже есть подобный опыт освоения северных месторождений. Так почему не повторить его в Ноябрьске? Нет, на этот раз так дело не пойдет, — это решили сразу и заказчик и подрядчик.

Умное, справедливое решение. И необходимое... Ведь город — как человек, если он будет расти, вбирая в себя все то хорошее, что происходит вокруг него, то он не повторит ошибок старших. По крайней мере не должен...

КОГДА ЖЕ КОНЕЦ ЭКСПЕРИМЕНТУ?

К жилищно-коммунальной службе предъявляют много претензий. Стала она любимой темой сатириков и фельетонистов. Даже тип нарицательный появился — «Афоня». Никуда не денешься — основания есть. Жилищно-коммунальная служба не отвечает еще современным требованиям. А требования к ней все растут и растут.

«Конкретная забота о конкретном человеке, его нуждах и потребностях — начало и конечный пункт экономической политики партии,— говорил Леонид Ильич Брежнев на XXVI съезде партии.— Я напоминаю об этом для того, чтобы еще раз подчеркнуть простую, но и очень важную мысль: производство товаров для населения, развитие сферы услуг — это первейшее партийное дело».

Как справляемся мы с этим «первейшим партийным делом»? Кажется, задача у нас простая: дать людям кров, тепло, напоить водой, создать комфорт, навести чистоту, позаботиться о нормальной работе городского электрического транспорта. Между тем это очень сложный комплекс услуг, требующий от исполнителей серьезной инженерной подготовки, высокой профессиональной культуры, умения четко и оперативно решать возникающие неотложные вопросы, которые влияют на настроение людей, на производительность их труда. Причем, как и любая другая отрасль народного хозяйства, наша служба должна постоянно развиваться и питаться живительными соками прогресса.

Итак, прогресс. Как обстоит с ним дело?

За годы десятой пятилетки на жилищное и коммунальное строительство выделены десятки миллиардов рублей капитальных вложений. Современный город — это современные здания с дорогостоящими лифтами, бойлерными, тепловыми пунктами, насосными станциями, инженерными сетями. Организация управления процессами, обеспечивающими бесперебойную работу этого сложнейшего механизма, требует все больше обслуживающего персонала, причем высокой квалификации. И сразу возникают два вопроса: возможно ли, учитывая нехватку рабочих рук в стране, не увеличивать численность работников без ущерба нашей службе? И в то же время добиться максимальной оперативности, четкости в обслуживании жильцов. Возможно и то и другое. Вслед за Москвой и некоторыми другими городами страны мы в Белоруссии пытаемся это доказать.

Жилищное хозяйство составляет четвертую часть общей стоимости всех основных фондов Белорусской ССР. Расходы на эксплуатацию инженерного оборудования даже в небольших жилых домах превышают 50 процентов общих расходов на содержание дома. В больших же они возрастают до 70 процентов. Специалистами подсчитано, что до 2000 года эксплуатация инженерных систем потребует при нынешней организации службы домового хозяйства дополнительно десятки тысяч работников. Можно ли обойтись без увеличения штатов? Да, можно, но при автоматизации управления, обеспечивающей сбор, хранение, передачу и переработку информации с помощью современных средств телемеханики, вычислительной техники и других устройств.

В конце 1974 года работники жилищно-коммунального хозяйства республики взялись за разработку и внедрение надежных и экономичных устройств диспетчеризации, гарантирующих устойчивую и удобную работу инженерного оборудования. Начали с Минска и областных центров. Активный поиск, использование имеющегося в стране опыта вскоре принесли первые результаты. В домоуправлении № 53 Минска на одной из дверей появилась табличка «Диспетчерская». Переговорные устройства «приводят» сюда всех жильцов микрорайона «Раковское шоссе». Нажата кнопка в подъезде дома, и дежурный диспетчер принимает заявку на устранение тех или иных неполадок. В распоряжении диспетчера три слесаря-сантехника, электрик и три электромеханика по обслуживанию лифтов. Если учесть, что в хозяйстве объединенной диспетчерской системы 38 многоквартирных жилых зданий, 73 лифта, 51 узел управления, 44 электрощитовых и центральных тепловых пункта, 20 насосов, то нельзя не отметить: обслуживающий персонал здесь минимальный.

Несколько лет тому назад была введена в эксплуатацию объединенная диспетчерская система типа «Комфорт» в домоуправлении № 6 Могилева. Она обслуживает 51 жилой дом, где проживает более 12 тысяч человек. Система обеспечивает бесперебойную работу инженерного оборудования, предупреждает его преждевременный износ, позволяет сократить персонал.

Диспетчерские системы имеют не только экономическое, но и социальное значение. Повышается культура обслуживания, неполадки устраняются оперативно. Стало меньше жалоб, претензий в адрес коммунальников. А в книге предложений появились десятки благодарностей, в том числе и за то, что диспетчеры приходили на помощь людям не только по служебному, но и чисто по человеческому долгу. Глубокой ночью, не найдя поблизости телефона-автомата, отец заболевшего ребенка обратился к дежурному диспетчеру с просьбой вызвать «Скорую помощь». Ему, конечно, помогли...

Объединенные диспетчерские системы, по мнению специалистов, сулят экономию в 60—80 копеек на квадратном метре жилья. А сами капитальные вложения на диспетчеризацию окупаются через дватри года. Доказательно и убедительно. Но вот какая загвоздка: в Белоруссии, как и в целом по стране, насколько нам известно, темпы диспетчеризации весьма скромные. В республике к концу десятой пятилетки планировалось ввести только 11 объединенных диспетчерских систем. Мало! Но и те не ввели. Когда же при таких темпах удастся осуществить полную диспетчеризацию?

Думается, что причины столь медленного продвижения вперед лежат на поверхности.

Проектирование, изготовление и эксплуатацию диспетчерских систем каждая республика ведет кустарно. По причине разобщенности нередко появляются устаревшие системы или системы с оборудованием на элементах и средствах автоматизации, которые в настоящее время уже не выпускаются промышленностью для широкого использования. До сегодняшнего дня в стране нет единого научно-координационного и информационного центра, единого разработчика в этой области. Нам представляется целесообразным преобразовать Академию коммунального хозяйства имени К. Д. Памфилова во всесоюзную. Ей, надо полагать, по силам стать научным и координационным центром, направляющим научно-технический прогресс в нашей отрасли. Она многое может сделать для решения проблем диспетчеризации жилищного фонда страны. А пока отсутствие универсальной, годной для всех городов диспетчерской системы создает трудности в налаживании централизованного изготовления ее элементов, в ее комплектации. Дело осложняется еще и тем, что установленное правительством задание по разработке и изготовлению в 1980 году опытно-промышленных партий приборов, средств автоматизации и диспетчеризации Министерством приборостроения срывается — мы имеем в виду постановление Совета Министров СССР от 1978 года «О мерах по дальнейшему улучшению эксплуатации и ремонта жилищного фонда». К сожалению, его требования некоторые министерства старательно обходят. Во всех союзных республиках в проектах диспетчеризации жилых домов, как правило, предусматривается большое количество контрольно-измерительных приборов и средств связи, а они выпускаются промышленностью в ограниченном количестве и в жилищно-коммунальное хозяйство почти не попадают.

Острее острого ощущается дефицит телефонного кабеля. На 1980 год для наших диспетчерских систем вместо нужных 58 дали 25 километров. А ведь правительство республики поручило Госплану, Госснабу и Министерству связи Белоруссии выделять кабель, приборы, оборудование, необходимые для комплектации объединенных диспетчерских систем жилищного хозяйства. Как же так? Выходит, постановление, принятое в 1978 году, утратило силу?

Есть путь, облегчающий решение проблемы,— максимальное использование сетей самого Министерства связи. Можно выкроить на дом одну так называемую телефонную пару, чтобы переговорное устройство соединило жильцов с домоуправлением. Увы, верх берет ведомственность. Службы Министерства связи республики неохотно берутся за «чужое» дело. Хотя все уже давно убедились, что, когда речь идет о благе людей, все интересы — общие.

Вряд ли нужно доказывать, что диспетчерские системы необходимо строить сразу же при возведении домов. Это намного уменьшит затраты материальных ресурсов. Согласны с этим и градостроители. Приказом Госгражданстроя СССР от 29 декабря 1972 года предписывалось: «При разработке проектов застройки новых и реконструкции существующих микрорайонов предусматривать комплексную диспетчеризацию систем инженерного оборудования жилых и общественных зданий...» Однако этот приказ не выполняется. Во вновь построенных домах не предусматривают мест для установки переговорных устройств, щитов управления освещением и т. п.

...Итак, эксперимент. Успешный. Агитирующий сам за себя. Но явно застрявший на стадии, которой пора бы уж кончиться.

Принятые пятой сессией Верховного Совета Союза ССР в июне нынешнего года «Основы жилищного законодательства Союза ССР и союзных республик» еще раз напоминают о важности проблем управления жилищным хозяйством.

Л. С. БЛИЗНЮК,
начальник управления Министерства жилищно-коммунального хозяйства БССР;
Э. Н. СИДОРОВ,
управляющий трестом «Белжилкоммункомплект» Министерства жилищно-коммунального хозяйства БССР.

Н. Жуков. 1908—1973. РАСТЕМ И ХОРОШЕЕМ. 1953.

Н. **Жуков.** ХУДОЖНИК. 1946.

БЕЛЫЕ ФЛОКСЫ. 1958.

РОЗЫ. 1946.

«МУХА». 1946.

Михаил АЛЕКСЕЕВ

РОМАН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

ДРАЧУНЫ

Опасения отца, однако, не оправдались. К его и к удивлению уполномоченного, да и Сорокина тоже, первыми, не дожидаясь «дебатов» (а они, как и предвиделось, были, конечно же, чрезвычайно бурными, потому что иными и быть не могли), принесли заявления те, что в первоначальных списках были помечены красным крестиком и подлежали раскулачиванию, и среди них прежде всего поднялся на сцену и положил бумажку перед Сорокиным Егор Михайлович Ефремов, за ним Тимофей Петрович Тарасов, за Тарасовым — Петр Ксенофонтович Одиноков, наш учитель по «труду», этот, прежде чем покинуть сцену, произнес весьма толковую, разумную речь, из коей можно было заключить, что только глупый теленок упирается, когда хозяйка хочет вывести его на лужок со свежей, зеленой, сытной травкой. В зале дружно, ядрено захлопали в ладоши, и все-таки сквозь эти хлопки прорезался чей-то язвительный выкрик:

— А не подавимся мы твоей травкой, Ксенофонтыч, а? Ты спереж спробуй ее сам, а мы поглядим. Можа, потом уж...

— Кто это там подал голос? — грозно бросил в зал председательствующий.— А ну, выходь суда и калякай! Нечего за чужие спины прятаться, коли ты такой решительный и умный!.. Давай, давай суда!..

Из задних рядов сообщили:

— Ищи ветра в поле! Он, какой кричал, уже выметнулся из нардома и сгинул в темноте!.. Так-то...

— Ничего, сыщем,— негромко сказал уполномоченный, не подымаясь, но его все хорошо услышали: больно уж выразителен был его голос и многообещающи слова, им произнесенные.— Найдем! — повторил он погромче.

— Помогай вам бог! — отозвались задние ряды не то сочувственно, не то с ехидцей.

Дождавшись окончания этой переклички, Петр Ксенофонтович провел ладонью сверху вниз по острой своей бороденке и с достоинством, не спеша вернулся в зал на свое место.

Вслед за Одиноковым шумно стали протискиваться к президиуму маломощные середняки и бедняки, и очень редко те, против которых в списках топорщила крылышки синяя галочка, то есть середняки. Поэтому отец мой очень обрадовался, когда в проходе появилась подбористая фигура Авраама Кузьмича Сергеева. Воздев руку над головой, он, точно знамя, нес в ней бумажку и на ходу ораторствовал:

— Верно тут баил Ксенофонтыч! Он умнее всех нас!.. К светлой жизни зовет Советская наша власть, а мы чегой-то сумневамси!.. Бери, Сорокин, мою бумагу!.. Вступаем в колхоз всею семьей!.. Во!

Но перед самой сценой Авраама остановил председатель резким жестом:

— Погоди, погоди, Кузьмич, не подымайся к нам!..

— Эт почему же? — опешил Авраам.

— Ты за каким чертом купил третьего дня еще одного верблюда? — на вопрос ответил вопросом Сорокин.

— Скушно одному Бухару во дворе, вот и прикупил для него напарника. Рази колхозу будет хужее, ежли я приведу на общий двор не одного, а сразу двух верблюдов? — усмехнулся Авраам, все еще не веря в то, что с ним не шутят, что он совершил роковую для себя ошибку.

Кто-то (кажется, Карпушка Котунов) выкрикнул из зала:

— А сколько горбов у нового твово верблюда, Кузьмич?

— Этот двугорбый,— охотно и весело, в тон спрашивавшего, ответил Авраам.

— Ну, и дуралей ты, Аврашка! — послышался все тот же голос (теперь все видели, что он принадлежал Карпушке).— Купил бы ищо одногорбова, глядишь, все бы и обошлось для тебя по-хорошему. Два горба — куды ни шло! А три да плюс твой собственный — это уж перебор, Авраша, это уже двадцать два! За четыре горба тебя, милок, придется окулачить и отправить куда следоват... на Соловки аль еще куда... вместе с Яшкой Крутяковым и Тимошкой Ефремовым, со всеми, ста-лыть, каких мы только што затвердили тут для раскулачивания и высылки!.. Понял, болван ты этакий?!..

— Это кто еще там так разговорился?

— Самый что ни на есть маломощный бедняк! — живо и весело отозвался Карпушка.

— Ну ты вот что, маломощный!.. Ты попридержал бы язычок за зубами! — посоветовал уполномоченный.

— Помолчал бы ты, балаболка! — Михаил Спиридонович побагровел.— Как бы сам не угодил на те Соловки за свои глупые речи!

— Рази и глупых людей туда отправляют? — не вытерпел Карпушка, все еще поигрывая веселыми глазами.

— Отправляют,— буркнул Сорокин.

— Ну, коли так, загребайте нас всех разом. А я молчу.

Карпушка притих и, откинувшись назад, демонстративно спрятался за спиной Пани Камышова, как за глухой стеной избы.

В зале осенним листопадом все еще шелестел смешок, вызванный речью Карпушки. Когда и он иссяк, где-то в средине зала замаячил малахай Григория Яковлевича Жукова. Выбираясь к проходу, он издали возгласил, погрозив кому-то выброшенной вверх правой рукой. Решительно направляясь к сцене, вместо заявления он мучил в этой руке сдернутый с головы малахай и еще на подходе к президиуму не попросил — потребовал:

— Дайте сказать!

Не спускавший с него глаз отец мой вмиг сменился с лица, утопил голову меж приподнятых плеч, будто приготовился встретить страшной силы удар. В голове напуганной, угодившей в силки птахой, отзываясь острой болью в груди, билась мысль: «Вот оно... вот оно... то самое... началось!..» Отец не знал, с какою целью потребовал слова Жуков, что он сейчас скажет, но не знал разумом, а сердце отчаянно стучалось, торкалось в голову: «На тебя — ни на кого больше! — попер этот свирепый зверь».

— Вы что, Григорий Яковлевич, хотите что-то сказать нам? — вежливо спросил председательствующий, настораживаясь.

— Хочу! — коротко рубанул Жуков. Его малахай, как живой, ворочался, корчился в багровых от тусклого света семилинейной лампы руках.

В зале сделалось еще тише.

— Ну, ну, говорите! Говорите, товарищ...

— Жуков мое фамилие,— подсказал уполномоченному Григорий Яковлевич,— а по-уличному Жучкин. Так у нас в Монастырском меня величают. Жуков — Жучкин, один черт!.. Пусть хоть как...

— Ну, ну. Говорите! Мы слушаем...

— А что тут говорить?!.. Пущай вон ваш секретарь скажет... Вы не пустили к себе Аврашку Сергеева. Для вас он кулак!.. Кулак и есть, потому как спит на кулаке. До подушки-то ему, сердешному, не добраться: неколи! С темного до темного ургучит. Ведь у него без малого два десятка ртов. Попробовали бы вы накормить такую ораву!.. Тут не то што трех, но и десяти верблюжьих горбов не хватит! Ты, Карп Иваныч, позабыл, знать, прибавить к энтим горбам ищо и килу, какая у Аврашки в правом паху взыграла. Он и ходит-то с нею враскоряку, как давно не доенная корова. Вот он какой кулак, товарищ начальник району!.. А вы...

— Ну, что мы? — остановил его Сорокин, скосив глаз на уполномоченного, стараясь понять, осерчал или нет важный гость от последних слов Жукова, который уже стоял вполоборота к президиуму и продолжал еще запальчивей:

— Ты, Спиридоныч, не мешай мне. Я ить знаю, что вы с тем хохлом заодно. Вот бы кого окулачить-то нужно — секретаря твово! Небось, первым подал заявление. Ему што!.. Стравил волкам молодую рысачку, штоб не отдавать в колхоз, а теперича...

— Клевета это! Форменная клевета! Прошу занести это в протокол собрания! — закричал отец.

— Заноси, записывай!.. Не больно я тебя испужался!.. Карюху свою паршивую ты, конешное дело, приведешь на обчий двор с радостью, но далеко ли мы на ней ускачем!.. Она ить, кляча твоя, дедушки Ничею ровесница!..

Трескучим взрывом хохота встряхнуло нардом.

Оратор, гневно посверкивая побелевшими от внутреннего накала глазами, вновь поднял малахай, требуя тишины. Дождавшись наконец ее, обиженно упрекнул зал:

— Что ржете, как невыхолощенные жеребцы?.. Аль што не так баю!

— Так, так! — заорали с разных мест мужики, боясь, как бы оратор не покинул сцену и не лишил их веселого действа.— Давай, Гришка, крой!

— Крыть никого не собираюсь. Я вам не картежник,— заметил Жуков с достоинством.— Вы вот хохочете, а я ищо не все сказал...

— Давай, давай! — радостно плеснулось из зала.

— Я и говорю... Ежли вы примете в колхоз Микольку Лексева, Хохлова то есть,— заторопился Григорий Яковлевич, подбодренный залом,— ежли вы его запишете, то я ни в жисть не подам завлению!..

— Эка беда! Ну, и не подавай! — без тебя проживем как-нибудь! — впервые подал свой голос дядя Петруха, заявление

Продолжение. См. «Огонек» №№ 21—30.

которого только что пробежало по рядам и добралось до президиума.

— Ну, и живите, а я погляжу, потому как быть с твоим брательником в одной артели не хочу!.. А теперича спросите Миколая, куда он дел свою молодую кобылку! Ить он нарошно выпустил ее со двора, штоб бирюки задрали. Про то все знают!..

— Да как же тебе не стыдно, Григорий! — плачущим голосом вскричал отец.— Что ты говоришь! Креста на тебе нет!

— Чего нет — того нет,— согласился Жуков, ухмыльнувшись,— потому как сроду ни в каких богов не верил.

— Оно и видно. Ну, а совесть у тебя есть?

— Совесть есть. Потому и говорю по совести.

— Прекратите перепалку! — прикрикнул Сорокин.— А ты, Николай Михалыч, успокойся. Разберемся мы с этим. Говорил я тебе, что ваша ссора до добра не доведет.— Последние слова председатель произнес тихо, только для моего отца, дотронувшись рукою до его рыжих, взъерошенных волос.

Отец уже не слышал, что там еще говорил Жуков, не заметил и того, как тот покинул сцену и удалился на свое место.

Собрание окончилось к утру. Но до восхода солнца оставалось еще часа два. Глаза вышедших из нардома долго не могли освоиться с темнотой. Не было настоящего снега, который отогнал бы ее немного. Люди одиночками и группами растекались по улицам и проулкам, угадывались только по мерцающим огонькам цигарок. От того места, где эти огоньки, подобно Стожарам в небе, скапливались и мельтешили, доносились оживленные голоса. Удивительно, что вовсе не слышно было смеха. Зато в разных дворах, ближних и дальних, то там, то тут, подымался, все усиливаясь, бабий крик, перемежаемый истеричными причитаниями. Напуганные им петухи внезапно остановили свою обычную утреннюю предзоревую перекличку, а собаки, наоборот, подняли по всему селу истошный лай, то и дело переходя на протяжный, потрясающий людские души вой, согласно сливающийся с воплями женщин.

— Ну, вот оно — началось. И не для меня одного! — вслух проговорил отец; он никак не мог открыть трясущимися руками калитку нашего двора. Открыв наконец и войдя внутрь двора, глухо, со стоном вымолвил: — Ох, наслушаемся мы теперь этих песен вот до сих пор! — И он чиркнул ребром ладони по своему горлу.

III

Самую жестокую нашу потасовку, в которой я чуть было не лишился глаза, Иван Павлович окрестил Ледовым побоищем. Подрались мы тоже на льду и тоже на озере по имени Кочки, на том самом, куда принесли меня ноги после первого памятного сражения у школы и где, неприкаянный и несчастный, я решал тогда заведомо неразрешимую задачу: как избежать отцовской порки?

Теперь Кочки опустели, притихли. Скоро через них, с разных сторон, поплыли, сходясь в некоторых местах и перекрещиваясь, огоньки «козьих ножек». Это уже мужики, до этого не обращавшие никакого внимания на очередную ребячью баталию, направлялись к нардому на очень важное в их жизни собрание.

На рассвете такие же огоньки текли в обратном направлении. Федот Михайлович Ефремов потягивал дымок из своей «золотой жилки», кольцо за кольцом выпускал его из ноздрей и, по обыкновению, философствовал; сейчас он обращался к своему старшему брату Егору Михайловичу Ефремову, который, придавленный грузом нелегких дум, шагал молча. Для начала, «для разгону», как объяснял он подобную ситуацию сам, Федот спросил:

— Ты мне скажи, брательник, Тимофей Ефремов сродник нам али как?

— А шут его знат? Можа, и сродник, только далекий. Ить нас, Ефремовых, почесть, треть села будет. Можа, в какие-то далекие времена мы все из одного корня пошли. Кто знат!.. А ты зачем спрашиваешь меня о Тимофее?

— Да так,— усмехнулся Федот, но Егор Михайлович в темноте не видел братниной ухмылки. А Федот продолжал: — Он ить, Тимофей-то, тоже был на собрании. Ить это он нащет травки подал свой голос с задних рядов, коды Петр Ксенофонтович речь держал. Выкрикнул это самое, и за дверь. Я — за ним. Вышли на глухую стену нардома, закурили. Он и говорит: «Пущай раскулачивают, завтра же ускачу в город, найду там правду!» «А зачем она тебе,— спрашиваю,— правда?..» «А как же,— говорит,— без правды?» «Но ить ты жил без нее — и ничего, обходился, а счас она тебе, Тимофей, зачем-то понадобилась. Зачем бы это, а?..» Промолчал мужик, послал меня к чертовой бабушке, сплюнул себе под ноги и убег куда-то, скрылся в темноте... Вот они какие дела! Подай да выложь ему правду!.. Ну и дела-а-а пошли!.. Да ты, Егор, не торопись, куда тебя леший несет! Скачешь, как Тимошкин рысак. Погоди, договорю, тогда уж и отпущу тебя с богом. Вот послушай...— Федот остановился, попридержал брата за рукав полушубка, оживил двумя глубокими затяжками цигарку до потрескивания и начал глубокомысленно округлять свою мысль: — И зачем только люди доискиваются этой правды? Все ее ищут и не знают, глупые, того, что она все равно до конца им не откроется. Ну, а ежли и откроется, разденется перед тобой догана, как беспутная бесстыдница баба: на, мол, бери меня!.. Ну, взял, ну, усладился на короткий миг... А дальше што? Искать больше нечего. А зачем тогда жить?.. Никакого интересу не будет. Накличешь ее на свою голову...

— Кого? — вяло и рассеянно спросил Егор Михайлович, в мыслях своих ушедший далеко в сторону от того, что говорил младший брат.

— Ты што, оглох? — осерчал Федот.— Сколько умных слов на тебя истратил, а ты, пенек дубовый, их и не слыхал!.. О правде толкую, об том, как глупые люди ищут ее и не находят. А коды она, матушка, сама заявится, возьмет тебя за уши, подтянет к себе да как глянет прямо в твою грешну душу, заскулишь по-щенячьи, во как станет страшно!.. Нет уж, брательник, подале от нее, от энтой правды. Иной раз я думаю...

— А я думаю,— как бы очнувшись, резко перебил Федота Егор Михайлович,— слушаю тебя и думаю: откудова в нашей семье такой дурень?.. Как это, Федотушка, в твою башку могла притить такая ерунда?.. В этакое-то время, коды все, того и гляди, полетит вверх тормашками, коды надо зрить в оба, штоб не сорваться и не загреметь в тартарары?! Аль не слышишь бабьего реву по всему селу?.. Аль тебе все нипочем?.. Черт знат, што ты за мужик, Федотка!.. Отец семейства называется!.. Да тебе самое место в компании Микарая Землескова, Пани Камышова да Гриши Мерлинского!.. Шел бы вправду к Пане и угощал его своими безумными речами. Он ить ни хренинушки не слышит, ему все едино, што ты там мелешь своим языком, любое стерпит. А меня уволь. И без твоей болтовни не шибко весело вот тут.— Слышно было, как Егор Михайлович шлепнул голицею[1] по овчинному полушубку, наверное, где-то напротив сердца. Высвободив рукав из цепких, как клещи, железных пальцев Федота, он задами быстро пошагал к своему дому.

Федот некоторое время оставался на прежнем месте. Запустив лапищу под малахай, он раздумчиво поскреб в затылке, проворчал с сожалением:

— Ни шута не понял. Глупый-то не я, а ты, Егорий, хоть и прожил на свете поболе мово. Ну да ладно. Ищите с Тимошкой да Аврашкой всю правду, а мне и небольшого куса от нее хватит...

Только после этого «золотая жилка», вспыхнув, сорвалась с места и, подмигивая кому-то, побежала через Кочки, уводя чудака-философа домой.

[1] Рукавица.

IV

На весь 1930 год едва ли не самым модным и распространенным стало слово «бойкот», прежде малознакомое сельскому жителю. Впервые его увидели на фанерных щитах, привезенных районным уполномоченным одновременно со списками и приколоченных к воротам или заборам тех, кого наметили к раскулачиванию. Первая волна оставила их, этих щитов, не более десятка, но зато вторая, оказавшаяся и повыше и покруче, подкинула сразу до полусотни, украсив грозным знаком такое же число дворов, среди которых оказались и семьи некоторых вновь испеченных колхозников, успевших отвести на общий двор своих лошадей: кто-то нашел, что процент «ликвидированных» относительно общего числа жителей села слишком мал, чтобы подвести под ним черту и поставить точку, и распорядился продолжить кампанию по раскулачиванию. Горячо и ревностно взялся за это дело Воронин, ставший председателем сельсовета, сменив на этом посту Михаила Спиридоновича Сорокина, проявившего, как было сказано о нем на одном из собраний (а они проходили чуть ли не каждый день), «непростительную мягкотелость». Воронин самолично изобрел множество словечек, облегчавших ему возможность не быть «мягкотелым». Ежли, скажем, имущественное положение какого-нибудь упрямца середняка не позволяло зачислить его в категорию кулака, то Воронин сейчас же заносил его в разряд подкулачников, кулацких подпевал, подноготников и вывешивал «бойкот» со всеми вытекающими последствиями. Дом, к которому прикреплялся щит с таким словом, становился вдруг как бы прокаженным, его обходили стороной даже родственники, не говоря уже о прочих односельчанах. И к тому моменту, когда эти перегибы были решительным образом осуждены, названы «головокружением от успехов», треть села, насчитывавшего свыше шестисот дворов, словно бы испарилась, одни, такие, как Яков Крутяков, выселялись вместе с их семьями куда-то в Сибирь и Среднюю Азию (кстати сказать, полтора десятка лет спустя Яков этот приезжал в родное село погостить, и тогда все узнали, что он давно уже председательствует в колхозе-миллионере где-то под Алма-Атой), другие, обнаружив поутру фанерный щиток на своем доме, сами, дождавшись следующей ночи, сматывали свои манатки и убегали в Саратов и в другие города страны. В этом случае их нередко выручал мой отец: взявши грех на душу, он выдавал им справки, без которых никуда не уедешь и не уйдешь. Придет время, когда его и самого, нашего папаньку, возьмут за мягкое место, поймав на незаконных операциях. Но это будет потом, а покамест Авраам Кузьмич Сергеев, без особого сожаления отдавший новому колхозу своего Бухара и его двугорбого сподручного, звонко шлепнул по донышку поллитровки заскорузлой ладонью, вышиб таким образом пробку и водрузил посудину посередь большого нашего обеденного стола, возгласив при этом плачущим голосом:

— Выручай, Миколай Михалыч! Поморозю детишек в той Сибири, как слепых кутят. Спроворь, ради Христа, какую ни то бумагу. Выручай, милай!.. Век не забуду!.. Пригожусь когда-нибудь. Гора с горою...

— Беда мне с вами! — Отец яростно взлохматил рыжую волосню.— Ты, чай, думаешь, что первый ко мне с таким делом?.. Как бы не так!.. Пятый за одну только эту ночь!..

— Да будя тебе, отец! — откликнулась с печки наша мать.— Напиши ты ему эту бумагу, што тебе стоит. У него ить дети — мал мала меньше.

— А ты, ночная кукушка, нишкни!.. Без тебя... Послужила бы богу и черту, тогда...— начал он свое обычное, но остановился, ушел в другую комнату, в горницу, и скоро вернулся оттуда с чистым листом, на котором уже были видны следы квадратного штемпеля (слева вверху) и круглой гербовой печати (внизу). Что-то быстро написал на нем, подышал на четвертушку, чтоб подсохли чернила, и, покосившись на замерзшее окно, передал документ Аврааму. Тот грохнулся на колени, но отец прикрикнул на него, и Авраам Кузьмич, как подстегнутый кнутом, мгновенно поднялся на ноги, захлюпал, зашмыгал носом по-ребеночьи, забормотал бессвязно:

— Спаси те... как же... как же мне благодарить-то... как же!..

— Не надо мне ничего, Авраам! — проговорил отец строго.— Прячь бумагу подальше и уматывай поскорее да так, чтобы тебя никто не приметил. Задами и Хутором уходи — не ровен час, и тебя и меня... обоих, как миленьких, сграбастает Воронин. Он ведь, бирюк, не спит, целыми ночами рыщет по селу, вылавливает таких вот, как ты!.. Так что дуй, милок, подобру-поздорову и поллитровку свою забери. Не до нее!

Бухар, который хоть и не принадлежал теперь бывшему его хозяину, но по-прежнему находился на дворе Авраама Кузьмича (с общего двора верблюдов выгнали, потому что они там переполошили всех колхозных лошадей), в последний раз послужил большой семье Сергеевых — в глухую полночь отвез ее на станцию, и след Авраамов на многие лета́ пропал для односельчан. Для меня же он открылся совершенно неожиданно лишь в начале пятидесятых годов. Однажды в дверь моей московской квартиры кто-то грубо и настойчиво постучал, а минутою позже передо мной стоял крепенький, как старый дубок, дедушка с живыми, насмешливыми глазами, полными свежего, нерастраченного интереса ко всему, что попадало на эти глаза, в том числе и ко мне, грешному.

— Не признаешь? — спросил он и, приметив мое замешательство, задал второй вопрос, наводящий: — Верблюда моего, Бухара, помнишь?

Старик сообразил, что его-то самого я могу и не помнить, но Бухар, к которому не могла быть равнодушной детвора, должен был запомниться, и дед не ошибся.

— Как же... как же!.. Помню очень даже хорошо!.. Бухар однажды так окатил нас слюной, что...

— Ну, так вот,— заторопился старик, обрадовавшись.— А меня зовут Авраамом, как святого... Помнишь, небось, в писании сказано: «Авраам родил Исаака, Исаак родил Иакова»... Ну и так и далее...— Авраам Кузьмич расстегнул полушубок, извлек из-за пазухи узелок, развязал его, извлек пожелтевшую бумажку, расправил, поднес к моему носу: — Видишь?.. Узнаешь подчерк своего отца, царство ему небесное!.. Вот она, моя спасительница! — И, обмочив бумажную четвертушку старческою слезой, он приложился к ней губами. И так же, как когда-то в нашем деревенском доме, достал из кармана поллитровку, распечатал ее и, не дожидаясь приглашения, направился прямо к столу.

Просидели до утра. Говорил только Авраам, а я слушал. Удивительную повесть поведал мне этот мужик, пополнивший в тридцатых годах и собою и шестью своими сыновьями рабочий класс столицы. Всхлипывая все время и от выпитого, но больше от горьких воспоминаний, он рассказал мне и о том, что четверо его сыновей погибли на разных фронтах Великой Отечественной, а двое, слава богу (тут старик малость оживился, посветлел рябоватым, обработанным оспою еще в далеком его детстве лицом), возвернулись живыми и невредимыми, слесарничают сейчас на одном из московских заводов, а сам он, Авраам Кузьмич, вышел на пенсию, возится вместе со своей старухой («она у меня молодец, тоже жива-живехонька!») с внуками и внучками («их у нас целый выводок, как цыплят у клушки!»).

Мне хотелось попросить на память об отце бумажку, но я не решился, так и проводил ее глазами за пазуху Авраама, которому она была, наверное, еще дороже.

Авраам Кузьмич Сергеев был в памятную ночь не последним посетителем, кто наведался к моему отцу. Последними оказались прораб Муратов, арендатор мельницы Кауфман и наш сосед священник. Пришли они на рассвете под большим градусом (похоже, успели «добре» угоститься у мельника), на лицах батюшки и арендатора уже успела укорениться знакомая улыбочка, которая приходит не от хорошей жизни, а скорее вследствие того, что, видя безвыходное положение, человек махнет на все рукой, решив про себя: «Да пропади оно пропадом!» — и ударится во все тяжкие, то есть для начала напьется так, что ему и море по колено, и трава не расти — все, как говорится, нипочем. Муратов, к этому времени приступивший к отделочным работам в новой школе, выглядел совершенно трезвым, каким он и бывал почти всегда в компании подгулявших мужиков, с грохотом обрушил на стол две бутылки, азартно потер рука об руку и по-хозяйски пригласил:

— Прашу к сталу! Вэлыкый прарап угощает!

После этого и на челе нашего родителя обозначилась та же отчаянная, бесшабашная, вызванная отнюдь не веселым расположением духа улыбка, от которой всем нам сделалось вдруг не по себе.

— А-а, ч... чорт! — криво усмехнулся он и лихо, точно казак при рубке лозы, резанул воздух правой рукой.— Коли так... полезай, мать, в погреб! Тащи огурцы, капусту и что там у тебя еще! Семь бед — один... Отец Василий, шабер дорогой, а ты что топчешься у порога?.. А ну за стол!

Ни Кауфман, ни поп Гордеев не просили справок — обошлись как-то без них. Скажу лишь, что спустя полвека, совсем недавно, стало быть, из далекого Новосибирска мною было получено письмо. Оно принадлежало моему ровеснику, сыну арендатора Кауфмана, ныне крупному инженеру. Помнится, в далекую ту пору, о которой идет речь в настоящем повествовании, я часто поглядывал на него с противоположного берега Баланды, укрывшись в прибрежных талах. Чистенький, в коротеньких трусиках, в синей блузке, в разрезе которой на груди виднелась полосатая тельняшка, он, этот мальчик, был для меня пришельцем из какого-то иного мира, решительно не похожим ни на кого из нас, деревенских ребятишек, и я бы ни за что на свете не решился переплыть реку и подойти к нему; лишь следил украдкой, как этот немчонок бегает по плотине и плещется на мелководье. Что было с его отцом, как сложилась жизнь этой семьи, я не знаю, почему-то не написал Кауфману-младшему и не спросил его об этом. Подумалось: не больно и не горько ли ему будет воскрешать прошлое. Бывает в жизни такое, о чем лучше помолчать.

Говорят, что пути господни неисповедимы. Какая любопытная, захватывающая картина явилась бы нам из-под пера того, кому удалось бы проследить судьбу каждого из нас так, как сложилась она от рубежа, помеченного тридцатым годом, до нынешних дней! Но кто возьмет на себя сей труд? Летописцы давно перевелись на нашей земле, да и по силам ли такая работа одному человеку? Не лучше ли сосредоточиться на какой-нибудь одной или нескольких судьбах и последовать за ними? Но и за ними уследишь ли?..

Авраама Кузьмича и многих других моих земляков спасла отцова справка. Но сам папанька не мог оборониться никакой бумагой от вихревых событий, которые очень скоро подхватят, как перышко, и его, подхватят и стремительно понесут к роковой черте. Не догадывался ли он о том, когда, осатанев, опрокидывал в себя стакан за стаканом, стараясь не отставать даже от несокрушимого Муратова?

С рассветом все четверо покинули наше подворье и, увлекаемые отцом, десятью минутами позже ввалились в дом Григория Яковлевича Жукова, менее всего ожидавшего таких гостей. Теперь уж не Муратов, а папанька, не давая хозяину опомниться, выхватил из кармана, как из ножен саблю, бутылку и с грохотом водрузил ее посреди стола, объявив при этом:

— Давай, Григорий, мировую!

Продолжение следует.

Семья Ульяновых. 1879 год.

К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

В благодарной человеческой памяти есть имена, осененные особой нашей признательностью. Это люди, в жизни которых выдающиеся общественные деяния были гармонично соединены с личным нравственным обаянием, с духовной цельностью и чистотой. Среди них — Илья Николаевич Ульянов.

Яркий педагог, неутомимый организатор народного просвещения. Пламенный гражданин. Любое из этих достоинств заслуживает быть отмеченным в истории отечественной культуры. Но сердце наше пристрастно, и первое, что мы вспоминаем,— отец Ленина.

Свидетельствует Мария Ильинична Ульянова: «Много общего было у них и в чертах характера и в привычках. Сила воли, энергия, способность целиком и безраздельно отдаваться своему делу, гореть на нем, крайне добросовестное отношение к своим обязанностям, а также большой демократизм, внимательное отношение к людям — эти черты были общи для Ильи Николаевича и Владимира Ильича...»

Тем дороже понять: как формировался ульяновский характер? Где истоки его?

...Илюше было семь лет, когда умер отец, оставив четверых сирот. Семье грозила нищета, но заботы кормильца взял на себя старший сын, 16-летний Василий. И всех детей вырастил, а младшему — Илье дал образование. Свершилось это в условиях крепостной России, и доброе дело Василия Ульянова по полному праву может быть названо подвигом. Чувство долга и трудовое упорство наследует у старшего брата Илья. В 1850 году Илья Ульянов окончил Астраханскую гимназию с серебряной медалью и смог пробиться в Казанский университет. Он обучался математике и способностями своими обратил на себя внимание великого Н. И. Лобачевского. Бывший ректор был уже стар, но употребил все влияние, чтобы освободить студента Ульянова от

ИСТОКИ

Восемь лет жизни Ильи Николаевича Ульянова связаны с Пензой. Выпускник Казанского университета, молодой кандидат прибыл сюда 1 июня 1855 года, чтобы вступить в должность старшего учителя математики и физики в высших классах Пензенского дворянского института.

Во дворе красивого трехэтажного здания бывшего дворянского института, построенного в середине прошлого века, небольшой флигель. Здесь уже несколько лет располагается музей-читальня Ильи Николаевича Ульянова. Н. К. Крупская писала в «Воспоминаниях о Ленине»: «...как важно создать где-то рядом отделение Ульяновского музея, где была бы показана вся деятельность Ленина, вся его борьба, причем было бы дано не только фото отца Ленина, Ильи Николаевича, а показана его работа по просвещению села, по просвещению чувашей, мордвы. В библиотеке при этом отделении музея должны быть книги Писарева, Добролюбова, Чернышевского, Герцена, Некрасова, произведения поэтов «Искры» — та литература, те стихи, которые с детства слышал Ильич от отца, от старшей сестры и старшего брата...»

Не случайно именно в Пензе появился первый в нашей стране музей Ильи Николаевича Ульянова. В городе на Суре бережно хранят память о прошлом. Пензенцы гордятся, что именно здесь родилась семья Ульяновых, спаянная любовью, тесной дружбой, общими интересами. В 1861 году в семье инспектора дворянского института Илья Николаевич познакомился со своей будущей женой Марией Александровной Бланк. Их помолвка состоялась в Пензе весной 1863 года.

Все возможное о жизни и работе Ильи Николаевича в Пензе собирают сотрудники музея. Они разыскали чудом сохранившиеся приборы физического кабинета, которыми пользовался учитель Ульянов, книги из фундаментальной библиотеки института — ею некоторое время заведовал Илья Николаевич. Среди раритетов сочинения Н. А. Добролюбова, В. Г. Белинского, Н. А. Некрасова, А. И. Герцена, Н. В. Гоголя.

В Пензе И. Н. Ульянов вел большую научную работу — в музее представлен заполненный его рукой альбом метеорологических таблиц, составленных Ульяновым в 1856—1859 годах. Ежедневно трижды в день скрупулезно фиксировал он температуру, влажность воздуха, количество осадков, направление и скорость ветра и т. д. Материалы, собранные Ульяновым, были позже использованы в целом ряде научных трудов. В музее представлено и исследование Ильи Николаевича «О грозе и громоотводах», прочитанное в актовом зале дворянского института.

В Пензе оттачивалось мастерство молодого педагога. Его уроки находили глубокий отклик у учеников. П. Ф. Филатов, отец выдающегося русского ученого академика Филатова, вспоминал: «Мы обязаны... влиянию тех учителей, которые вносили в нашу жизнь честный взгляд и высокие нравственные принципы. Такими светлыми личностями были учителя русской словесности Логинов, Захаров, учитель математики И. Н. Ульянов... Они вносили в нашу жизнь отвращение к карьеризму и к материальной наживе...»

Проходя по залам этого небольшого, но с такой любовью собранного и оформленного музея, воочию представляешь облик замечательного русского педагога Ильи Николаевича Ульянова, принадлежавшего к «честным людям, любящим народ, делающим для него все, что могут». Так точно определил русских просветителей-шестидесятников Н. Г. Чернышевский.

В. ПЕТРОВ

Памятник Илье Николаевичу и Марии Александровне Ульяновым в Пензе.

НИКОЛАЕВИЧ УЛЬЯНОВ

платы за учебу. А позже, после окончания И. Н. Ульяновым университета, хлопотал о его назначении преподавателем математики и физики в Пензенский дворянский институт.

Минет малое время, и Илья Николаевич сам окажется в окружении благодарных питомцев, с которыми будет щедро делиться всем своим духовным богатством. Из тридцати трудовых лет И. Н. Ульянова четырнадцать отданы учительству в Пензе и Нижнем Новгороде. Оценивая его уроки, даже строгая инспектура сбивалась в официальных отчетах с казенного стиля:

«Г-н Ульянов, снискавший себе известность отличного педагога, по достоинству занимает принадлежащее ему место между лучшими преподавателями. Его мягкое и симпатичное обращение с воспитанниками, всегда ровный и благоразумный такт привлекают к нему учеников и заставляют охотно заниматься. Самое его преподавание отличается ясным и толковым изложением и тем терпеливым вниманием, которым он слабых и менее развитых учеников доводит до полного усвоения преподаваемого».— Из отчета попечителя Казанского учебного округа об осмотрах учебных заведений за 1867/68 год.

Эти учительские качества актуальны и для сегодняшней педагогики, а Ульянов утверждал их в пору, когда расхожим инструментом воспитания в школах еще была розга. Став во главе народного просвещения Симбирской губернии, Илья Николаевич находит себе десятки последователей среди молодых учителей. Его первое дело — открытие педагогических курсов при местном городском училище. Современники утверждали: «Благодаря, главным образом, энергии и беззаветной преданности делу... И. Н. Ульянова, учителя, получившие свое педагогическое образование на этих курсах, были лучшими учителями того времени».

Суть не только в качестве профессиональной подготовки. Илья Николаевич умел передать питомцам и свою жажду беззаветного служения народному просвещению: все, кто оканчивал курсы, шли работать в сельские школы Симбирской губернии.

Из нашего далека трудно даже представить себе, какое значение для России, задавленной реакционнейшим царским режимом, имела деятельность таких людей, как И. Н. Ульянов. Его сослуживец В. Н. Назарьев говорит: «В одно и то же время Ульянов был просветителем целой губернии, строителем сельских школ, вечным просителем, назойливо вымаливавшим у земства лишний грош на школы, единственным руководителем педагогических курсов, им же заведенных при городском приходском училище; заступником и добрым гением учителей и учительниц, входившим во все мелочи их незавидного существования, и в то же время только что не вечным курьером, обязанным скакать на перекладных по нашим проселкам, замерзать во время зимних морозов и метелей, утопать в весенних зажорах, голодать и угорать в так называемых въезжих избах. И он, в течение многих лет, безропотно скакал, голодал, рисковал жизнью и здоровьем; по целым месяцам не видел своей семьи...»

Гражданские чувства вдохновляли его энергию. Страдая при виде всеобщего невежества, он ставил личной целью организацию всеобщего начального образования детей независимо от пола, имущественного положения и национальности родителей. Результаты этой подвижнической деятельности поистине изумительны; как писал один из его сослуживцев, «неутомимая деятельность Ильи Николаевича Ульянова, продолжавшаяся ровно 16 лет, дала нашей губернии 434 хороших народных училища с 20 000 учащихся. Легко сказать это, но нелегко вынести на своих плечах такой громадный труд...»

...В ульяновском доме, взволнованно обходя комнаты, хранящие тепло сердечной человеческой близости, задумываешься о значении простых истин, семейной педагогики.

Вслушаемся в голоса воспоминаний.

«В доме Ульяновых царил дух взаимного доверия, любви и уважения к свободе друг друга. Не было ни споров из-за будничных интересов текущего дня, ни дрязг, столь обычных в обывательской среде, ни конкуренции из-за личных благ жизни. В этом смысле семья Ульяновых представляла из себя положительно аристократию духа, и Владимир Ильич в сугубой степени усвоил в своей дальнейшей жизни эту черту щепетильности по отношению к окружающим его людям, боязни скандалов на почве столкновения каких-нибудь обывательских претензий и огромного благородства в элементарно-житейском смысле этого слова».

«Илья Николаевич привил нам чувство любви к трудовому народу, которому он отдавал все свои силы и знания. Он был для нас авторитетом, примером высокой культуры, образованности, трудолюбия, честности, благородства чувств».

«Чувствуя искреннюю любовь, видя, что их интересы всегда на первом плане у родителей, дети и сами приучились отвечать тем же. Дружной, спаянной была наша семья. Жила она очень скромно... но все же ни в чем необходимом дети не нуждались, и их духовные запросы, по возможности, удовлетворялись».

«Всех русских классиков мы прочли в средних классах гимназии. Отец рано дал их нам в руки, и я считаю, что такое раннее чтение сильно расширило наш горизонт и воспитало наш литературный вкус... Любимым поэтом Ильи Николаевича был Некрасов. Он переписывал в юности из журналов некоторые стихотворения и старшему сыну (то есть Александру Ильичу) еще в детские годы отмечал те, в которых преобладали гражданские мотивы...»

Семейные фотографии традиционны. Перед зрачком глядящего в упор объектива трудно сохранить естественность. И все-таки, вглядимся внимательнее, какой любовью и близостью веяло от ульяновских лиц, как спокойны и счастливы они в своем родственном единстве.

За полтора века далеко ушла жизнь. Октябрьская революция, возглавляемая ленинской партией, преобразовала страну, открыла новую эру в истории человечества.

Мы чтим и помним выдающегося просветителя Илью Николаевича Ульянова.

О. МАТЯТИН

Книги, которыми пользовался И. Н. Ульянов, автограф Ульянова, фотографии Ильи Николаевича и Марии Александровны.

И. Н. Ульянов среди слушателей Пензенского дворянского института.

Фото М. САВИНА.

Владимир ШЛЁНСКИЙ

1

Как мне уснуть в эту длинную,
долгую ночь?
Стонет душа, словно спрятана
в чуждое тело...
Рядом, за стенкою, спит
заболевшая дочь —
Вера, Надежда, Любовь моя,
ты заболела.
Плавает, в небе блуждая,
обломок луны.
В смутных раздумьях блуждаю
я по бездорожью...
Все обойдется!
Лишь только бы в мире войны
не было больше...
Об этом я думаю с дрожью.
Черный колодец — пространство
и время в клубок
переплелись,
и ни дна ему нет, ни покрышки...
Землю корежит и топчет
солдатский сапог.
Смотрят гнилых лагерей
неусыпные вышки.
Трупы убитых бросают на шахтное
дно.
Лижет огонь с наслажденьем
бамбук деревенек...
Чтобы связать эту Землю и Небо
в одно,
поднялся некогда прачеловек
с четверенек...
Хрупкая нить,
что ты хочешь собою скрепить —
омут безбрежный
и грешную твердь под ногами?
Жаждет душа неземного
блаженства испить.
Требует плоть насыщенья
земными ключами.
Только вот звездную песню
в себе не глуши,
даже когда будешь к плахе
жгутами привязан.
Тело, однако, всегда постоянней
души.
Душу живую терзают то чувство,
то разум.
Если в раздоре душа пребывает
с собой,
как нелегко ей ужиться с другою
душою...
Каждый твой прожитый день —
это прожитый бой.
Время не может быть малое
или большое...
Тихо в квартире.
Пусть царствует в ней тишина.
Многоэтажный мой дом
просыпается рано.
В черном квадрате окна
показалась луна
диктором лысым
с угасшего телеэкрана...
Остановилась.
Прорезались губы, глаза.
И появилась на лике беззубом
улыбка.
И полились голоса, голоса,
голоса.
И зазвучала Эйнштейна веселая
скрипка...

2

Проходят года. И проносятся
вешние воды.
Мое поколенье, рожденное после
войны,
отсчет начинает свой
с сорок счастливого года.
Осколки минувшего
в наши врываются сны.
Войну мы узнали
не только по фильмам
и книжкам —
по нашим дворам костылями
скрипела она.
И взгляд восхищенный
не спрятать окрестным
мальчишкам,
когда фронтовик достает ордена.
Когда вспоминает за праздничной
чаркой кого-то.
Когда седина, словно бинт,
промелькнет в волосах...
Войну мы узнали по старым
и выцветшим фото,
по долгой тоске,
затаенной во вдовьих глазах.
И в каждой семье
наступает такая минута,
когда вспоминают о тех,
кто полег вдалеке.
И вешними ветками
кажутся людям салюты.
То майские слезы
текут по небесной щеке.

3

Я рожден в сорок пятом,
почти в середине столетья,
через шесть дней после
взрыва атомной бомбы.
Весною в берлинском бункере
Гитлер с собой покончил.
И многим тогда казалось —
покончил с собою фашизм.
Летом над всей планетой
опять закружился пепел.
Так Хиросимы пепел
смешался с пеплом Хатыни.
Годы прошли.
Я понял,
что мы рождены на пепле.
Мы — это все рожденные
после второй мировой.
Сегодня ходят по Гамбургу
(да и не только по Гамбургу)
мои одногодки-ровесники
со свастикой на рукавах.
Воскресили портреты Гитлера
с его известным цитатником,
который носит название
циничное «Майн кампф».
Наверное, в средней школе
плохие преподаватели
преподавали историю
этим моим ровесникам.
Планета не стала у́же.
Планета не стала шире.
И мы готовы борьбою
ответить на этот «кампф».

4

Планета, где твой звонкий смех?
Напалм.
Огонь.
Ракеты.
Мины...
Убийство — наивысший грех —
справляет нынче именины.
Кричат плакаты на ветру.
Конгрессы.
Митинги.
Собранья...
А в Чили мучают собратьев
по окаянному перу.
И кров горит.
И кровь горит.
И пепел кружит над планетой.
И к стенке ставят тех поэтов,
кто о свободе говорит.
Земля, судьба твоя светла
бывает в редкие моменты.
Фашизма черные дела
окрашивают континенты.
Не счесть утрат.
Не счесть потерь.
В застенках на расправу быстры.
И вновь ночные стуки в дверь
красноречивее, чем выстрел,
и стадионы-лагеря...
Как мячики, взлетают судьбы.
А судьи кто?
Известны судьи!
Они не тратят время зря.
Но правда выдюжит опять
на древней лагерной баланде —
черта заложена в таланте,
терпения не занимать.
Планета корчится от ран.
Боль Чили
в сердце не остыла.
Я верю,
есть такая сила
и крик живой:
«Но пассаран!»

5

ПАМЯТИ ВИКТОРА ХАРЫ

Убит Альенде.
Погребен Неруда.
Гитары стон — начальный зов
набата.
Она не плачет, слышите, иуды,
она поет, пророча вам расплату.
В тот день ее с певцом казнили
вместе
и с песнею последнею, любимой.
Но кто-то вновь идет во имя чести
к ответственной черте
неумолимой,
к черте последней, праведной
и горькой,
где слово правды —
вечный спутник риска...
Вот так франкисты расправлялись
с Лоркой.
Кто следующим будет в этом
списке?
Петля иль пуля — горестная мета
не раз строку живую обрывала.
Увы!
Небезопасно быть поэтом
в стране,
где власть фашиста-генерала...
Жизнь Хары,
как от «до» до «до» — октава,
и сыграна она была без фальши.
Ее ценой он заплатил за право
и после смерти
песнь продолжить дальше.
Придет неумолимая расплата
за праведную кровь седых
и юных!
Вы слышите,
доносят гул набата
оборванные сухожилья-струны.

6

Великий английский художник Уильям Хогарт в 1751 году выпустил серию гравюр «ЧЕТЫРЕ СТЕПЕНИ ЖЕСТОКОСТИ», в которых проповедовал доброе отношение к животным. В пояснении к гравюрам Хогарт писал, что, если они воспрепятствуют жестокости, он будет больше гордиться тем, что он их создатель, чем если бы он был автором рафаэлевых картонов.

Пусть сердце бьют слова,
как птицу из рогатки.
Глушите без оглядки!
Где хвост? Где голова?
Рубите дерева —
осины, клены, вязы.
Уж больно долговязы,
пусть будут дрын-дрова...

Ведь это дважды два:
иглой в зрачок собаке,
или бутылкой в драке
по черепу едва.

И пытка не нова:
от раскаленной спицы
признается синица
в том, что она сова.

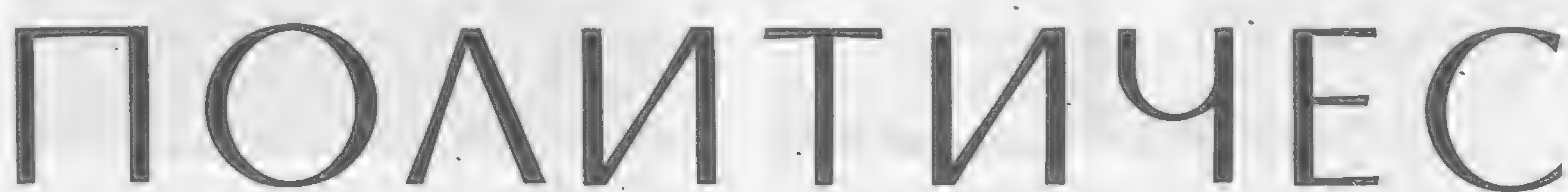
Жестокость не права?
Так отчего ж на свете
не славит добродетель
всеобщая молва?

7

МОНОЛОГ ОЛИВЕРИО КАСТАНЬЕДЫ

Оливерио Кастаньеда де Леон — генеральный секретарь Ассоциации университетских студентов Гватемалы, молодой поэт. Убит 19 ноября 1978 года региональной полицией. Ему было 23 года...

Плоть затоптана, но не вера.
Верил в Свободу и верить буду!
Фашизма коричневая химера,
я тебя распознаю всюду.
Какое лицо у тебя сегодня?
Смита?
А может быть, Пиночета?
Вид сутенера
иль хитрой сводни?
В какие лозунги ты одета?
Лиц у химеры этой немало.
Но что для истории эти лица?
Есть Никарагуа
и Гватемала,
Чили есть!
И борьба продлится!
Есть народ.
У народа — Вера!

Народ не всегда китайский
болванчик.
Есть любому терпению мера,
его не заглушит спирта
стаканчик.
Риса горсть,
маиса лепешка
горький голос души не заглушит.
Баланды лагерной поварешка
смрадом своим не задушит души.
Я даже мертвый верю рассвету,
который взойдет над моей
землею.
Пусть меня нет.
Но летит планета.
Она вращается вместе со мною!

8

Какой у века нашего разбег —
календари меняем то и дело!
Земля летит уже который век!
Так миллионы лет она летела.
Хочу понять, куда летим, куда
по кругу? По невидимой спирали?
Вчера — беда,
сегодня — ерунда.
Мы — люди — никогда
не умирали.
Как ясно светят разума огни,
его нам предки сберегли
недаром.
Добро и зло бесплотны, но они
и в плоть и в кровь вошли
по капиллярам.
Рациональней стали мы, хитрей.
Дубленкой укрываемся от снега.
Так далеко шагнули от зверей,
что зверь подчас добрее человека.
Летит Земля.
История видна
в крови, в огне.
И передышки нету.
Цепь зла непрерываема.
Она
от Ирода проходит к Пиночету.
По кругу все идет.
Закон таков.
Костры из книг.
И взлеты.
И паденья...
Рим обновленный новых ждет
рабов,
а новый Вавилон —
столпотворенья...
Но если нам недаром разум дан,
то мы должны подумать о планете.
Она устала от минувших ран.
А новые да не простят нам дети!
А дети наши скоро подрастут
и станут так же поступать,
как предки.
Коль мы стволы, пусть знают
наши ветки,
что корни их в родной земле
живут!

9

Без ухищрения, без фальши,
за совесть, вовсе не за страх
рисуют дети на асфальте
в больших и малых городах.
Рисуют мотыльков и заек,
дома,
заводы,
теплоход.
Из этих маленьких мозаик
планета детства предстает.
Занятия важнее нету.
Вот кто-то папу удивил —
и канареечного цвета
заулыбался крокодил.
И, отцепившись вдруг от фалды,
без мамы сделав первый шаг,
малыш рисует на асфальте.
А что?
Нам не понять никак
такое вольное смешенье
сюжетов, красок, форм и тем!
Рисуют дети без смущенья,
и каждый то, что захотел.
Ландшафт Луны.
Хребет Памира.
Ракета.
Просто колесо...
А вот и новый голубь мира.
Так здравствуй, юный Пикассо!
Сияет солнышко на смальте,
полет — движение руки...
Рисуют дети на асфальте.
Крошатся хрупкие мелки.
Вокруг пылает разноцветье —
зеленый, красный, голубой...
Ревет двадцатое столетье
сверхзвуковым над головой...
Кружит над площадью Вивальди.
Пребудет в мире мир — пока
рисуют дети на асфальте...
Пусть праздник тянется века.
Рисуйте, дети, на асфальте!

10

ПЕСЕНКА АМЕРИКАНСКОГО СОЛДАТА

Нас поднимает вой сирены
страшней похмелья по утру.
Он в дрожь бросает даже стены.
Поверьте, я ничуть не вру!
Но, слава богу, слава богу,
пока разрывы не слышны.
Идет учебная тревога,
и мы еще досмотрим сны.

Наш марш-бросок по крайней
мере
закончен будет на заре.
А вечерком я снова с Мери
увижусь в шумном кабаре.
И слава богу, слава богу,
что будет прожит этот день.
Идет учебная тревога,
и я покуда не мишень...

Пока вокруг родные стены,
шагаем будто на пикник.
Нам даже море по колено,
по пояс джунгли в этот миг.
Ах, слава богу, слава богу,
наш взвод останется живой.
Идет учебная тревога.
Нас учат третьей мировой.

11

Идет двадцатый век.
И ты живешь на свете.
Покуда свет горит
и в небе,
и в глазах,
не только о себе,
подумай о планете,
о чести и любви,
Отчизне и друзьях.
Идет ракетный век.
И мы в огромном мире —
молекулы Земли
и мускулы страны.
Попробуй-ка, сыграй
на электронной лире.
Попробуй сам коснись
нейлоновой струны...
Рябиновая кровь.
Березовые ветки.
Пречистые снега.
И листопадов медь...
Ведь, может быть, за то,
что отстояли предки,
когда-нибудь тебе
придется умереть.
Любимая твоя,
подобно Ярославне,
прождет немало лет,
в твою не веря смерть...
Будь к этому готов.
Не дрогни в час свой главный
Иначе смысла нет
любить и песни петь!

12

МОНОЛОГ ГАССАНА КАНАФАНИ

Гассан Канафани — прогрессивный палестинский поэт. Погиб в Бейруте от взрыва мины, подложенной сионистами в автомобиль...

Палестина! Палестина!
Ты оплакиваешь сына...
Он замкнул печальный круг.
Помоги в тисках Бейрута
брата отличить от Брута,
покажи, кто враг, кто друг...

Жизнь моя — переплетенье
света солнечного с тенью,
горестей, обид и ласк.
Мне, как высшая награда,
были прелести Багдада,
был приятелем Дамаск...

Жизнь моя текла рекою.
Только нет в душе покоя.
С каждым часом все ясней
слышу — Палестина стонет.
Я, как мой народ, бездомен.
Ствол не может без корней...
Что мне беды остальные,
если гложет ностальгия.
Говорю: терпи, держись...
Мне страданье — не страданье.
Это лишь существованье.
Жизнь без родины не жизнь...

Ат-Тахрир — Освобожденье,
это слово-наважденье
я носил и ночь и день...
Проживал я в этом мире
с меткой, словно в страшном
тире,
ведь поэт — всегда мишень.

Он родился вместе с пулей,
что до срока скрыта в дуле —
ждет нажатия курка...
Палестина, Палестина...
Мне уже не пулю в спину —
мину, чтоб наверняка...

13

МОНОЛОГ АРТУРА НОРТТЬЕ

Артур Норттье — поэт из ЮАР. В возрасте 28 лет покончил с собой, не выдержав расистских преследований...

Когда стою под дулом автомата,
вся жизнь — лишь черно-белое
кино.
Она зависит только от солдата,
ему карать и миловать дано.
Когда иду по улицам столицы,
как пулеметы, взгляды бьют
по мне.
Ведь я добыча для любых
полиций.
Я чернокож.
Я раб в своей стране.
Свобода — только оттиск
на бумаге,
которая для нужника годна,
когда моя земля — сплошной
концлагерь,
когда Освенцим — целая страна...
Нет, я не разуверился в народе.
И я все жду, когда поймет народ
бессмысленность того, что
происходит,
безвыходность всего, в чем смысл
живет.
Плевки и ругань.
Злобное витийство
день ото дня живую душу ест.
И нет самоубийства — есть
убийство.
И нет самоубийства — есть
протест.

14

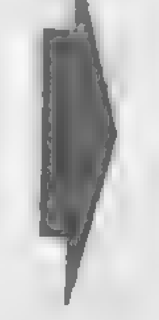
Сколько, землянин, за век ты
выстрадал!
Сколько выстрадать придется
тебе?
Взрывы Рима
и Ольстера выстрелы
так и не смолкают в твоей
судьбе...
Неужель по шею мы увязнем
в косности,
во лжи и лицемерии, в пакостях
и зле?
Почему ж мы верим в братьев
по космосу
и не доверяем братьям на Земле?
Рядом с величайшими
достижениями
пухнут дети с голоду, глушит
жизни газ...
Неужель природа для
самосожжения
разумом и силою наделила нас?
Пусть порой на вещи мы смотрим
по-разному.
Много неясного скрыто во мгле.
Где-то в космосе братья
по разуму.
Братья по безумию — на Земле...

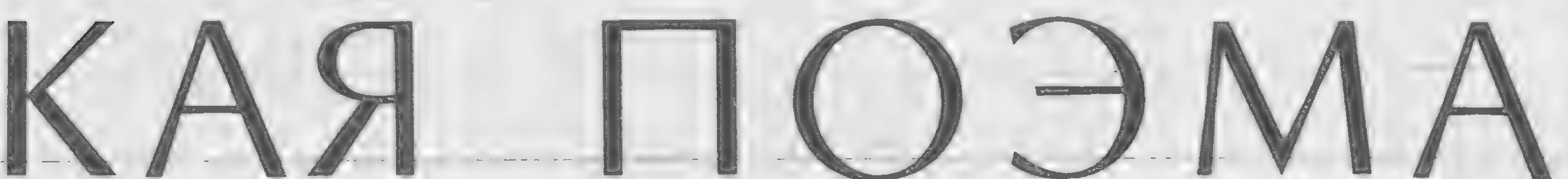
15

МОНОЛОГ ЛАО ШЭ

В 1966 году в собственном доме был зверски убит хунвэйбинами крупнейший китайский писатель-сатирик Лао Шэ. В 30-е годы Лао Шэ создал фантастико-сатирический роман «Записки о Кошачьем городе», в котором с гениальной прозорливостью описал все то, что происходит последние два десятилетия в Китае...

Средь непонятного суда,
абсурда и разбоя
стоят кошачьи города,
рычат кошачьи города,
ревут кошачьи города
и стонут под луною.
Толпа. Толпа. Толпа. Толпа...
Ни лиц, ни выражений.
Кого-то давят, как клопа,
без всяких сожалений.
Здесь счастлив тот,
кто глух и нем.
Иметь свой взгляд — излишки.
И непонятно мне — кто с кем
играет в кошки-мышки...

Забот
невпроворот с утра.
Вокруг — враги и воры!
Гоняли воробьев вчера,
сегодня роем норы...
Покорен будь своей судьбе.
Враг нации — кто ноет.
Коль есть разумный кот в толпе,
то, видно, гуманоид...
Кошачий город.
Что нас ждет?
Кому мы роем яму?
Каков исход?
Священный кот.
Цитатник.
Мяу-мяу!

16

Когда в цене насущный хлеб
и обесценен дух,
удобен только тот, кто слеп,
безмолвен, тих и глух.
Порой подкатит к горлу ком,
а к сердцу — пустота.
Такая глухота кругом!
Такая слепота!
Но если б вечно вещий дух
жил в рабстве полумер,
Бетховен точно был бы глух,
и был бы слеп Гомер...

17

Ночь на исходе.
Укрыли луну облака.
Скоро куранты на Спасской
отмеряют утро.
Поступь грядущего дня и легка
и крепка.
Хочется верить,
что мы проживем его мудро.
Хочется верить,
что разум и сила людей
в мирной гармонии
взаимосвязь обнаружат.
Хочется верить —
не будет голодных детей,
взрывы ракет
тишину над Землей
не разрушат.
Хочется верить,
что жизнь
не трава под косой,
а непрерывная звездная наша
дорога...
Мчится Земля
голубою прозрачной слезой,
в ней отражаются радость,
и боль,
и тревога...

18

Наша маленькая дочка —
самый точный наш будильник,
зазвенит волшебным звоном,
перебудит весь этаж.
По-домашнему в сорочке,
ты откроешь холодильник,
где в кувшинчике зеленом
молоко для важных каш...
И остатки сна под душем
затихают в стройном теле,
отлетают путы лени,
нас от дел не удержать.
Обнажились наши души,
сны куда-то улетели
набираться впечатлений,
чтоб вернуться к нам опять.
Черный жук электробритвы
зажужжал на всю квартиру —
это значит к нам с тобою
новый день явился в дом.
Эти утренние ритмы
так привычны стали миру.
Зайчик прыгнул на обои —
солнце
льется за окном...
Смотрит небо голубое
на безоблачное утро.
Городская птица звонко
развлекать берется нас...
Целый день потом с собою
я ношу светло и мудро
развеселый плач ребенка
и тепло любимых глаз...

СОЛНЦЕ, ВОЗДУХ И ВОДА...

Виталий ЗАСЕЕВ, фото Э. ЭТТИНГЕРА, специальные корреспонденты «Огонька»

Залитый солнцем ялтинский пляж. Июль 1981 года выдался, как всегда, безоблачным и теплым. На ярко-желтом надувном матраце с черными рыбками по всему полю весело плещется в бирюзовой воде моря пятилетняя Таня. Родители девочки только что искупались и, судя по разговору, собираются в город. «У мамы сегодня день рождения, — выдает мне семейный секрет словоохотливая Таня, — она хочет сделать красивую прическу. А папа едет за цветами. К вечеру они вернутся, и мы пойдем в кафе-мороженое».

Танины родители уже оделись и, помахав дочери на прощание, заспешили к выходу. И только тогда я заметил, что на пляже курортного городка «Донбасс», где отдыхают шахтеры, почти не видно строгих мам и пап. А дети беззаботно продолжают купаться и нырять.

Первый секретарь Ялтинского горкома Компартии Украины Владимир Ильич Пигарев сравнительно недавно принял на себя заботы города-курорта. Но сумел остро почувствовать суть одной из главных проблем сегодняшнего дня — организацию и развитие семейного отдыха в санаторно-курортных учреждениях Ялты.

— «Расширить возможности совместного отдыха и лечения родителей с детьми», — такова задача, которую поставил перед нами XXVI съезд партии,— говорит В. Пигарев.— Вот почему городской комитет партии уделяет этому вопросу особое внимание. К слову сказать,— продолжает первый секретарь,— в нашей стране Ялта стала одним из инициаторов развития семейного отдыха. Сейчас в таких комфортабельных пансионатах для взрослых, как «Мисхор», «Донбасс», «Волга», «Криворожский горняк», «Имени М. Тореза», туристической базе «Кичкинэ», доме отдыха «Понизовка», и многих других здравницах Южного берега Крыма дети получили «постоянную прописку». Для них созданы все необходимые условия: пятиразовое питание, дневной сон у моря, занятия в кружках по интересам — кружками руководят опытные воспитатели,— а также туристические поездки и походы, обучение плаванию и многое другое...

При этих словах моего собеседника я вспомнил, каким покоем светилось лицо Таниной мамы, когда она покидала пляж. Невозмутимым был и отец девочки. Родители знали, что в их отсутствие за дочерью присмотрят добрые глаза воспитателя. Таню своевременно накормят, уложат спать, поведут на прогулку к морю. До возвращения родителей девочка и ее сверстницы успеют разучить новую песню, послушать захватывающую сказку или посмотреть целую кинопрограмму веселых мультфильмов. Заботливый доктор будет следить за их самочувствием и уж, конечно же, не допустит, чтобы кто-то из ребят перекупался или дольше положенного находился под солнцем.

— Еще несколько лет назад, — рассказывает Владимир Ильич, — мы были довольны, что в ялтинских здравницах отдохнуло и закалилось вместе с родителями несколько сот ребят. Сегодня нас уже не удовлетворяет цифра в двадцать тысяч! (Почти столько малышей организованно отдохнуло в ялтинских санаториях и домах отдыха в 1980 году.— В. З.), В ближайшие годы мы удвоим это число.

В республике многое делается для развития Ялты. Судите сами,— продолжает В. Пигарев,— весной 1921 года открылся первый советский санаторий в Крыму. А сейчас в Ялте функционируют 144 санаторно-оздоровительных учреждения, которые принимают ежегодно на лечение и отдых без малого миллион человек — рабочих, крестьян, служащих, студентов. И это при условии, что после войны в городе не осталось ни одного сколько-нибудь пригодного санатория или здравницы.

Из рассказа первого секретаря горкома партии я узнаю, что за две последние пятилетки на развитие города-курорта государством было выделено около шестисот миллионов рублей. Причем добрая половина этих средств была израсходована на благоустройство и расширение санаториев, пансионатов, домов отдыха. За этот период в Ялте введено в строй сорок спальных корпусов на семь с половиной тысяч мест. Построены санаторный комплекс «Южный», кемпинг и высотная гостиница для иностранных туристов. К слову сказать, за десятую пятилетку в Ялте побывало около полумиллиона иностранных туристов со всего света. Курорт получил десять новых лечебно-диагностических корпусов с современнейшим медицинским оборудованием. В распоряжение отдыхающих поступило семь новых плавательных бассейнов для круглогодичного купания в морской воде. (Теперь в Ялте двадцать закрытых бассейнов.)

Когда-то известный революционер Н. И. Подвойский обронил фразу, ставшую афоризмом: «Лучшим пролетарским врачом, у которого нет ни кабинета, ни диплома, ни дощечки на двери и который совершенно не берет платы,— является солнце». В Ялте море солнца. Но еще более Южный берег Крыма славится чудодейственной целебностью своего воздуха. Только за последнее время здесь введены в строй пятнадцать климатических павильонов для сна у моря. Таким образом, и шахтеры, и строители, и колхозники, поправляющие здоровье в этих пансионатах, получили возможность круглосуточного общения с «доктором-воздухом».

Рассказывая об организации отдыха на Южном берегу Крыма, нельзя не сказать о тех усилиях, которые прилагают и городской комитет партии и исполком горсовета для улучшения работы здравниц и лечебных учреждений Ялты, повышения качества и культуры обслуживания населения и гостей города-курорта. Многие отдыхающие, приехавшие со всех уголков страны, приняли участие в «Дне открытого письма», который провели горком партии, исполком и редакция газеты «Советский Крым».

— «Вызывая огонь на себя», — говорил В. Пигарев,— мы стремимся тем самым как можно глубже проникнуть в суть проблем. Мы хотим лучше знать, чем живет сегодня каждый отдыхающий, что заботит его и что радует, что помогает ему лучше отдыхать и что становится препятствием на этом пути. Каждое письмо, каждый устный рассказ будут внимательнейшим образом изучены специалистами всех отраслей, и по каждому вопросу будут приняты соответствующие меры.

Руководители горкома партии, исполкома горсовета энергично берутся за устранение еще имеющихся недостатков — и в организации общественного питания, и в подборе кадров, и в размещении обслуживающего персонала, и в обслуживании автотуристов. Но, пожалуй, особенно остро стоит проблема гостиниц в Ялте. Тысячи неорганизованных туристов, приезжающих в город, вынуждены снимать комнаты и углы у расторопных квартиросдатчиков, право же, не за малые деньги. И здесь, мне думается, свое веское слово надлежит сказать Министерству жилищно-коммунального хозяйства УССР. Ведь хорошо известно, что затраты на строительство гостиниц окупаются очень быстро. А по самым скромным подсчетам, около миллиона человек ежегодно живет в Ялте на площади частного сектора.

А. Грибоедов, побывавший в этих краях, признался, что прелесть этих мест «ни с чем сравнить не можно». Пусть же они станут достоянием еще большего числа советских людей.

Ялта — Москва.

Супруги Наталья и Леонид Швец проводят отпуск в пансионате завода «Стройгидравлика» * Кафе «Бригантина» в Ялте.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Марина Тарасова приехала отдыхать на турбазу «Крыжановка» под Одессой из Чебоксар * В пансионате имени Мориса Тореза на Южном берегу Крыма.

МОЕ БОГАТСТВО

Н. АЛЕКСЕЕВА

Тбилисская ночь близится к концу. Пройдет еще несколько минут, и нежные лучи хорошо отдохнувшего, порозовевшего солнца разбудят город. Я выхожу на лоджию гостиницы «Иверия», и мне кажется, что нет ничего радостнее для человека, чем быть свидетелем этого великого таинства — зарождения нового дня... Однако вся съемочная группа телефильма «Будь здоров, дорогой!» почему-то не разделяет моих восторгов. Более того, ее вполне устроит, если сегодня рассвет вообще не наступит: одна из новелл киноленты снимается в этом гостиничном номере только ночью, а ее явно не хватает исполнителю одной из главных ролей Вахтангу Кикабидзе. Он вновь и вновь настаивает на очередном дубле, хотя оператор Игорь Амасийский считает, что можно было бы перейти к съемке следующего эпизода.

Не буду забегать вперед и пересказывать содержание фильма. Скажу только: если все пойдет хорошо (в чем я не сомневаюсь), мы увидим его по Центральному телевидению в новогодний вечер. И станем свидетелями дебюта Кикабидзе: вместе с Тамазом Гомелаури он является автором сценария и режиссером картины.

Все четыре новеллы фильма родились из рассказов Вахтанга Кикабидзе. Правда, он до сих пор не решался записывать их на бумаге, а просто рассказывал разные истории, выдуманные или подсмотренные в жизни, своим близким друзьям. Они-то и решили, что Вахтангу непременно нужно писать.

Между прочим, страсть к устному сочинительству одолевала его с детства. Представим себе маленького Бубу — в Грузии родители нередко дают детям вторые, так сказать, домашние имена — на крыше одного из старых домов в окружении сверстников, которые, затаив дыхание, внимали его небылицам, выдававшимся за быль или за сюжет некоего увиденного им где-то фильма. Он был, да и сейчас остается, прекрасным рассказчиком, артистичным, увлеченным, искренне верящим в то, что рассказывает. Там, на крыше он чувствовал себя королем, «звездой». И потому, когда, упиваясь очередным успехом у «публики», спускался вниз и направлялся к дому — не замечал укоризненных взглядов соседей, коллективно гадающих, что же выйдет из этого непоседливого шалопая, росшего практически на улице (мать Бубы, эстрадная певица, постоянно выезжала на гастроли; отец погиб на фронте в сорок втором, когда сыну было четыре года)...

А может быть, все-таки улица улице рознь? На одной вырастают хулиганы, а на другой — вполне приличные люди?..

Ясно, что и у Бубы именно на улице состоялось знакомство с пресловутой гитарой, которую однажды принес приятель постарше, и так же бренчали они в подворотне, что всегда клеймилось и преследовалось взрослыми обитателями квартала. Только у Бубы его уличные увлечения в конце концов переросли в профессию. И кто знает, может быть, та же улица помогла формированию таких качеств его характера, как самостоятельность, независимость поведения и суждений, привычка рассчитывать прежде всего на себя, свои силы. И плюс к этому неугомонная общительность, умение очень быстро устанавливать душевный контакт с людьми.

Но, может быть, все-таки дело не в улице, а в самом человеке?

Вообще-то Вахтанг Кикабидзе считает, что он сам тут ни при чем, что ему всегда везло на встречи с прекрасными людьми, которые в результате помогли ему выбрать именно этот путь в жизни. Сам он долгое время хотел быть художником, рисовал на чем угодно и что угодно, но тем не менее уже в старших классах был известен во многих школах и институтах как певец: в свое время один из друзей, уверенный в вокальных способностях Бубы, затащил его в самодеятельный эстрадный оркестр. По вечерам «артисты» часто слушали радио, в основном джазовые зарубежные программы. В то время царила мода на западную эстраду. Считалось даже, вспоминает Кикабидзе, что если певец не споет в концерте ни одной песни на иностранном языке, то его выступление не удалось. Очевидно, это да еще способность легко схватывать языки и заставили его после школы поступить в иняз на английский факультет.

Мы видим, что он не спешил стать профессиональным певцом. Вахтанг Кикабидзе принадлежит к категории людей, которые не делают того, что полностью не вызрело в душе, не сформировалось в потребность, насущную необходимость. Особенно когда речь шла о выборе своего места в жизни. Зато уж потом...

Его не смутила и первая убийственная рецензия ростовской газеты на его первое гастрольное выступление: рецензия называлась «Неужели это всерьез?» и ругала молодого солиста грузинской филармонии за его хриплый голос и т. д. и т. п. Его не охладил и многолетний поиск своего репертуара, своего стиля, манеры; он чувствовал: всю жизнь копировать зарубежных исполнителей нельзя, так же как нельзя беззаботно распевать отечественные шлягеры «ни о чем». «Ну разве не странно,— с каким-то комическим ужасом Вахтанг распахивает глаза,— стоит на сцене взрослый интересный мужчина и поет: ля-ля, ля-ля-ля-а-а-а. Несолидно. Во-первых, не такой уж я крупный вокалист, чтобы доставлять удовольствие только своим голосом. И кроме того — мне моя седина это петь не позволяет...»

Когда Вахтанг Кикабидзе вышел на сцену с песней «Последний фаэтонщик» композитора Г. Цабадзе, до седины певцу было еще далеко, но зрители увидели перед собой совсем старого, грустного человека; фаэтонщик делился своими заботами, он как бы просил совета и помощи: на смену фаэтонам давно пришли автомашины, его труд не нужен людям, а разве может человек жить без любимого дела...

Вот уж когда со всей задушевной силой зазвучал хрипловатый, будто чуть усталый, теплый голос певца, полный безграничной печали и доброты. В этой песне Кикабидзе удалось создать и конкретный и собирательный образ. Народный образ, который вобрал в себя наивность и мудрость, иронию и щедрый юмор, бесхитростность и лукавство истинно национального характера. Певец нашел себя.

«Последний фаэтонщик» стал этапным не только для Кикабидзе, но и для «Орэра», в составе которого он начал выступать с 1966 года и объехал все пять континентов. Первый ВИА в стране впервые вынес народную грузинскую песню на современную эстраду. А Кикабидзе обратился к так называемому городскому фольклору, источником которого явился старый тбилисский район Мейдан. На протяжении веков в этом районе жили люди самых разных национальностей. Все они сообщали грузинской музыкальной основе что-то свое, возник особенный песенный сплав. В Мейдане пели о простом маленьком человеке, о его городе, о неудачной любви, небольших радостях, надеждах и мечтах.

Вахтанга Кикабидзе привлекла здесь возможность не просто петь, а играть песню. И говорить о красоте людей, их доброте. Я не случайно уже не первый раз употребляю слово «доброта». Это то качество, которое Вахтанг более всего ценит в людях. И это то качество, которое друзья ценят в нем.

Но теперь, когда популярность его особенно велика — чему способствовали кинороли Кикабидзе,— все большее количество зрителей и слушателей испытывает — увы!— неодолимую потребность убедиться, так ли он похож в жизни на своих отзывчивых, бесхитростных Бенжамена из «Не горюй!» или Валико из «Мимино». Не иссякает поток совсем незнакомых людей, звонящих в дверь его гостеприимного дома и обращающихся к артисту с самыми неожиданными просьбами. К чести Кикабидзе надо отметить, что он обладает и должным терпением и истинной отзывчивостью: он готов сделать все, что в его силах. Жена Ирина и шестнадцатилетний сын Константин так и называют главу семьи: «наш депутат». Ситуации случаются и забавные. Например, однажды явился молодой человек и попросил Вахтанга Константиновича прийти к нему на свадьбу, так как в свое время неосторожно похвастался невесте, что Кикабидзе его родственник. Иначе свадьба не состоится. Сами понимаете, отказать было нельзя.

— Да, пора играть отрицательного героя,— улыбается Вахтанг,— а то видите, что получается. Хотя боюсь, что и в самом закоренелом злодее отыщу что-то хорошее, человечное...

В искусстве люблю честность. Если меня утверждают на роль, буду играть только того героя, которого могу играть. Того, в кого верю. Именно поэтому, приступая к съемкам фильма «Не горюй!», режиссеру Георгию Данелия пришлось «перелопатить» весь сценарий, поначалу рассчитанный вовсе не на меня. Мы вместе додумывали сцены уже в процессе съемок. И до того мне было легко играть, что я даже испугался...

Для певца Кикабидзе работа в кино стала органичным продолжением его работы на эстраде: тот же поиск характера, конкретного и одновременно народного, эпического; та же требовательность к материалу (только здесь не к песням, а к сценарию); та же тяга и дар к импровизации, та же непринужденность и естественность поведения... На съемках «Не горюй!» Серго Закариадзе сказал Вахтангу: «У тебя удивительное качество, оно врожденно: ты не замечаешь камеры».

Когда народного артиста Грузинской ССР, лауреата Государственной премии СССР Вахтанга Кикабидзе спрашивают, кого бы ему хотелось сыграть, он отвечает: Дон Кихота. А ведь похожи, очень похожи его Бенжамен, Валико или возчик Павле из «Мелодий Верийского квартала» на этого бескорыстного рыцаря добра и справедливости; столь же трогательные в своей наивности, доверчивости и столь же стойкие в своей вере в людей. Не раз мы, зрители, думали об этом, когда видели на экране ставшую знаменитой улыбку Вахтанга Кикабидзе. Улыбку, на которую невозможно не откликнуться.

Почему-то некоторые зрители полагают, что обладатель такой улыбки непременно должен быть весельчаком в жизни, просто живым воплощением смеха. Артист на самом деле не прочь пошутить и посмеяться (и получается это у него здорово), но мне в его характере запомнились прежде всего серьезность, деловитость и дисциплинированность, с которыми он подходит к любому делу. Это и позволяет Кикабидзе многое успевать: он снялся в 14 фильмах, он художественный руководитель «Орэра», он сотрудничает с композиторами Бабаджаняном, Френкелем, Экимяном... «Если любишь свое дело, то все успеешь!» Это его слова.

Лишь постепенно я находила, раскрывала для себя в этом внешне спокойном, сдержанном человеке и черты, свойственные наиболее популярным его героям: неожиданную детскость, живость и непосредственность восприятия мира, порывистую темпераментность и, конечно же, внимание, щедрость к людям, которые отвечают ему большой любовью.

— Я счастливый человек, меня любят,— признается Кикабидзе и добавляет: — Но я-то еще очень мало для этого сделал!

Думаю, Вахтанг Константинович преуменьшает свои заслуги. Искусство Кикабидзе, его разносторонний талант помогают людям становиться добрее, любить свою землю, вызывают слезы или улыбку, учат ценить Красоту. А значит, сделано уже немало... Но, с другой стороны, если артист действительно считает, что ему очень многое еще предстоит совершить, не будем спорить с ним. Будем ждать.

Народный артист Грузинской ССР Вахтанг Кикабидзе.

Фото Л. ШЕРСТЕННИКОВА

ПЕВЕЦ РОССИИ

К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ С. А. ВАСИЛЬЕВА

Фронтовая фотография. 1942 год.

В эти дни Сергею Александровичу Васильеву исполнилось бы 70 лет, но мне он всегда вспоминается молодым, веселым, полным искрящегося юмора и любви ко всему живому. Таким он был и за день до смерти, когда летом 1975 года я приехала навестить его в кунцевскую больницу...

Наверное, редко кто видел своего отца со свистом бегущим по крыше дома во главе ватаги мальчишек. А я помню отца и таким: он был отчаянный голубятник, любимец мальчишек нашего двора на Тверском бульваре. Впрочем, о своей любви к голубям он достаточно рассказал сам в своих стихах, в поэме «Голубь моего детства»:

Прямо с лета, прямо с хода,
поражая опереньем,
словно вестник от восхода,
он летит в стихотворенье.
Он такой, что не обидит,
он такой, что видит место,—
он находит для насеста
самый лучший мой
эпитет...

Кто-то из критиков написал, что васильевский «Голубь» стремительно влетел не только в стихотворение, но и в советскую поэзию как вестник нового пополнения ее, неся на своих крыльях веру тогдашнего молодого поколения — чувство преемственности, верность революционным идеалам, пафос героики, все то, чем жила тогда молодежь и что ему удалось так поэтично, ярко и самобытно выразить.

Родился Сергей Александрович Васильев в 1911 году в сибирском городе Кургане. Он рано потерял родителей, рос сиротой. «В печальном факте сиротства,—напишет он потом в автобиографии,— есть, однако, свой жестокий резон: закалка». Зарабатывал он тогда на жизнь чем приходилось — был грузчиком, рабочим на ситценабивной фабрике, истопником, санитаром.

В восемнадцать лет написал первые стихи. В 1933 году выходит его первая книга «Возраст», открывшая беспризорнику путь в Литературный институт имени Горького. В 1935 году появляются поэмы «Голубь моего детства» и «Анна Денисовна», сразу обратившие на себя внимание. Отец рассказывал мне, что именно эти две вещи были ему особенно дороги, они стали для него не только обретением собственного лица в поэзии, но как бы манифестом, которому он следовал всю жизнь. Никогда он не изменил раз и навсегда избранной героико-патриотической теме. Эта страстная тема звучит в его раннем цикле «Молодой человек», посвященном Павлу Антокольскому, в его фронтовых стихах, в каждой поэме, будь она о первом русском авиаконструкторе Можайском, или об одном из самых трагичных и прекрасных героев Отечественной войны — генерале Карбышеве, или о декабристе Кюхельбекере. За поэму о Карбышеве «Достоинство» в 1973 году Васильев получил Государственную премию РСФСР имени Горького.

Этим же пронзительным чувством патриотизма окрашены стихи Васильева о русской природе, где дышит, бьется в наших сердцах и «буран черемух» и «червонный листопад», пылают «верха рябин», зовет, переливается «звонкий, как ручей», голос Родины. Вот и сегодня, включив утром радио, услышала его, казалось бы, бесхитростную песенку: «Лучами красит солнышко стальное полотно. Без устали, без устали смотрю, смотрю в окно». Как часто ездил он по русской земле, нет для него в стране поселка или города, чтоб был ему чужой. Он был верным сыном России и ее певцом, певцом ее природы, людей, героической истории.

Помню, как за год до его смерти мы вместе побывали в Кургане, в его родном и горячо любимом городе. Отец повез меня в места, где жил сосланный в Сибирь Вильгельм Кюхельбекер, в его избу над Тоболом. Теперь там библиотека и нечто вроде маленького музея. Кстати, в их организации

СТРОГИЙ ЖАНР

Обращение прозаика к очерку всегда интересно. Книга Анатолия Калинина «Две тетради» в этом плане не исключение.

Характерной чертой художественного мира А. Калинина является ощущение неразрывной связи истории с современностью, созвучность Времени. Эта особенность свойственна и очерковой книге писателя.

Героические военные годы и послевоенная действительность объединены общим замыслом показать мужество и духовную стойкость советских людей. Фронтовой опыт автора лег в основу описанных по горячим следам событий, когда Калинин в качестве специального корреспондента «Комсомольской правды» вместе с Пятым Донским кавкорпусом проделал боевой поход от Грозного до Югославии.

На страницах книги мы видим доблестные действия славной казачьей конницы, знакомимся с обаятельным образом ее командира — генерала Селиванова. Фигура эта раскрывается многогранно: в авторских наблюдениях над героем гражданской войны и битв с гитлеровцами, в рассказах солдат о том, как во время танковой атаки необстрелянные бойцы дрогнули и генерал личным примером заставил их преодолеть страх. Примечательно, что, рисуя облик солдат и командиров, А. Калинин старается раскрыть внутренний мир человека на войне. Так, в его изображении Селиванов не только смелый, талантливый военачальник, но и тонкий ценитель поэзии, читающий в кругу своих боевых друзей на «мелодичном языке фарси» стихи Саади. Опытными и заботливыми воспитателями, наставниками предстают перед читателями офицеры корпуса.

А. Калинин считает себя писателем шолоховской школы. Свое отношение к произведениям своего великого земляка он выразил в известной книге «Время «Тихого Дона». Шолоховские традиции явственно ощущаются и в «Двух тетрадях».

Первая «тетрадь» книги А. Калинина высвечивает самые различные стороны народной борьбы. Особое место занимает в ней рассказ о подвиге народа на оккупированной территории. Автора привлекает нравственная сила советской молодежи, которая столь ярко проявилась на примере подпольной борьбы с фашистами в Таганроге. Бесстрашным молодым подпольщикам посвящен очерк «Нет, это не легенда». Его нельзя читать без волнения.

В годы войны в Таганроге активно действовала разветвленная подпольная комсомольская организация, насчитывавшая около двухсот человек. Ребята расклеивали листовки, совершали диверсии, засекали расположение фашистских объектов и регулярно переправляли сведения через линию фронта, выпускали бюллетень «Вести с любимой Родины». Тысячи юношей и девушек спасли они от угона в Германию. В задачи подпольной организации входила подготовка вооруженного восстания. Ею занимались целые семьи: Афоновы, Петр Турубаров с сестрами Валей и Раей, мать и сын Чередниченко... Перед читателем проходит галерея образов героических патриотов — Семена Морозова, организатора и вожака комсомольского подполья, Константина Афонова, Сергея Вайса.

Анатолий Калинин. Две тетради. М., «Советский писатель», 352 с.

Васильев сделал немало. Встретили его здесь как родного.

Мы поднялись по хорошо знакомой ему тропинке на крутой берег. Над Тоболом стоял туман. Отец шел, как всегда, широко, свободно, с наслаждением вдыхая свежий речной воздух. С крутого берега открывался величественный вид. «Знаешь,— сказал он,—когда я впервые вышел сюда, то вдруг с особенной остротой почувствовал, что Кюхельбекер именно отсюда не раз смотрел на Тобол...»

Потом в библиотеке отец читал отрывки из поэмы о Кюхельбекере — своей последней поэмы. Читал всласть, с полной отдачей — как он умел читать. Слушали его затаив дыхание...

О Васильеве писали: поэт-патриот, поэт-публицист, поэт-сатирик. Мне приходилось слышать, как высоко оценивали его эпиграммы и пародии сами поэты, на кого они были написаны. Например, Павел Григорьевич Антокольский, которого отец любил особенно глубоко и нежно, но на которого тем не менее написал одну из своих лучших пародий «Бурбоны из Сорбонны», иногда даже шутливо представлялся Поль де Антоколь, как он назван в пародии.

Несколько меньше известна лирика Сергея Васильева. Ниже печатаются его четыре стихотворения, посвященные моей матери. Два первых вошли лишь в одну книгу его стихов 1945 года, два других публикуются впервые.

Г. С. ВАСИЛЬЕВА,
кандидат филологических наук

Сергей ВАСИЛЬЕВ

ИЗ ЛИРИКИ РАЗНЫХ ЛЕТ

К. А. Б.

Когда мне с почты полевой
приносят весть твою,
неторопливый почерк твой
я сразу узнаю.
Нет, в этот день я не хожу,
я целый день лечу,
и имя Ксения твержу,
и «жди меня» шепчу.
И потому что с давних пор
ты так мне дорога,
мне легче жить и легче бить
проклятого врага.
И если я, в конце концов
пройдя огонь и дым,
взгляну в любимое лицо
здоров и невредим,
ты так и знай: за сотни верст
вела меня в борьбе
одна из самых ясных звезд —
моя любовь к тебе.

Западный фронт. 1942 г.

Вот на бульваре старый дом,
вот в окнах яркий свет.
Здесь жили мы с тобой вдвоем
нелегких десять лет.
Вот здесь ты, грустная, впотьмах,
в ночи ждала меня.
Вот здесь с гитарою в руках
ты пела у огня.
Здесь был и холод, и уют,
и спор, и шум, и гам,
и радость мы делили тут
и горе пополам.
Вот в желтых листьях тесный двор,
а вот скамья в саду,
где я сказал, потупя взор,
что больше не приду.

Опять ты мне снилась. В тумане, в бреду
проснулся я в эту угрюмую полночь.
Ужели покоя нигде не найду?
Ужели никто не придет мне на помощь?

Ах, милая! Ты понимаешь сама,
какая беда мне свалилась на плечи.
Не ведаю, как не сошел я с ума,
не ведаю, как не лишился я речи.

Я имя твое повторял, как пароль,
я шел с ним в поэзию, в драку и в битву,
и шепот мой страстный похож был порой
на тайную, полную веры молитву.

Я верил в тебя. Я любил тебя так,
как, может быть, больше любить не сумею...
Казался событием каждый пустяк,
лишь был бы он связанным с жизнью
твоею.

Да, да, я с тобою не жил, а летел,
и чувство полета считал я блаженством,
ошибок твоих замечать не хотел,
удачи твои называл совершенством.

Достоинства женщин сверял по тебе,
гордился тобою, как редкой находкой.
Звездой ты была в моей трудной судьбе —
холодной звездой, молчаливой и кроткой.

Все лучшее, что только было во мне,
я смело тебе отдавал без остатка.
Так что же случилось? По чьей же вине
все так оказалось непрочно и шатко?

Конечно, я часто бывал виноват,
грубил иногда, ревновал без причины.
Но разве я стал бы тебя ревновать,
когда б не испытывал гордость мужчины?

Ревнуют, любя, берегут, дорожа.
А если любовь улетает из сада,
уходят с тоскою в глазах сторожа —
беречь облетевшие листья не надо...

Довольно. Расходятся наши пути.
Причалы к сближенью все дальше и уже.
О, дай тебе бог в этой жизни найти
добрее меня человека и мужа.

Я жить с тобой до старости хотел,
до самого последнего предела.
Идти вдвоем, пока рассудок цел,
пока душа не вырвется из тела.

Но час настал, настал такой момент,
что мы расстались осенью с тобою.
И я живу теперь как инструмент
с неосторожно порванной струною.

И ласка даже самых нежных рук
меня не может сделать беспечальным.
Я издаю какой-то ложный звук
не в силах быть, как прежде, музыкальным.

Писатель подчеркивает героический характер борьбы, которую вела молодежь. Романтической героикой овеяны не только бессмертные подвиги подпольщиков, она наполняет их письма, записки, последние слова в момент казни.

Фронтовая публицистика А. Калинина адресована нашему современнику, и в первую очередь молодому, воспитывая его в духе верности памяти павших, преданности своему народу, делу партии.

«Слушая тишину» — так называется очерк, открывающий вторую часть книги. Важно отметить, что обе части образуют единое целое. Исторические достижения нашего народа на новом этапе развития — вот что органично связывает два временных плана повествования, и героизм военных лет закономерно продолжается в трудовых свершениях мирного времени.

А. Калинину близки и дороги люди, много сделавшие для процветания его родного края. С огромной симпатией описывает он Черкасова — партийного руководителя на строительстве Цимлянской ГЭС. За плечами этого человека ценнейший опыт работы с народом в должности председателя колхоза, умение доверять, поддерживать в трудную минуту. Главное в личности Черкасова — это требовательная доброта, задушевность. Несколько иной тип коммуниста представляет начальник стройки Барабанов. Целеустремленный, волевой, беспощадный к себе и другим, он мыслит по-государственному, широко, с размахом, пробуждая в людях неведомую им самим творческую силу и энергию.

Борьба за утверждение нового, передового присуща многим героям очерков А. Калинина. Таким узнаем мы директора совхоза Красюкова, который добровольно взял отстающее хозяйство и вывел его в передовые (очерк «Близ Мелиховской»). Автор вдумчиво исследует здесь методы руководства Красюкова, объявившего беспощадную борьбу лодырям и прогульщикам.

Прилив особой гордости вызывают у писателя трудовая инициатива земляков, их новаторство и творческий поиск. В «Истории кубического улья» он выводит Сурового пчеловода, который в результате многолетних опытов создал новый, более продуктивный тип улья, превзошедший лучшие иностранные конструкции.

О чем бы ни писал А. Калинин, везде он встречает людей, преобразующих родной край, болеющих душой за порученное им дело и видящих в труде высшую радость. При этом, однако, писатель далек от наивной идеализации сельской действительности. Мы читаем в книге о трудностях, ошибках, а порой и неудачах колхозного строительства. Вот почему в очерке «Письмо другу» автор с полным основанием говорил: «...если Вам придется читать какую-нибудь книжку на колхозную тему и Вы вычитаете из нее, что все трудности в колхозах давно уже остались позади.., потихоньку отложите ее в сторону».

Вопросы планирования, проблема текучести кадров, забота о наиболее эффективной организации труда и внедрении комплексных методов хозяйствования, бережное, рачительное отношение к природным ресурсам, борьба с браконьерством — все это постоянно находится в центре внимания публициста. Писатель-коммунист Анатолий Калинин хорошо понимает всю меру ответственности современников перед грядущими поколениями и потому, рассказывая о своих земляках, выходит далеко за пределы донского хутора, степного края, достигает больших обобщений.

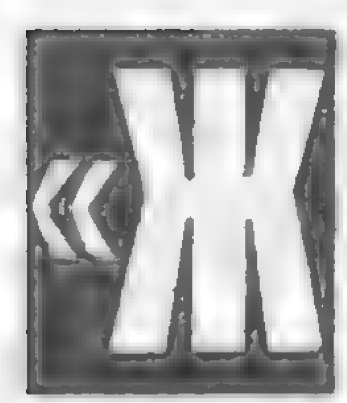
В этом, думается, главное значение его интересной и нужной книги строгого жанра документальной прозы.

Б. БЛОХИН

ПОСЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ОГОНЬКА»

В репортаже К. Барыкина «Зеленая аптека» («Огонек» № 42, 1980 г.) отмечался не только растущий интерес к лекарственным растениям, но и ставился вопрос: что мешает удовлетворению спроса на них!

МНЕНИЕ О ПРОБЛЕМЕ

урналом «Огонек» в статье «Зеленая аптека» поднят важный вопрос о заготовке сырья из лекарственных растений для нужд здравоохранения и обеспечения ими населения»,— отмечает заместитель министра здравоохранения СССР П. И. Герасимов.

«Министерство здравоохранения РСФСР, рассмотрев статью «Зеленая аптека», полностью согласно с замечаниями и выводами автора статьи», — пишет в редакцию заместитель министра здравоохранения РСФСР Г. В. Сергеев.

«Правление Центросоюза считает, что вопросы, поднятые в статье, своевременны и актуальны. Мы согласны с автором: настала необходимость упорядочения планирования, охраны, воспроизводства и рационального использования дикорастущих лекарственных растений».— Из письма заместителя председателя правления Центросоюза А. Г. Яшина.

Заместитель министра медицинской промышленности СССР Н. Ф. Данилин, сообщая, что министерство рассмотрело статью «Зеленая аптека», считает справедливой постановку вопроса и информирует: «За последние пять лет среднегодовая поставка лекарственного сырья возросла на 42 процента».

Особого расхождения в оценке проблемы, как видим, нет — **вопросы важны и актуальны, так считают авторы официальных ответов в редакцию.**

СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ

П. И. Герасимов. Несмотря на то, что в десятой пятилетке почти в полтора раза увеличилась заготовка лекарственного растительного сырья, потребность в нем удовлетворяется (поставками Минмедпрома, Центросоюза, Гослесхоза СССР и Главохоты РСФСР) в пределах 60 процентов, а по некоторым видам—всего от 16 до 30 процентов. Минмедпром и Центросоюз ежегодно недопоставляют здравоохранению 20 и более процентов лекарственного растительного сырья, в том числе по таким ценным видам, как корень валерианы, цветы ромашки, листья мяты, плоды боярышника, травы тимьяна и чебреца, листья брусники, цветы ноготков. Поэтому в аптеках нет постоянного широкого ассортимента трав для продажи населению.

Г. В. Сергеев. В настоящее время заготовкой лекарственных растений занимаются несколько заготовительных организаций, которые в целях выполнения плановых заданий мало заботятся о сохранности имеющихся зарослей и их воспроизводстве.

Отсутствие единого межведомственного координационного совета по планированию заготовок сырья приводит к истощению лекарственной флоры, затрудняет проведение ресурсоведческих работ по изучению ареалов распространения лекарственных растений и их охрану.

А. Г. Яшин. Сейчас удовлетворить постоянно возрастающие запросы медицинской промышленности только за счет дикорастущих лекарственных растений невозможно из-за того, что заготовка многих из них запрещена или они находятся на грани исчезновения. Существует острая необходимость в охране и повышении продуктивности зарослей шиповника, лимонника, облепихи и многих других лекарственных растений.

Н. Ф. Данилин. Потребности здравоохранения и медицинской промышленности во многих видах лекарственных растений, как это справедливо отмечено в статье, удовлетворяются еще далеко не полностью.

ПУТИ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ

Н. Ф. Данилин. За счет расширения посевных площадей и повышения урожайности культивируемых лекарственных растений в 1985 году (по сравнению с 1980-м) планируется увеличить их производство не менее чем на сорок пять процентов. Перед Гослесхозом СССР поставлена задача по осуществлению необходимых мер по сохранению зарослей лекарственных растений, их восстановлению и окультуриванию в местах естественного произрастания, а также расширению промышленных плантаций облепихи, шиповника, боярышника, лимонника и других видов лекарственных растений. Совхозы объединения «Союзлекраспром» и зональные опытные станции Всесоюзного института лекарственных растений ежегодно обеспечивают население страны посадочным материалом (или семенами) облепихи, шиповника, ромашки аптечной, ноготков и многих других лекарственных растений, а также осуществляют консультации по их возделыванию.

П. И. Герасимов. Для более полного обеспечения потребности в лекарственных растениях аптечными управлениями министерств здравоохранения союзных республик также проводится заготовка дикорастущих лекарственных растений. Аптечными управлениями Литовской ССР, Российской Федерации, Украинской ССР, Казахской ССР, Узбекской ССР, Латвийской ССР проводится работа по культивированию лекарственных растений на пришкольных, приаптечных и прибольничных участках, а также на землях подсобных хозяйств. Министерство здравоохранения СССР совместно с Минмедпромом будет (в централизованном порядке) обеспечивать аптечные управления и отдельных лиц семенами и посадочным материалом, оказывать им методическую помощь по возделыванию лекарственных растений. Усилена работа по расширению материально-технической базы. Во вновь утвержденных проектах центральных районных аптек предусмотрено помещение для приемки, сушки, хранения лекарственных трав.

А. Г. Яшин. Правление Центросоюза считает, что с целью увеличения заготовок лекарственного сырья уже сейчас назрела необходимость решения комплекса вопросов по охране, воспроизводству и рациональному использованию сырьевых ресурсов. Это — учреждение заказников целевого назначения; охрана зарослей от распашки, вырубки, вытаптывания, сенокошения; ограничение сбора некоторых видов лекарственных растений; регламентирование сроков и количества сбора, а также районов заготовок. В настоящее время правление Центросоюза поручило управлению «Центрокооплектехсырье» разработать дополнительные мероприятия по дальнейшему улучшению организации заготовок и поставок лекарственного сырья предприятиям медицинской промышленности.

Г. В. Сергеев. Министерство здравоохранения РСФСР совместно с Министерством лесного хозяйства Российской Федерации и Главохотой РСФСР издало приказ «О мерах по дальнейшему увеличению заготовки и поставки дикорастущего лекарственного растительного сырья для нужд здравоохранения РСФСР». Это уже принесло результаты. За одиннадцать месяцев 1980 года аптечной сетью Российской Федерации заготовлено 2168 тонн лексырья— на 400 тонн больше, чем за такой же период предыдущего года.

ДРУГИЕ ВОПРОСЫ

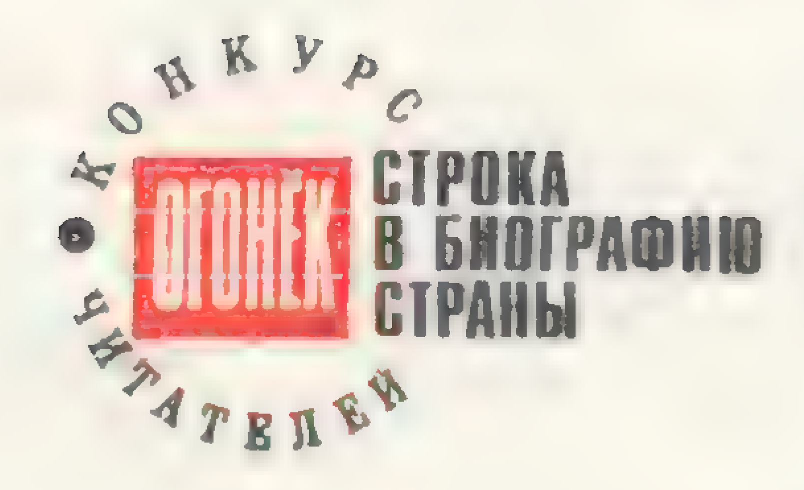
В репортаже «Зеленая аптека» поднимались и другие вопросы, на которые в меньшей или большей степени ответили руководители четырех министерств и ведомств. Минздрав РСФСР сообщает об увеличении заготовок лекарственных растений и о том, что до конца 1985 года будут завершены ресурсоведческие работы во всех автономных республиках, краях и областях Российской Федерации — по изысканию перспективных районов заготовок, будут определены и оптимальные объемы их сбора. Минмедпром, отмечая, что в журнальной статье «справедливо поднят вопрос о низком качестве упаковки лекарственных средств из растительного сырья, а также устаревших инструкциях по способу их употребления», сообщает, что ныне разработаны мероприятия, направленные на улучшение оформления упаковок. «Разработка новых эскиз-оригиналов поручена ленинградскому научно-производственному объединению «Прогресс». Всесоюзному институту лекарственных растений дано указание на пересмотр текстов аннотаций по применению средств из лекарственных растений и уточнению дозированных форм растительного происхождения. На заводах по переработке лекарственных растений объединения «Союзлекраспром» проведены научно-исследовательские работы и освоено производство новых лекарственных средств растительного происхождения в виде таблеток, брикетов, гранул».

ОТ РЕДАКЦИИ. С некоторым удовлетворением можно отметить, что поставленные в публикации «Огонька» вопросы решаются. Конечно, хотелось бы, чтобы процесс этот проходил более четко, да и называемые сроки — велики. Практически только к концу наступившей пятилетки можно ждать кардинального улучшения дела. Когда это касается такой крупной проблемы, как проведение ресурсоведческих работ, тут все понятно — такую работу быстро не выполнить. Но небольшие-то вопросы надо ли откладывать на потом? Взять ту же упаковку лекарственных растений. Следует ли изобретать все заново, не лучше ли поинтересоваться опытом пищевой промышленности, накопившей немало полезного в создании тары и упаковки? Едва ли все подойдет один к одному, как говорится. Но основные принципы позаимствовать не только можно, но и нужно — и для сокращения сроков и для сбережения сил и средств.

Остается неясным — намечается ли создать межведомственный орган, который мог бы с полной ответственностью и с полным правом решать все вопросы? Товарищ Сергеев прямо говорит о необходимости межведомственного совета, о тех издержках, которые уже сейчас дает его отсутствие. Озабоченность и тревога, высказанные в письме Минздрава РСФСР, понятны и обоснованны. Вместе с тем товарищ Данилин сообщает, что вопросы координации заготовок дикорастущего сырья, а также распределения его потребителям уже ведутся — они возложены на Минмедпром совместно с Минздравом. При этом заместитель министра ссылается на постановление (принятое в 1971 году). Но ведь последующие годы показали, что два координатора не полностью справляются с проблемой, что весьма существенные вопросы им пока решить не удалось. Может, вернуться к идее создания межведомственного совета, в который вошли бы представители Минмедпрома, министерств здравоохранения СССР и РСФСР, Центросоюза, Гослесхоза, Главохоты, других заинтересованных (и знающих) организаций?

«ЗЕЛЕНАЯ АПТЕКА»

ТРЕТИЙ ОРДЕН

Константин ЛЮБЧЕНКО

Четыре дня мы ходим с Александром Максимовичем по улицам Казатина — небольшого украинского городка. И всюду, кто бы и где бы ни встретился с моим спутником, каждый здоровается с ним приветливо и уважительно. А ведь совсем недавно Александра Максимовича Мухина знали только товарищи по работе — он работает главным бухгалтером на железной дороге — да соседи по дому, где он живет. Несколько раньше узнали о том, кто же такой этот с виду незаметный человек, следопыты из отряда «Поиск» пятой казатинской средней школы.

...С выцветшей военной фотографии на нас строго смотрит молодой старший сержант. На его гимнастерке два ордена Славы — второй и третьей степени, медали «За отвагу», «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией».

Именно эта фотография и попала на глаза Тане Корчевнюк и ее друзьям, тогда еще ученикам седьмого класса, искавшим ветеранов войны на своем участке — 8-й Гвардейской улице.

Пионеры из отряда «Поиск» пригласили Александра Максимовича в школу и попросили рассказать о своем боевом пути. Когда рассказ был окончен, у ребят возник вопрос: а почему за последний бой, в котором участвовал Мухин на полуострове Сырве, он не отмечен никакой наградой? Бой-то был трудный...

— Мне мои командиры говорили,— сказал Мухин,— что я был представлен к высокой награде, да не знаю, может, затерялись где-то документы...

С этого разговора и начался поиск следопытов...

О его завершении мне рассказала маленькая заметка в одной из центральных газет. Под заголовком «Подвиг не забыт» сообщалось, что спустя тридцать пять лет за подвиг, совершенный при освобождении полуострова Сырве, старший сержант Мухин награжден орденом Славы первой степени.

...Полуостров Сырве. Юго-западная оконечность острова Сааремаа, или, как назывался он раньше, Эзель. Взятием этого полуострова были закончены все операции по освобождению Эстонии от немецко-фашистских захватчиков. Было это 24 ноября 1944 года...

Естественно, меня эта заметка заинтересовала.

На мое письмо в Казатин следопыты пятой школы ответили незамедлительно. И когда я познакомился с содержавшимися в присланном ими пакете копиями документов, хранящимися в школьной комнате боевой славы, я выехал в Казатин.

Документы рассказали о том, что Александр Максимович Мухин все три ордена Славы и медаль «За отвагу» получил за подвиги, совершенные им в течение девяти месяцев в боях за освобождение Эстонии, начиная с первого наступления под Нарвой 2 февраля и кончая последним боем на полуострове Сырве 24 ноября 1944 года. В ту пору Саше Мухину шел двадцать первый год.

Довоенная биография Саши Мухина укладывается в несколько фраз. Потомственный колхозник. Средняя школа. Комсомол. ФЗО по специальности судовой плотник. Последнее, видимо, и решило фронтовую судьбу Мухина — назначен он был в саперы. Но это позже, уже на фронте. А до того пришлось ему преодолеть немало препятствий и... отнюдь не на фронте. Началось с того, что его чуть не забраковали на призывном пункте, куда прибыл он в марте 1942 года: уржумский военком никак не хотел поверить, что этому щуплому пареньку уже восемнадцать. Попал Мухин в запасной полк третьей очереди, но и тут проявил упорство — пробился в отряд добровольцев, направляемых на оборону Ленинграда.

Под Ленинградом начинается боевой путь минера Мухина. Лигово, Пушкин, Пулковские высоты, Урицк, Воронья Гора — рубежи, на которых держала оборону его дивизия...

В январе 44-го войска Ленинградского фронта рванулись к границам Эстонии.

2 февраля начинается первый штурм Нарвского плацдарма. А в ночь на 21 февраля под Ванамыйза Александр Мухин лично делает десять проходов в проволочных заграждениях, обезвреживает восемьдесят противотанковых и противопехотных мин, уничтожает в рукопашной схватке шестерых фашистов и разминирует мост, открывая путь своей части в глубь обороны противника. В это время его легко ранили. Перевязка на полковом медпункте и — снова в бой.

Замечу попутно, что это было единственное ранение за всю войну. А в конце войны подсчитали, что за весь период боевых действий через взвод, в котором служил наш герой, прошло около трехсот человек. В строю остался один — Саша Мухин.

Тут бы, конечно, в самый раз порассуждать по поводу феноменального везения Мухина. Удачи, конечно, были... Но вспомним одну из солдатских историй о Суворове, который на замечание о том, что, дескать, у него сплошные удачи судьбы, ответил: «Раз удача, два удача, но, помилуй бог, и умение надобно иметь!»

Так вот, умение у Александра Мухина было отменное. Недаром

Александр Максимович Мухин.

же всех новичков к нему в обучение прикрепляли. Да и задания давали что потрудней.

За бой под Ванамыйза Мухина награждают орденом Славы третьей степени. Это была первая боевая награда Александра Мухина, первый орден, полученный им на земле Эстонии.

Спустя пять месяцев, после участия в операциях на Карельском перешейке, часть, где служит Мухин, перебрасывают снова под Нарву, где готовится генеральное наступление по окончательному освобождению Эстонии.

11 августа. Под сильным огнем, впереди своего взвода Саша Мухин переправляется вплавь на остров Пермискюль и обеспечивает переправу своих бойцов и материалов для наведения переправы. А затем проделывает три прохода в проволочных заграждениях, снимает около восьмидесяти мин.

А через четыре дня, когда отличившихся в этом бою награждают перед строем, выясняется, что Александра Мухина наградили орденом Славы... но снова третьей степени. А это противоречило статуту ордена. Как же быть с бойцом, заслужившим награду? И командир полка Путятин находит выход из положения. Он тут же перед строем пишет приказ и вручает Мухину медаль «За отвагу». Большего он не вправе был сделать.

Продолжалось наступление войск уже на территории Эстонии.

Из наградного листа: «В бою 2 октября 1944 года за остров Даго (ныне остров Хийумаа.— К. Л.), под огнем противника проделал до десяти проходов в проволочном заграждении и обезвредил пятнадцать противотанковых мин противника, чем обеспечил успешное продвижение пехоты. Преследуя отходящего противника, уничтожил пять фашистских солдат...

Приказом по войскам 8-й армии награжден орденом Славы второй степени».

А потом был полуостров Сырве.

Из наградного листа: «В бою 18 ноября 1944 года... при подготовке к прорыву сильно укрепленных противником позиций, группой саперов взвода 602-го стрелкового полка 108-й стрелковой дивизии были проделаны под ураганным огнем противника проходы в минных полях и заграждениях для наступающих частей. В числе отличившихся был командир отделения, старший сержант Мухин Александр Максимович, проявивший мужество, отвагу и героизм. На его долю выпала самая тяжелая работа по снятию им лично противотанковых и противопехотных мин: 100 штук. Он же проделал десять проходов, чем обеспечил успешное продвижение пехоты полка и других частей.

Преследуя отходящего противника, он лично уничтожил пулеметную точку врага и шесть неприятельских солдат».

У этого наградного листа есть одна особенность: он был подписан... в январе 1979 года бывшими командирами Мухина, ныне подполковниками в отставке Стахом Иньковым (инженер полка) и Павлом Белоусовым (командир саперного взвода), потому что... «представленные документы к награждению сержанта Мухина орденом Славы первой степени за проявленные подвиги в данной операции в то время почему-то продолжения не имели».

Неизвестно, а имел бы «продолжение» и документ, который я процитировал: он был написан бывшими командирами Александра Максимовича, когда, разыскав друг друга, они встретились в Ленинграде, да так и осел в ящике стола Мухина. Почему-то не решился Мухин послать его выше. Но попал документ на глаза следопытам пятой казатинской средней школы вместе с фронтовой фотографией, о которой уже была речь. Отряд «Поиск», руководимый заместителем директора школы по воспитательной части Ириной Ильиничной Кравченко, решил отыскать ветерану заслуженную награду. Все документы со своей просьбой следопыты направили в Верховный Совет СССР.

Наградной отдел Верховного Совета внимательно отнесся к просьбе следопытов. Были затребованы документы из архива Министерства обороны. И тогда был обнаружен интересный факт. Вы помните, что при награждении Мухина за операцию на остров Пермискюль была совершена ошибка. В приказе том было много фамилий, но ту часть приказа, где говорилось о награждении Мухина вторично орденом Славы третьей степени, никто не отменил. А отменить его мог только Президиум Верховного Совета. Что он и сделал 12 марта 1980 года, одновременно издав Указ о награждении Мухина Александра Максимовича орденом Славы первой степени.

Награда герою была вручена 22 апреля, в день 110-й годовщины со дня рождения В. И. Ленина.

Таллин — Казатин — Таллин.

ОСТОРОЖНО: ЗАПОВЕДНЫЙ ОСТРОВ

Валерий КАДЖАЯ

Пожалуй, это единственный в мире крупный индустриальный город, в самом центре которого находится природный заповедник, где почти в первозданном виде сохранились дубовый лес и ковыльная степь, заливные луга и плавневые озера, где растут реликты и эндемики и водятся птицы редкой красоты, а также куницы, зайцы, лисы, косули, дикие кабаны... Речь идет о Запорожье и об острове Хортица.

В нашем представлении остров прежде всего ассоциируется с Запорожской сечью, этой, по словам Карла Маркса, «казацкой республикой». Но история Хортицы восходит еще к тем далеким временам, когда была она самым южным оплотом Киевской Руси на пути степных кочевников: «И поидоша на конях и в ладьях, и придоша ниже порог и сташа в Протолчех и в Хортичем острове» — это из Ипатьевской летописи о походе древнерусских дружин против половцев в 1103 году. Молчаливые свидетели седой старины, тут и там разбросаны по острову древние могильники, курганы, остатки оборонительных насыпей. Да, славное место занимает Хортица в русско-украинской истории, потому она и была объявлена в 1965 году государственным историко-культурным заповедником.

Редкостный памятник истории, Хортица в то же время представляет собой и не менее редкостный памятник природы. Это не только самый большой остров на Днепре, но и вообще один из крупнейших речных островов. Его площадь составляет 2650 гектаров, в длину он протянулся на 12 километров, а в ширину — на два с половиной. Однако не размеры определяют его уникальность. Остров этот — редкое геологическое образование, он появился на свет в результате выхода на поверхность земли коренных горных пород, что на европейской территории наблюдается еще только в Карелии. Вдобавок природа по необъяснимой прихоти своей собрала здесь эталоны всех ландшафтов, свойственных югу Украины: скальные берега, лесистые холмы, целинную степь, балки и плавни... Чтобы сохранить в неприкосновенности этот неповторимый естественный музей, на Хортице в 1974 году был образован государственный геологический заказник «Днепровские пороги».

Все это я так подробно излагаю для того, чтобы сообщить в итоге следующее: и геологическим заказником и историко-культурным заповедником остров является только на бумаге. А в действительности его нынешнее положение не просто тревожно, но критически опасно. Я сильно преувеличил, утверждая, что на Хортице сохранился в первозданном виде дубовый лес. Сохранились — в основном по балкам да в пойме — лишь жалкие остатки непроходимых дубрав, некогда покрывавших остров.

Как понять, что потребительски относятся к острову его истинные хозяева? Те, кто по праву владеет им сегодня и обязан передать его своим детям и внукам в целости и сохранности. Согласно статусу, в заказниках и заповедниках запрещается всякая деятельность, нарушающая природные комплексы или угрожающая их сохранению. А что происходит на Хортице? Более чем на двух тысячах гектаров — а это четыре пятых территории острова — разместилось... экспериментальное хозяйство и поселок Центрального научно-исследовательского и проектно-технологического института механизации и электрификации животноводства южной зоны СССР — ЦНИПТИМЭЖ.

Несмотря на название, столь длинно и детально определяющее основные задачи института, это экспериментальное хозяйство имеет как к животноводству, так и к его электрификации отношение примерно такое же, как к освоению космоса. Были тут примитивный свинарник и столь же примитивный коровник — их снесли по требованию облисполкома. Зато доныне осталась птицеферма, а точнее курятник, без каких-либо следов технического прогресса, но с отчетливыми следами влияния на окружающую среду. Почему же его не убирают с острова вот уже тринадцать лет, несмотря на постановление властей?

Хозяйство же, претенциозно именуемое «экспериментальным», состоит из заурядных садов и ягодников. Без всякого ущерба для науки их можно разместить в любом другом месте, хотя бы на землях основного совхоза «Рассвет», принадлежащего институту и расположенного в тридцати километрах от Запорожья. Но пока что решение облисполкома о полном выносе за пределы Хортицы института и его экспериментального хозяйства — всего лишь звук пустой, ибо никто его не выполняет.

В это трудно поверить, но заповедные земли раздаются под садовые участки сотрудникам института! И почти все 630 участков засажены только клубникой.

Вот как оправдывает существование этих участков директор института Ю. Новиков в официальном письме, направленном в обком партии: «Со своей стороны, считаю, что уничтожение коллективных садов на территории острова Хортица... противоречит последним решениям партии и правительства о необходимости развития коллективного садоводства и огородничества». Понимаете, противоречит! Ни больше, ни меньше. И этот «довод» использует не кто иной, как член-корреспондент ВАСХНИЛ, автор злободневной книги «Осторожно: terra»—об охране природы! Словно не ведает он, что под коллективные сады и огороды надлежит выделять участки, непригодные для использования в общественном хозяйстве. Непригодные для использования... А ведь тут земли заповедные!

Между прочим, институт вообще-то имеет законные основания только на 500 гектаров. Все остальное приращено исключительно благодаря собственной инициативе, энергии, хватке. Сей пример послужил другим наукой. Завод «Запорожтрансформатор», получив для своего профилактория двадцать гектаров, постепенно обнес забором... 86 гектаров лучшей части острова, на сорока гектарах которой разбили опять-таки сад.

Индустриальный институт построил базу отдыха не где-нибудь, а в плавневом лесу, то есть в наиболее заповедной зоне, и, закрепившись на лакомом плацдарме, отвоеванном в ходе бурных дебатов (кои шли параллельно со строительством), самовольно пристроил спортзал. Вдали от города, вдали от студентов — зачем он нужен, да еще в ущерб природе? А затем, чтобы в нем тренировались 20 гандболистов команды высшей лиги.

Всего на Хортице функционируют четырнадцать таких баз отдыха и профилакториев. Их хозяева, флагманы запорожской индустрии, в соответствии с «Положением» о заповеднике, обязаны производить на свои средства благоустройство закрепленной территории и принимать участие в паевых взносах, необходимых для общего благоустройства острова, а также нести полную ответственность за сохранение природы, исторических мест и культурных памятников. Однако ни одно из четырнадцати предприятий, ни ЦНИПТИМЭЖ ничего такого полезного не сделали, если не считать неудачной попытки института уничтожить мышей ядами. Грызуны остались невредимы и расплодились еще больше, так как от яда погибли лисицы, уничтожавшие мышей.

Что касается сохранения исторических мест, то, словно бы в насмешку над «Положением» и вообще над здравым смыслом, днепроспецсталевцы на месте курганного могильника развели полуторагектарный огород лекарственных трав. Молодежная база отдыха возведена на бывших казацких укреплениях; полностью уничтожены фортификационные укрепления в зоне профилактория алюминиевого завода, а в поселке Виноградном жители оборудуют туалеты и погреба на поселении эпохи бронзы — конца II тысячелетия до нашей эры. На славянском поселении в Протолче, о котором упоминает Ипатьевская летопись, раскинулись избы и огороды поселка Рыбацкого.

Всего на острове шесть поселков, и все они медленно, но неуклонно разрастаются, подминая под себя заповедную природу Хортицы. Заглянем в один из них, Старый Днепр. За этим поэтическим названием скрывается обычная «нахаловка» из двадцати четырех домов. Впрочем, теперь уже двадцати пяти. Двадцать пятый заканчивали на моих глазах. Как объяснила хозяйка, сын женился, а она с невесткой не ужилась. «Была у меня летняя хатка, и я сказала сыну — давай, строй себе». Итак, мама разрешила, сын построил. А райисполком? Тоже разрешил? А его и не спрашивали. И точно так же, по своему хотению и по собственному велению, строятся остальные: кто дом, кто сарай, кто гараж. И при каждом дворе — участок. Которые пошустрее — у тех теплицы, ну и, конечно, всякая мелкая живность, а канализация отсутствует, коммунальное обслуживание тоже, и мусор выбрасывают на днепровский высокий берег. Свалку устроили, ну смех и грех, метрах в двадцати от памятного знака, оповещающего: «Береговая полоса. Памятник природы». Вокруг свалки заросли циклахены, лебеды, амброзии — прожорливых сорняков, напрочь выживших седой, благородный ковыль..

Но что свалка! Свалку убрать— дело нехитрое. Но вот кто решится убрать роскошный профилакторий «Днепроспецстали», построенный не где-нибудь, а у самой воды, на бывшей Думной скале, на которой, по преданию, казаки держали совет, думу... Скалу взорвали, расчистив место под помпезное, с колоннами, сооружение. А подальше эллинг, напоминающий мастерскую по ремонту техники, а там — пьяными зигзагами сбегают по склону разномастные хатки очередного поселка. И профилактории тоже стремятся вылезти к Днепру, показать себя. Только что показывать-то? Типовые, совершенно невыразительные здания, неумело к тому же поставленные, без всякого учета перспективы. Сразу чувствуется полное отсутствие архитектурного надзора. Так береговая полоса из памятника природы превратилась в памятник безвкусия.

А сейчас берегам этим, действительно редкой красоты, угрожает новая опасность. После ввода второй очереди Днепрогэса сильный напор во время сброса вод стал интенсивно размывать песчаные участки. В некоторых местах река унесла целые откосы, почти вдвое уменьшился остров Растебина. Берега необходимо укреплять, дело это нехитрое, но дорогостоящее — в самый раз сложиться землепользователям и, пока не поздно, спасать сук, на котором сами же сидят.

Рассказ наш о бедах Хортицы будет неполным, если не упомянуть о той буйной армии любителей отдыха на лоне природы, что заполняет остров в погожие летние дни, особенно по праздникам и выходным. А поскольку большая часть Хортицы, как мы уже говорили, оказалась огороженной ведомственными заборами, то вся многотысячная масса горожан устремляется на те немногие свободные участки, что находятся в плавневом, заповедном лесу. По подсчетам работников заповедника, бывают дни, когда на одном гектаре здесь скапливается в среднем более 200 человек, тогда как максимально допустимые нагрузки для леса — не более десяти человек. Никем не контролируемая, ничем не управляемая вольница эта рубит деревья, жжет костры, нередко устраивая пожары, ставит палатки, где заблагорассудится, носится в плавневых озерах на моторных лодках и катерах, ловит все, что плавает, и стреляет все, что бегает... Право же, тяжко, больно обо всем об этом писать.

Но хватит эмоций, хватит примеров — я думаю, их достаточно, чтобы понять: остров, взятый под охрану государством, тем не менее никем не охраняется, и процессы, разрушающие его природу, подошли к той критической черте, за которой могут стать необратимыми. Необходимо принимать меры скорые и энергичные. Но не поспешные. Ведь если завтра взять и снести тот же злополучный курятник или ликвидировать садовые участки, ни к чему хорошему это не приведет. На месте прежних свинарника и коровника сейчас вымахала по пояс циклахена и прет дальше. Надо было это место засадить дубками, но слабосильное лесничество не справляется со своими обязанностями. Не закроешь Хортицу и от людей, тем более что это единственный зеленый уголок в почти миллионном Запорожье, где так много заводов.

Нужен комплекс мер для того, чтобы превратить остров в культурно-рекреационную зону, а еще лучше — в Национальный / парк. Для этого требуется разработать программу на пять, десять, пятьдесят лет и выполнять ее неукоснительно. В эту программу обязательно должна войти ликвидация всех поселков на острове. Тоже дело не одного дня, как-никак почти полтысячи семей! Возможно, здесь понадобится помощь центральных органов. Программа должна также предусмотреть восстановление первозданного облика Хортицы: на месте отживших яблонь, на месте всех этих клубничников да малинников постепенно высаживать дубки, и тогда через сто лет вновь зашумят дубравы. И, конечно, в первую очередь необходимо создать службу отдыха, которая могла бы регулировать потоки горожан, готовить стоянки и следить за порядком на острове; разбить Хортицу на зоны разного режима — от запретных, куда не должна даже ступать нога человека, до буферных территорий с различного рода развлечениями.

Кстати, такого рода зону предполагалось создать в виде музея под открытым небом — казацкого лагеря. Прекрасная идея! Почему-то она трансформировалась и воплотилась в просто музей, под крышей, с традиционными экспозициями и диорамами. Одна из них, например, будет посвящена строительству Днепрогэса. Зачем же это? Ведь прямо напротив Хортицы, всего в нескольких сотнях метров отсюда высится сама красавица плотина, а на Днепрогэсе есть отличный музей, его посещают все гости Запорожья, которых потом везут на Хортицу. Или вот диорама, посвященная Великой Отечественной войне. Она, безусловно, нужна, но место ей в краеведческом музее. Строящийся сейчас на Хортице собрат этого музея будет, по общему мнению, во многом дублировать его, а туристы жаждут новизны, экзотики. А едут они сюда со всего мира: Запорожье — крупнейший туристический центр на юге Украины, на прославленном заводе «Запорожсталь» даже действуют международные курсы ООН.

И где же как не в Хортице стоять памятнику запорожским казакам! Памятнику в виде стилизованной Сечи, с куренями и шинками, церковью и кузницей,— да что перечислять, откройте «Тараса Бульбу», там все описано. Такой музей органично влился бы в структуру Национального парка и так ярко оживил бы в памяти нашей героическую Запорожскую Сечь, «гнездо, откуда вылетают все те гордые и крепкие, как львы... откуда разливается воля и козачество на всю Украйну!».

Заповедный остров, национальная гордость, памятник истории, неповторимый шедевр природы— Хортица взывает к нашему уму и сердцу. Нам ли не откликнуться?

ЗДРАВСТВУЙ, ЗЕМЛЯ!

Сергей ТАРАТУТА

В РОДНОМ КРАЮ

Здравствуйте, речка, лесные
поляны,
Здравствуй, земля, по которой
иду,
Здравствуй, и гром, что вдали
где-то грянул,
Здравствуй и ты, стрекоза
на пруду!

Стали приезды в края эти редки,
Коротки летние встречи с тобой...
В старый автобус врываются ветки,
Словно меня не пускают домой.

НЕДОСТАТОЧНО ГОЛОС ИМЕТЬ...

И пернатые учатся петь,
Налетев на дубы и березы...
Недостаточно голос иметь,—
Говорят соловьи-виртуозы,

Распевая всю ночь до утра,
Мы работаем, не отдыхая.
Камертоном нам служит трава
Или яблони ветка сухая.

Столько вложено в трели труда,
Простота эта кажется внешне...
Без труда бы не спел никогда
Даже скромный певец
из скворешни!

•

Казалась мне такой широкой
Вот эта скромная река.
Здесь раньше лодкой кособокой
Мы подминали облака...

Но, перекинув камнем речку,
Однажды брошенным слегка,
Не понял я, что дал осечку,—
Так сразу сузилась река.

Упал бы он на середине
Иль пусть в прибрежном
тростнике...
Но камень мой — в засохшей тине
На берегу, а не в реке.

И сразу видно — нет в ней проку
И что мелеет с каждым днем...
Она нам кажется широкой,
Пока мы небо лодкой мнем.

ДОМ ХУДОЖНИКА

В. НАРЦИССОВ,
старший научный сотрудник Государственной Третьяковской галереи

Одна из старых улиц Москвы, скромный флигель, большую часть дня затеняемый огромным соседним домом, несколько старомодный навес над входом, двери—прочные и высокие. Небольшая бронзовая табличка с четкой прорисью имени владельца дома: П. Д. Корин. Ныне здесь музей художника.

Более тринадцати лет назад эти двери в последний раз закрылись за хозяином. Скорбная тишина воцарилась в доме одного из выдающихся художников современности. Осознание утраты не притуплялось со временем у близких и верных друзей этого гостеприимного московского дома, которые не изменяли традициям его хозяина и, как в былые дни, приходили сюда. Приходили старые друзья, появились и новые.

Их единило стремление не только поддержать и ободрить Прасковью Тихоновну Корину, но и предложить ей посильную помощь в создании лучшего памятника ушедшему мастеру — музея в его доме. И подлинной душой этого большого и нужного народу дела была Прасковья Тихоновна — супруга художника, сподвижница его многотрудной жизни, старейший музейный работник и реставратор самой высокой квалификации.

Особых усилий стоило устройство экспозиции в бывшей творческой мастерской художника. Мастерская огромная — это самое большое помещение в доме. И ей отныне предстояло служить основной экспозиционной площадью музея. Именно здесь нужно было максимально полно представить столь многообра́зное и многоо́бразное творчество Павла Корина.

Человек нелегкой, но удивительно цельной и значительной судьбы, Корин был певцом драматических коллизий в движениях человеческой души. Герои Корина без улыбок; они серьезны и строги, как серьезно и строго было время, когда они создавались. Вот откуда тот опаляющий зрителя драматизм коринских героев; это именно герои, люди недюжинной значительности и огромной внутренней духовной силы. Они очень сложны и неоднозначны, как сложна и неоднозначна сама жизнь.

И вот они выстроились в мемориальной мастерской художника единой галереей. Отвергнув всякие предложения их как-то «развесить», Прасковья Тихоновна настояла на изготовлении множества специальных мольбертов, едва возвышающихся над полом мастерской, и укреплении на них холстов «Руси» и портретов современников. От подобной установки все они буквально ожили и сейчас стоят в мастерской Павла Корина, окружая зрителей большой и многоликой, вполне живой и естественной стеной человеческой.

Все в мастерской осталось на своих местах и выглядит так, как было при жизни хозяина...

На высоких пьедесталах застыли слепки классических изваяний, на стенах — великолепные копии фрагментов «Явления Христа народу» Александра Иванова кисти самого Павла Корина, огромные — в размер подлинников — фотографии образов Звенигородского чина работы гениального Андрея Рублева. Чуть ниже — фоторепродукция его же бессмертной «Троицы» и рядом с нею — фотография микеланджеловской «Ночи» — по-видимому, последний подарок художнику от Михаила Васильевича Нестерова, знак их великой и прекрасной дружбы и символ творческого устремления двух выдающихся русских мастеров кисти к высшим достижениям человеческого художественного гения.

В тот — военный — день 8 июля 1942 года, Павел Корин вновь был у Михаила Васильевича и получил от него фотографию «Ночи», а всего через три месяца, в октябре, Нестерова не стало... Сохраняя драгоценную реликвию, Павел Дмитриевич бережно предохранит и самое надпись на фотографии; с тыльной стороны «Ночи» в рамку аккуратно вставлен лист картона, по которому рукой художника написано и подчеркнуто: «Подарок Михаила Васильевича Нестерова» и ниже: «см. внутри. Павел Корин».

А внутри, под картоном, красивым размашистым — нестеровским — почерком написано:

«Дорогому Павлу Дмитриевичу
на память в день его 50-летия
от Мих. Нестерова
1942 г. 8 июля».

...Еще раз окинем взглядом мастерскую художника. Как все здесь прекрасно, строго и возвышенно!

Ни одной безделушки, ни одного предмета, мельчащего восприятие; все устремляется к высокому и достойному в человеке. На высоты духа! — так когда-то сформулировал свое творческое кредо сам Павел Корин. Этому девизу он никогда не изменял. Об этом свидетельствует и его мастерская — стержень мемориального музея художника.

Следующий зал представляет П. Корина — крупнейшего монументалиста современности. Здесь и эскиз гигантского мозаичного фриза для Дворца Советов, и рабочие эскизы, по которым набирались мозаики станции метро Комсомольская-кольцевая, и воспроизведения светозарных витражей станции Новослободская, и эскиз общей композиции грандиозного триптиха «Сполохи», которому суждено было стать последним и незавершенным монументальным произведением художника. Здесь же, наконец, крохотная, в абсолютных своих размерах, но в то же время огромная и прекрасная жемчужина его творческого наследия — эскиз общей композиции триптиха «Дмитрий Донской», вызывающий в памяти далекое и славное прошлое России 600-летней давности, и лихое, лютое время зимы 1941—1942 годов, когда в голоде и холоде своего дома на Пироговке Корин создавал этот своеобразный шедевр, когда вновь испытывались на стойкость и величие уже современная ему Россия, ее народ...

Большого внимания и труда при устроении музея потребовала так называемая Зеленая комната художника, его кабинет,— помещение, в котором Корин провел немалую часть жизни, где ныне представлена добрая половина его знаменитого на весь мир собрания произведений древнерусского искусства. Комнату эту раньше, еще при жизни самого художника, следовало воспринимать неотъемлемой и существеннейшей частью его творческой живописной мастерской. Ибо здесь художник размышлял, здесь приходили к нему исторические образы Древней Руси. Но бывало, что Зеленая комната служила творческой мастерской и в буквальном смысле. Так, летом 1940 года здесь создавался портрет В. И. Качалова. Здесь же зимой 1941—1942 годов Павел Дмитриевич пишет уже упомянутый эскиз к триптиху «Дмитрий Донской» и здесь в самые лютые дни зимы 1941 года, выполняя специальный заказ Государственного Комитета Обороны, создает художник своего эпохального «Невского», тогда еще не ведая, что творит основу будущего грандиозного триптиха. У теперешних посетителей музея упоминание об этом вызывает легкое недоумение: слишком мала комната для столь большого полотна. А дело в том, что в студеную зиму 1941 года, когда линия фронта пролегала в каких-нибудь 30 километрах от коринского дома, Зеленая комната художника оставалась единственным помещением дома, которое хоть как-то обогревалось.

Именно здесь, в своей любимой Зеленой комнате, составил Павел Корин свое завещание, которым решает передать народу бесценные духовные сокровища с одним лишь условием: ничто не должно из его дома уйти и ничто внутри его дома не должно перемещаться; все должно застыть и выглядеть так, как утверждено было его, Павла Корина, рукой... Теперь на иконной экспозиции в Зеленой комнате музея Корина учатся музейные работники страны.

Музей открылся 15 июня 1971 года. Пришли друзья и коллеги, а также многочисленные искренние почитатели таланта Павла Корина. Огромная мастерская художника не могла вместить всех собравшихся. Невольно вспоминались прежние триумфы русской и советской живописи, связанные с прижизненными выставками Павла Корина: громоподобный успех его выставки зимой 1962—1963 годов в залах Академии художеств в Москве и подлинный триумф — через два года в галерее в Нью-Йорке...

Прошло десять лет с того дня, когда порог коринского дома переступила первая экскурсионная группа.

Их повела сама хозяйка дома — главный хранитель и заведующая музеем Прасковья Тихоновна Корина.

За эти годы дом-музей Павла Корина посетило уже около 25 тысяч человек. И это не считая многочисленных групп и отдельных виднейших художников — советских и зарубежных, таких, как Ренато Гуттузо, давний и близкий друг Павла Корина, увековеченный его кистью. Но главное, чему бы порадовался сам Корин, это тяга в его дом наших художников, его соотечественников. Из Киева и Тбилиси, Минска и Архангельска, из Сибири и Средней Азии притекает в этот дом вся современная «живописная» наша страна.

...Откроем теперь книгу отзывов. Вот одна из первых записей:

«Лучшее не исчезает и не забывается! В памяти нашего народа всегда останется творчество великого художника двадцатого века. Творчество Павла Дмитриевича — поэма, прекрасная песня о нашем народе.

Низкий Вам поклон, Прасковья Тихоновна, за Вашу любовь к Павлу Дмитриевичу, его творчеству.

Николай Зелов».

А вот одна из последних:

«Такая замечательная, подвижническая жизнь... Музей вдохновит многие поколения людей на жизненные подвиги, к честному служению любому призванию призовет.

Учительница Ж. Н. Бережная».

Такова тяга нашего народа к истинному, одухотворенному и высокому искусству, тяга все растущая, все более осознанная! Вот в нее-то — просвещенную и стремящуюся к добру Россию — свято и неколебимо верил один из лучших художников современности — Павел Дмитриевич Корин.

Павел Дмитриевич Корин. Фотография 1966 года * Село Палех. В центре — дом Кориных.

УРАГАН

Семен ЦВИГУН

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ РОМАН

Рисунки И. ПЧЕЛКО

В дверь громко постучали. Афанасьев вздрогнул, проснулся, спустил ноги, быстро натянул сапоги, застегнулся и крикнул:

— Кто там? Входите!

В землянку вошел Дьяур.

— Товарищ капитан, извините, что разбудил. К нам только что пришел от Николаева-старшего с пакетом его сын, просит, чтобы вы его немедленно приняли.

— Он где?

— На кухне чай пьет.

— Зови.

Через минуту в землянку в белом маскхалате, надетом поверх телогрейки, с автоматом за плечом вошел Сергей. Приложив руку к форменной морской ушанке, он четко доложил:

— Товарищ капитан, вам срочный пакет от командира отряда «Смерть фашизму». Докладывает старшина первой статьи Николаев-младший.— И быстрым движением вынул из полевой сумки пакет, опечатанный сургучными печатями.

Капитан шагнул к партизану, крепко сжал его холодную руку, взял пакет.

— Ну, здорово, наш знаменитый моряк! Давненько мы с тобой не виделись. Присаживайся, рассказывай, как здоровье отца? Как дела в отряде? Видать, здорово намучился, пока к нам добирался?

— Немного устал, а в общем, ничего, держусь.

— Ты к нам надолго?

— Как только получу ответ на радиограмму отца, так сразу вернусь в отряд.

— Один пришел или с провожатыми?

— Меня сопровождали три автоматчика, Семен Иванович, но метрах в четырехстах от дома лесника мы наткнулись на каких-то людей в штатском. Оказалось, немцы. Они по-русски предложили нам сдаться, а когда мы стали уходить, открыли автоматный огонь. Мы ответили им. В результате двое наших были убиты, а один ранен. Правда, мы тоже кокнули троих, но остальные скрылись, подхватив раненых. Мы с Трофимовым осмотрели место боя. Похоже, что их было не меньше десяти, притом отличных стрелков. У убитых никаких документов не оказалось, кроме вот этих медальонов.— Сергей выложил на стол три круглых, с пятикопеечную монету знака из желтого металла.

Капитан Афанасьев разложил их на столе, осмотрел и, поправляя свисавшие на лоб черные как смоль волосы, сказал:

— Снова «Бранденбург-800»!

— Что это значит? — спросил Николаев-младший, пристально глядя на Афанасьева.

— «Бранденбург-800» — это фашистская дивизия специального назначения. Сутки тому назад к нам из вашего отряда прибыла группа лейтенанта Горохова. Она тоже столкнулась с группой солдат из этой дивизии. Судя по всему, фашисты ведут активную разведку, в том числе и боем, в районе восточного побережья Гнилого озера. Нам из этого нужно делать серьезные выводы. А вам, партизанам, огромное спасибо от разведчиков за то, что вы делаете для нас. Отца твоего я отблагодарю особо.— Афанасьев сел за стол, вскрыл пакет, прочел письмо и подготовленную Николаевым-старшим радиограмму для передачи в Центр, сказал: — Вы, старшина, идите-ка отдыхайте с дороги. Вашу радиограмму мы передадим в Москву незамедлительно. Товарищ Дьяур, устройте гостя получше, по пути передайте Тоне, чтоб подготовила рацию, я через тридцать минут зайду к ней.

— Разрешите исполнять?— поднялся Дьяур.

— Исполняйте! Через два часа зайдете ко мне с изготовленными документами для наших в городе.

— Они еще не совсем готовы, но я постараюсь,— ответил Дьяур и вышел вместе с Николаевым-младшим.

Оставшись один, Афанасьев открыл блокнот, взял ручку, ровным почерком стал писать:

Сов. секретно
Москва — Центр «А»
Свиридову

Радиограмма

По имеющимся у нас данным, фашисты запеленговали место работы нашей радиостанции. В настоящее время они с помощью полицейских и солдат дивизии «Бранденбург-800», экипированных под местных жителей, ведут разведку подходов на наш остров через Гнилое озеро. В целях безопасности разведгруппы принимаем меры по усилению охраны острова с помощью партизан, выводу особо квалифицированных разведчиков на конспиративные квартиры в город; подбираем надежное место для перебазирования разведгруппы.

Орел.

Вырвал из блокнота исписанный лист, забрал из пакета доставленную старшиной радиограмму и вышел из штаба.

Через десять минут с красным, обожженным ледяным ветром лицом он был у радистки. Тоня взглянула на него с укором и сказала с достаточной долей ехидства:

— Товарищ капитан, вы от нас требуете, чтобы мы не нарушали дисциплину, а сами чуть не нагишом в тридцатиградусный мороз разгуливаете. Воспаление легких схватите, кто вас тут лечить будет?

— Не беспокойся, Тонечка. Я человек закаленный. И я не нагишом, а в телогрейке, к тому же она у меня не простая, а из козлика, греет необыкновенно, оренбургские колхозники в подарок прислали. К тому же откуда ты взяла, что мороз 30°?

— Я ночью с Карлышевым мужа провожала до причала, а там на пирсе, на стенке будки, остался градусник. Я взглянула и ахнула; 30—31° ниже нуля. Может, это и хорошо — фрицы в такие морозы нос не высунут.

— Для нас это плохо.

— Почему? В землянках тепло, дрова запасены, правда, питание скудноватое. Зато в эти морозы фрицы нас беспокоить не станут, и мы сможем спокойно поработать и немного отдохнуть.

— Нет, Тоня! Отдыха нам не предвидится, мороз окончательно скует лед, хотя в Гнилом озере бьют теплые ключи, и наш остров станет еще более уязвимым. Вот почитай-ка.

Афанасьев положил перед нею подготовленную радиограмму.

— Срочно передавай в Центр, а вот эту — в штаб Западного фронта. По получении ответов докладывай немедленно.

— Постараюсь, товарищ капитан. Я Карлышева попрошу вас разыскать, сама-то пока едва ковыляю.

Пробежав глазами текст радиограммы, сказала:

— Теперь мне понятно, почему вы так срочно Максимова отправили в город. А обо мне вы подумали? Я же его жена... и потом мы работаем в паре.

— Я думал и о тебе, Тонечка. Обещаю, как только отпадет необходимость в твоем пребывании на острове, мы отправим тебя в город.

— Товарищ капитан, вы только не подумайте, что я трусиха. Я вместе с Сашей готова хоть на край света идти, на самое рискованное задание. Я знаю, что я ему нужна и как советчик. При мне он не наделает ошибок, а без меня может случиться всякое. Знаете, он иногда бывает такой вспыльчивый, и только я могу его вовремя урезонить. Он сам всегда мне говорит, что я действую на него лучше, чем валерьянка.

— Убедила, убедила, постараюсь сделать все, что в моих силах, чтоб вас с Александром Ивановичем поскорее соединить. Работай спокойно, Тонечка. Ну, желаю удачи.— Афанасьев вышел из землянки.

Тоня вынула блокноты, стала быстро шифровать радиограммы.

Утром старший лейтенант Дьяур принес капитану Афанасьеву документы для разведчиков, изготовленные на чистых немецких бланках, полученные через Рыбака от надежного человека, работающего в штабе генерала фон Хорна.

Афанасьев надел очки, взял лупу, стал скрупулезно рассматривать каждый документ, сверяя внесенные записи с подлинными немецкими документами. Закончив просмотр, отложил лупу и, возвращая документы Дьяуру, сказал:

— Ну, надеюсь, при проверке все обойдется, хотя при лабораторных исследованиях немцы сразу обнаружат, что документы фальшивые.

— Почему?

— Неужели вы не знаете, что немцы удостоверения личности, пропуска в штаб армии фон Хорна, аусвайсы и другие документы выписывают специальными чернилами? А на некоторых документах еще ставят специальный знак, дающий владельцу право посещать ту или другую зону, ездить по городу круглые сутки или только до определенного часа.

— Я знаю об этом. Но у нас нет таких чернил.

— А майору Максимову и Матвею Егоровичу выписали такие же пропуска или специальными чернилами?

— Я им вообще сейчас ничего не выписывал. Им я выдал документы, которые вы лично привезли для них из города.

— Тогда все в порядке, а это все нужно переделывать.

— Семен Иванович, но у меня же нет специальных чернил, да и бланки кончились.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 21—30.

В мемориальной мастерской художника * Хранительница дома-музея жена П. Д. Корина — Прасковья Тихоновна * Столовая в доме-музее.

Фото М. САВИНА

— Постарайтесь достать, а то с этими можем потерять людей.

— Постараюсь, товарищ капитан, но для этого потребуется много времени. Разрешите все-таки иногда использовать эти.

— Только в исключительных случаях и с моего личного или твоего разрешения.

— Понятно.— Дьяур собрал лежавшие на столе документы, пошел к себе.

Афанасьев вызвал Горохова. Лейтенант достал из планшетки и расстелил на столе карту острова, испещренную красными и синими линиями, стрелками, кружками.

— Вот, Семен Иванович, что получается: остров небольшой, но тем не менее сил для его круговой обороны нам не хватает. С учетом наших возможностей мы планируем организовать главным образом оборону восточного побережья. Для этого надо заминировать район причала и все проходы, ведущие в глубь острова к нашему лагерю.— Горохов прошелся карандашом по пометкам на карте.

— Как вы хорошо знаете, между проходами местность сильно заболочена, покрыта густым, непролазным кустарником. Эти болота даже в самые сильные морозы и то не промерзают. В связи с этим мы надеемся, что фрицы туда не полезут.

— А где же будут ходить наши связники и разведчики?

— Лучше всего, чтоб они к нам приходили с западной стороны острова.

— Там же высокие берега, очень трудно на них взбираться.

— Нет, там есть один удобный проход через ущелье, мы его будем круглосуточно держать под контролем, пропуская на остров и выпуская с него нужных вам людей.

Афанасьев внимательно посмотрел на карту, спросил:

— А если противник двинется с юга?

— Не думаю, там недалеко от берега бьют теплые ключи, озеро в этом месте почти не замерзает.

— А вдруг противник применит понтоны, лодки?

— Тогда мы встретим его ружейно-пулеметным и автоматным огнем. Товарищ капитан! Может, нам лучше боя совсем не принимать, а заблаговременно перебазироваться отсюда?

— Пожалуй, это был бы самый лучший вариант, но у нас пока еще не подобрана запасная база. Передислокация займет много времени, а теперь, когда фашисты рвутся к Москве, его у нас совсем нет. Все наши разведчики работают с большим напряжением и риском, вся их связь концентрируется сюда, и нарушать ее нежелательно. К тому же сейчас эвакуироваться с острова опасно, можно случайно напороться на карателей, которые бродят вокруг озера.

— И все же, если вами, товарищ капитан, будет принято такое решение, то я прошу заранее поставить меня в известность. Мы проработаем и разведаем маршрут.

Афанасьев встал из-за стола, поправил портупею, сказал:

— Решение будет принимать Центр, а мы с вами будем исполнять. А пока его нет, чтобы каратели не застигли нас врасплох, я утверждаю ваш план. Вводите его в действие и, не теряя времени, приступайте к минированию. Только смотрите, чтоб никто из своих не подорвался.

— Все будет сделано по науке, товарищ капитан.

— Желаю удачи!

Ночью Тоня получила из Москвы три радиограммы:

Особой важности
Только лично
Начальнику разведгруппы «Пламя»
капитану тов. Афанасьеву.

Радиограмма

По данным, поступившим в Центр из надежных источников, гестапо и СД действительно запеленговали работу вашей радиостанции и готовят операцию по ее захвату и разгрому всей разведгруппы.

В целях безопасности предлагаем: капитану Афанасьеву до прибытия к вам офицера из Центра временно передать группу старшему лейтенанту Дьяуру. Соблюдая предосторожность, срочно переехать в город и, используя документы № 2, легализоваться при штабе генерала фон Хорна. Убедившись, что вы находитесь вне подозрений, приступайте к выполнению задания № 1. Соответствующее сообщение о вашем прибытии через наши возможности фон Хорн уже получил. Связь с Центром до прибытия к вам специально подготовленного для вас радиста поддерживать через тайники с помощью связника Петрова Матвея Егоровича, разведчика Карлышева, партизанский отряд «Смерть фашизму». В исключительных случаях разрешаем использовать радиостанцию Анны. Радистку А. Максимову переправьте в город, легализируйте согласно легенде, документам и вместе с А. Максимовым немедленно откомандируйте в Австрию для выполнения основного задания.

Свиридов.

Сов. секретно
Исполняющему обязанности начальника разведгруппы «Пламя» ст. лейтенанту Дьяуру.

Радиограмма

В течение двух суток подготовьте разведгруппу к передислокации на основную базу партизанского отряда «Смерть фашизму». В пути обеспечьте охрану группы силами приданных вам партизан. О дальнейшей ее работе получите указания через направляемого в отряд опытного сотрудника Центра — капитана Калинина. На острове оставьте разведчика лейтенанта Карлышева и небольшое количество партизан для охраны базы. Задача Карлышеву: переключить линии связи ваших людей, идущих на остров, на вашу группу, которая временно будет находиться в отряде «Смерть фашизму».

После выполнения задания Карлышеву с остальной охраной прибыть в ваше распоряжение.

О выполнении указаний Центра доложите по прибытии на место.

Свиридов.

Сов. секретно
Вручить лично
Командиру партизанского отряда «Смерть фашизму»
тов. Николаеву Г. С.
Комиссару отряда тов. Володину П. А.
Начальнику штаба отряда тов. Никифорову С. Н.

Радиограмма

Военный Совет фронта поздравляет вас и всех партизан отряда с успешными героическими действиями в тылу врага. Для оказания вам помощи в ближайшие два-три дня, с учетом погоды, к вам будут выброшены на парашютах радист и группа красноармейцев в количестве тридцати человек. Они подготовят полевой аэродром для приема легких самолетов, на которых мы вам перебросим оружие, медикаменты, продовольствие, вывезем раненых и захваченных вами в плен офицеров противника.

Сообщите координаты района выброски.

Желаем дальнейших боевых успехов.

Командующий фронтом Жуков.

Положив радиограммы в папку, Тоня отправилась в сопровождении лейтенанта Карлышева к капитану Афанасьеву. Едва светало. Капитан сел за стол и зажег лампу, быстро дважды перечитал одну за другой радиограммы. Потом встал, подошел к радистке, положил ей руку на плечо:

— Ты даже не представляешь себе, Тонечка, какие важные указания ты принесла. А сейчас иди отоспись. Я после обеда позову тебя. Если еще что-либо получишь из Центра, то сообщи немедленно.

— Слушаюсь,—ответила Тоня и скрылась за дверью.

Карлышев потоптался на месте, несмело спросил:

— Товарищ капитан, если можно... скажите, что передал Центр?

— Быстро собирай разведгруппу и пригласи лейтенанта Горохова. Я вас всех сейчас ознакомлю с указанием Центра — в части, касающейся каждого.

— А как быть с Николаевым-младшим?

— Я приглашу его на беседу отдельно.

— Поня-я-тно,—протянул Карлышев.

Через двадцать минут все разведчики и лейтенант Горохов собрались в землянке Афанасьева. Он подкрутил фитиль лампы, стало светлее. Оглядел внимательные, ожидающие чего-то важного, хорошо знакомые лица. Афанасьев откашлялся и тихим, твердым голосом заговорил:

— Дорогие мои боевые товарищи, друзья! Мы, коммунисты, в глубоком тылу противника, рискуя каждый час жизнью, успешно выполняем свой священный долг перед партией, Родиной, народом. Часть наших боевых друзей пала смертью храбрых в борьбе с врагом. На их место встали новые товарищи, достойные продолжатели их славных дел. От имени руководства Центра я сердечно благодарю вас за тот вклад, который вы внесли и вносите в великое дело разгрома врага.

Сегодня ночью мы получили сообщение из Центра о том, что гестапо и СД запеленговали нашу радиостанцию и готовят операцию по ее захвату и разгрому разведгруппы. В целях сохранения разведгруппы и усиления разведки на других важных направлениях Центр приказал: капитану Афанасьеву временно передать разведгруппу старшему лейтенанту Дьяуру, а самому переместиться в другой район для выполнения особо важного задания Центра.

По землянке прокатился шумок.

— В чем дело?— с недоумением вглядываясь в помрачневшие лица, спросил Афанасьев.

Лейтенант Карлышев встал, кашлянул, помолчал, не зная, как начать...

— Товарищ капитан! Старшего лейтенанта Дьяура мы все хорошо знаем и доверяем ему, но дело в том, что мы прибыли в тыл врага с вами. Мы привыкли к вам, доверили вам свои жизни, полюбили вас. Да, полюбили, как верного друга, с которым можно поделиться радостью и горем, и он тебя правильно поймет, даст добрый совет, поможет, а если провинился — поругает. Мы, разведчики, просим вас передать нашу просьбу в Центр, чтоб вас, товарищ капитан, никуда не переводили, а оставили начальником нашей группы, — закончил Карлышев. — Так я говорю? — обратился к сидевшим. Раздался одобрительный гул.

— Друзья мои! Я тронут вашим доверием, я расстаюсь с вами только на время, мы еще поработаем вместе. И потом это приказ Центра, а приказы, как вы знаете, не обсуждаются, а исполняются.

Разведчики притихли, стали ждать, что еще сообщит капитан. Афанасьев вынул из папки вторую радиограмму, полностью зачитал ее.

— Как видите, времени для сбора группы Центр дает в обрез. Мы должны все успеть. Ненужные и устаревшие документы сжечь. Хорошо бы вам успеть уйти раньше, нужно только хорошо разведать маршрут, чтоб не нарваться на засаду противника. Лейтенант Горохов,— обратился капитан к лейтенанту,— вы человек бывалый, отлично знаете эти места, я надеюсь, что вы обеспечите безопасность разведгруппы при перебазировании.

— Постараюсь сделать все, что в моих силах. Только как быть, Семен Иванович, продолжать нам минировать проходы на восточном берегу острова или прекратить?

— Продолжайте. На острове на некоторое время остается лейтенант Карлышев и группа партизан в количестве десяти человек во главе с помкомвзвода Ермаковым. Мы же должны подумать и об их безопасности.

— Ясно!

— Еще есть вопросы?

— У меня вопрос,— поднялся Карлышев,— как будет с Тоней?

— Она получит задание, не связанное с деятельностью нашей группы.

— Еще вопросы?..

— Нет,— за всех ответил Дьяур,— но разрешите мне сказать.

— Пожалуйста.

— Товарищи, сегодня ночью мы простимся со своим боевым командиром, проводим его. А сейчас, не теряя времени, пересмотрите свои записи, документы, соберите и упакуйте личные вещи, приведите в порядок боевое ору-

жие, лыжи. Мы с лейтенантом Гороховым подготовим групповое оружие, боеприпасы, медикаменты и продовольствие. Утром я вас соберу, а сейчас все свободны.

Разведчики, взволнованные, задумчивые, выходили из землянки, переговариваясь между собой.

Афанасьев и Дьяур, оставшись вдвоем, вызвали к себе Николаева-младшего и вручили ему полученную из Москвы радиограмму. Он быстро прочитал, сильно обрадовался, улыбаясь, сказал:

— Прошу разрешить мне с пакетом на рассвете отправиться в отряд.

— В случае захвата противником пакет уничтожить,— напомнил Дьяур молодому партизану и обратился к Афанасьеву: — Может, не будем пакет опечатывать? С сургучом труднее уничтожить.

— Во-первых, еще не родился тот фриц, чтоб меня захватить,— обиделся Сергей.— Командование отряда хорошо знает, кого посылает на связь. Я вам принес пакет опечатанный, и мне такой же давайте. Партизаны как увидят печать, сразу поймут, на какое серьезное дело меня посылали. А во-вторых, может, мне и не положено знать, что там написано.

Капитан улыбнулся:

— Товарищ старшина, старший лейтенант Дьяур передаст тебе пакет перед выходом в путь, оформленный по всем правилам секретного делопроизводства, и даст сопровождающего в дорогу, несмотря на твою храбрость. Так положено.

— Тогда другое дело,— согласился Николаев-младший и направился к выходу.

— Товарищ старшина, минуточку,— задержал его Дьяур.

Сергей остановился.

— Дайте-ка нам координаты, куда к вам парашютистов высаживать. — И пояснил:—Для передачи в Москву.

— Да их Тоня уже давно передала. Об этом, между прочим, знать нужно, товарищ начальник! — с ехидством ответил Николаев-младший.

— Парень с характером,— заметил Афанасьев.—Вы, Федор Николаевич, займитесь сейчас вплотную делами разведгруппы, а я подготовлю документы особой важности, добытые нами у противника. Как только в отряд прибудет первый самолет, их нужно переправить в Москву. Проверю, в наличии ли инструкции и указания Центра, необходимые для работы группы. Часа через три заходите — я их вам передам. Потом обговорим с Тоней детали встречи в городе, и буду собираться в дорогу. Кстати, чуть не забыл, подготовьте Карлышеву документы на право проживания в городе. Я буду с вами держать связь через него и деда Матвея.

— Есть, товарищ капитан, все будет как надо,— ответил Дьяур и, свернув лежавшую на столе карту острова с обозначенными на ней проходами для минирования, пошел к себе.

Афанасьев вынул чистый блокнот, стал заносить закодированные, известные только ему одному записи. Когда работа была почти закончена, он почувствовал вдруг сильную усталость, накопившуюся за последние дни и ночи. Слипались глаза. Капитан встал из-за стола, подошел к рукомойнику, умылся холодной водой и снова сел за стол, но через несколько минут, склонив голову на грудь, задремал. Когда к нему пришел Дьяур, капитан крепко спал. Дьяур собрался повернуть назад и нечаянно зацепил котелок, стоявший на табуретке. Тот с грохотом упал на пол. Афанасьев проснулся, посмотрел на совершенно растерявшегося Дьяура, рассмеявшись, сказал:

— Спасибо, что разбудили.

— Извините, товарищ капитан, что так получилось.

Афанасьев встал, потянулся, взглянул на часы:

— Ты пришел, как условились. Садись к столу, принимай дела.— Капитан вскрыл небольшой сейф, вмонтированный в потайной нише за деревянной обшивкой землянки. Вынул оттуда тонкую папочку, тщательно просмотрел лежавшие в ней документы и, передавая ее своему преемнику, сказал: — Это указания Центра.— Потом достал из сейфа объемистый коричневый портфель, поставил на стол, протянул Дьяуру от него ключи:— Здесь документы, подлежащие срочной отправке в Москву,

— Понял, Семен Иванович.

Затем Афанасьев открыл верхнее отделение сейфа и выгреб оттуда пачки оккупационных денег и рейхсмарок, положил на стол перед Дьяуром.

— Здесь триста тысяч. Это деньги на опе-

ративные расходы группы. Я рекомендую вам 50 000 оккупационных и 25 000 рейхсмарок оставить лейтенанту Карлышеву, возможно, ему потребуются для поддержки кого-либо из наших людей, приходящих на остров. Остальные заберите с собой, пригодятся.

— Может, вы возьмете сколько-нибудь себе и Тоне, вам ведь в городе без денег тоже не обойтись.

— Не беспокойтесь, Федор Николаевич, там мы будем их получать из других источников. Как вам известно, с первого числа сего месяца я состою в должности старшего инспектора по мобилизации сырьевых ресурсов с восточного фронта при штабе генерала фон Хорна. Так что зарплату я буду получать у фюрера, а он своим офицерам платит немало,— не без иронии произнес Афанасьев.— Тоня тоже легализуется и скоро отправится для выполнения основного задания. Так что о нас вы не беспокойтесь. Как-нибудь проживем.— И оба улыбнулись.— А если потребуются крупные суммы, Центр подбросит.

Дьяур перелистал полученные им документы, положил все на место, закрыл сейф, замуфлировал стенку и сказал удивленно:

— А я, Семен Иванович, до сего времени и не догадывался, что у вас тут спрятано целое состояние.

— В нашей работе каждый должен знать только то, что ему положено,— серьезно сказал Афанасьев и добавил шутя: — Должны же у начальства быть хоть какие-то секреты от подчиненных. А вообще-то учти — мы с тобой, дорогой, боремся в глубоком тылу с таким коварным и опытным врагом, как гестапо, СД, абвер, поэтому конспирация и бдительность у каждого из нас должны быть на первом плане. Кто потерял или теряет эти качества, может стать легкой добычей врага. Как твой бывший начальник и друг советую: держи и дальше все это в секрете. Не потому, что не доверяешь кому-то, нет, это диктуется самой обстановкой.

— Товарищ капитан! Спасибо вам за совет, за помощь, за все хорошее, что сделали лично для меня и для всех наших разведчиков. Нам всем очень будет вас не хватать, но мы постараемся работать так, чтоб вы были нами довольны.

— Я-то что — рядовой чекист. Главное, чтоб нами были довольны наша партия, наш народ.

— Будем стараться.

— Я в этом уверен,— ответил Афанасьев.

Раскрыв лежавший на столе блокнот, он стал писать:

Сов. секретно
Москва — Центр «А»
Свиридову

Радиограмма

В соответствии с указаниями Центра разведгруппу «Пламя» передал старшему лейтенанту Дьяуру Ф. Н. Сегодня ночью убываю к новому месту прохождения службы. Радистка сержант А. Максимова завтра будет переправлена с острова в город. В связи с этим связь группы с Центром до ее передислокации и прибытия другого радиста временно приостанавливается.

Орел.

Капитан Афанасьев вырвал лист из блокнота, прочитал вслух написанное и, вручая Дьяуру, сказал:

— Если нет возражений, то отнеси. Пусть Тоня при очередном сеансе связи передаст в Москву. И скажи, чтобы она тоже готовилась к отъезду.

— Какие могут быть возражения! Жаль, была одна дружная боевая семья, а теперь всех разнесет по разным краям.

— Не горюй, дружище! Живы будем, еще поработаем вместе.

— Вы же, товарищ капитан, давно обещали, что, когда легализуетесь в городе меня адъютантом к себе возьмете.

— Я и сейчас от этой мысли не отказался. Но сам знаешь, Центру виднее. К тому же, я думаю, на первых порах нужно будет осмотреться, укрепить свое положение, а там, если дела пойдут хорошо, можно и адъютанта взять себе по душе.

— Спасибо, товарищ капитан. Если понадоблюсь — вызывайте, буду считать за честь работать у вас.

Продолжение следует.

Стакан воды

С. КУЛЯБИН

ФЕЛЬЕТОН

Автомат, стоящий на центральной улице столицы, дрожал и трясся, как в лихорадке. Градус накала толпы, окружавшей его, повышался с каждой минутой. Особенно темпераментно выражал свои чувства полный гражданин в белой кепочке.

— Супостат,— кричал гражданин,— только и умеешь монеты глотать!

Он изловчился и коротким боксерским приемом двинул автомат в бок. Тот мигнул подслеповатой лампочкой, всхлипнул, пустил короткую струйку воды и затих.

— Ну разве так можно! — всплеснула руками старушка в соломенной шляпке.— Ласковей нужно было, ласковей. Лаской всегда можно большего достичь, чем грубой силой.

Палимая солнцем, гонимая жаждой, толпа поплелась дальше.

— Я не знаю что готов отдать за стакан холодной газировки.— Интеллектуал в дымчатых очках облизнул пересохшие губы.

— А раз не знаете что, нечего и говорить,— осадил его гражданин в белой кепочке.— Я, например, готов заплатить пятнадцать копеек за стакан, и то молчу.

— Я, помню, мальчиком жил в деревне, — не унимался интеллектуал, — так там в колодце была такая холодная вода, что у моего дедушки даже вставные зубы ломило.

— Добром прошу, прекратите вы свои мемуары,— простонал гражданин в белой кепочке, — или!..

— Никаких «или»,— решительно перебила его старушка в соломенной шляпке.— Мы делаем одно общее дело: в жаркий день ищем стакан газированной воды. И в наших рядах не должно быть никакой конфронтации.

Вскоре их осталось только трое, остальные, не выдержав испытания жарой и жаждой, разошлись, кто по магазинам, кто в кино, были и такие, что записались в очередь в пивной бар.

— Я понимаю,— уныло говорил гражданин в белой кепочке,— квасу нет потому, что бочки отменили, а нового ничего не придумали. Фруктовой воды нет потому, что не хватает бутылок и тары, чтобы эти бутылки перевозить. И еще некому продавать то и другое. Но автоматы! — Он замолчал, силы его были на исходе.

Словно в насмешку, иногда им все-таки попадались те самые автоматы, в которых должна была быть газировка. Они устремлялись к ним, ощущая во рту приятную прохладу воды, а в носу не менее приятное пощипывание газа. Однако, увы! У автоматов был удручающе обезвоженный вид. Казалось, что из них никогда ничего не вытекало и никогда ничего вытекать не будет.

Неизвестно, как кончилась бы их одиссея, если бы на прямом и широком Калининском проспекте не увидели они женщину. В синем халате, скорей всего, уборщицу какого-нибудь учреждения. Она стояла с трехлитровой банкой обыкновенной водопроводной воды и по полстаканчика наливала жаждущим, выстроившимся в длиннющую очередь.

— Спасибо тебе, добрая женщина,— сказала хором наша троица,— ты подкрепила наши силы, и мы полны решимости дойти до истоков газированной реки, которая должна течь, но почему-то не течет.

Вскоре они оказались на Полтавской улице в главной московской конторе «Автоматторга» около дверей кабинета ее директора В. А. Панова.

— Я ему сейчас скажу все, что думаю,— трепеща от негодования говорила старушка в соломенной шляпке.— Это ведь надо повести дело так, что в жару в Москве стакан воды достать так же трудно, как в пустыне Сахаре.

— Спокойно,— сказали в один голос гражданин в белой кепочке и интеллектуал в дымчатых очках и, на всякий случай, взяли старушку с обеих сторон под руки.— Поменьше эмоций, разговор будет строго корректным.

Расправив плечи, как и подобает настоящим искателям истины, они перешагнули порог кабинета директора.

— От имени москвичей и гостей столицы мы хотим узнать?..

— Вас понял,— сказал директор В. А. Панов.— Все дело в том, что несколько лет назад автоматы АТ-114... постарайтесь запомнить...

— Постараемся,— пообещали ходоки.

— Так вот,— продолжал директор,— АТ-114 были заменены автоматами АТ-101-С. В АТ-114, если помните, были две щели для монет. Опустив одну копеечку, можно было пить воду без сиропа. Опустив три — с сиропом. В автомате АТ-101-С одна щель. Улавливаете? На каждом автомате сэкономлено по одной щели. А автоматов у нас около трех тысяч, представляете, сколько щелей сэкономлено для народного хозяйства!

— Это, конечно, здорово,— согласились ходоки,— только почему из этих новых замечательных автоматов не течет ни чистая, ни подкрашенная сиропом?

— В том весь и фокус,— оживленно проговорил директор.— Когда в автомате АТ-101-С кончается сироп, щель автоматически закрывается, а то может случиться так: сироп кончится, человек опустит три копейки, а получит стакан чистой не замутненной сиропом воды. Непорядок.

— Так вы залейте автоматы сиропом,— простодушно посоветовали ходоки.

— Залейте,—усмехнулся директор.—Вот уже который день мы вместо восемнадцати тонн сиропа получаем едва половину. Поэтому и не могут люди попить в жаркий день холодной водички.

И еще об одной конструктивной особенности нового автомата рассказал директор В. А. Панов. Как только корпус АТ-101-С нагревается до 35 градусов, холодильное устройство автоматически отключается. А металлический корпус автомата под действием солнечных лучей при нынешней жаре до критического предела прокаливается уже к 10 часам утра.

— Очевидно, создатели этого аппарата беспокоились, как бы в сильную жару у людей не заболело горло от холодной воды? — предположила старушка в соломенной шляпке. Она уже успела поостыть в прохладном кабинете.

— Очевидно,— согласился директор.

— Кто же они, эти умельцы, создавшие подобное чудо техники? — полюбопытствовал гражданин в белой кепочке.

— Конструкторское бюро Перовского завода торгового машиностроения, возглавляемое Р. Г. Даревским,— сознался директор В. А. Панов и спросил: — А знаете, как наши механики называют эти новые автоматы? — И сам ответил: — Хилыми, уж очень шустро они выходят из строя.

— Это точно,— согласился гражданин в белой кепочке.

Старушка в соломенной шляпке сочла дальнейший разговор бесполезным и пошла к выходу, увлекая за собой своих попутчиков.

СЕГОДНЯШНЯЯ АФИША КИЕВЛЯН

Сцена из спектакля «Надеяться». Фото А. Зубкова

Даже к вечеру столбик термометра не опускается ниже тридцати. И все же в Театре имени Моссовета, где шли гастроли Киевского академического русского театра имени Леси Украинки, пустых мест не было.

Разнообразна казалась афиша гастролей, куда вошла классика — «Вишневый сад» А. Чехова и «Как важно быть серьезным» Оскара Уайльда, пьеса «Надеяться» Ю. Щербака, посвященная Лесе Украинке, а также много современных произведений: «Хозяйка» М. Гараевой, «Кафедра» В. Врублевской, публицистическая драма Р. Феденева «Прошу занести в стенограмму», «Сказка про Монику» литовских авторов С. Шальтяниса и Л. Яцинявичюса, политическая драма Г. Боровика «Интервью в Буэнос-Айресе»...

Гастроли показали главное: в труппе есть интересные, самобытные артисты. Это и Ю. Мажуга, сумевший ярко и глубоко передать трагедию предавшего свой народ чилийского журналиста Карлоса Бланко; и Н. Рушковский, раскрывший гнусную сущность Брызгалова в «Кафедре»; и Л. Бакштаев, который соединил в своих героях современную рациональность с внутренней тревогой и ранимостью. Интересно проявили себя В. Заклунная, А. Николаева, Н. Досенко, А. Смолярова, М. Резниченко, Л. Кадочникова... Привлекает мастерство народной артистки СССР А. Роговцевой, которая соединяет всегда острое и точное у нее чувство современности с постоянной работой души.

Самая сложная из гастрольных ролей А. Роговцевой — Раневская в «Вишневом саде» А. П. Чехова... Роль имеет особое значение для актрисы, поскольку у нее происходит естественная смена амплуа... Как жить на сцене дальше? Как найти верное самочувствие? На точного ответа, пожалуй, нет. Возможно, потому Раневская Роговцевой кажется излишне рациональной, а порой просто жестокой...

Хотелось бы напомнить всем создателям этого в целом интересного спектакля мысли В. Н. Немировича-Данченко, высказанные по поводу современного прочтения «Вишневого сада». Немирович был уверен, что придут очень талантливые потомки, которые сумеют охватить все то, что сделал Художественный театр с Чеховым, а в то же время сумеют как-то осветить пьесу и с точки зрения современной жизни...

Да, время предъявляет к театру новые требования. Особенно в прочтении классики. Но практика показала, что настоящий успех приходит лишь к тем, кто режиссерские и актерские разработки не начинает с чистого листа, а помнит, как говорится, свое родство. Кто использует творчески то, что уже было продумано, освоено предыдущими поколениями в огромном и прекрасном мире чеховской драматургии.

Говоря о классике, невольно возвращаешься к основе основ любого театрального коллектива — его репертуару. Стремление театра идти в ногу с жизнью безусловно похвально. Его нужно ВСЯЧЕСКИ поддерживать! Но актуальность темы ни в коей мере не снимает главного критерия — высокой художественной ценности произведений, принятых к постановке. Думается, в этом аспекте малоубедительно выглядит включение в репертуар пьесы откровенно вторичной — на «производственную» тему: «Прошу занести в стенограмму» Р. Феденева; во многом неубедительна и пьеса В. Врублевской.

Мастерство актеров, как говорится, «вывозит» спектакли. Но сколько же душевных сил затрачивается, чтобы их спасти!

А ведь ничто не проходит даром. Второсортная драматургия всегда покрывает душу актера злостным налетом стереотипа, как болотной ряской. И когда нужно снова проникнуть в глубину настоящих, высокохудожественных произведений, иногда вдруг оказывается, что сил не хватает.

И тут снова хочется обратиться к истории киевского русского театра, где шли на сцене произведения М. Шолохова, Вс. Вишневского, А. Толстого, Л. Леонова, Б. Лавренева, А. Корнейчука, Я. Галана, других замечательных писателей... Их нет на сегодняшней афише. И к современной прозе театр мало обращается.

Эти важные вопросы своей жизни театр должен решать сам. Гастроли подсказывают ему еще и такие заботы...

В. ИВАНОВ

«Бабий бунт». Фото М. Строкова

БЕЗ ПРОХОДНЫХ СПЕКТАКЛЕЙ

Оперетту называют иногда младшей сестрой оперы. Думается, утверждение по меньшей мере однобоко, говорит лишь о снисходительном отношении к жанру. Ведь оперетту зовут еще и «опереткой», человек серьезный считает словно и несолидным для себя посещение театра музкомедии. Но вот на наших глазах происходит иное: оперетта стала необычайно популярной, государство строит новые прекрасные здания для театров музкомедии.

Недавний творческий отчет Иркутского театра музыкальной комедии на гастролях в Москве ясно показал, что серьезный успех возможен лишь тогда, когда театр понимает сложность стоящей перед ним задачи, что уважение зрителя рождается из уважения самого театра к своему делу — к этому труднейшему «легкому» жанру.

Лучшие спектакли иркутского театра несут в себе некое гармоничное равновесие: режиссер-постановщик и дирижер прекрасно понимают друг друга. Актеры точно чувствуют стихию происходящего, хор деликатен по отношению к главным героям. Балет уместен и вполне органичен. И, конечно, не всегда удается создать подобное, однако необходимо сразу сказать: для коллектива проходных спектаклей нет. Каждая работа, представленная на суд зрителей, сделана основательно. А гастрольная афиша была достаточно разнообразной. Современную советскую оперетту представляли Е. Птичкин, В. Ильин, В. Гроховский... Оперетта-сказка для детей В. Дружинина «Александр Мудрый» показала, что театр продолжает работу над родной ему темой Сибири, начатую «Огнями сибирскими» А. Кулешова и «Тайной золотого багульника» того же автора. Классика, занимающая большое место в репертуаре, была представлена «Цыганским бароном» и «Летучей мышью» Штрауса...

Стихия народной музыкальной комедии Е. Птичкина «Бабий бунт» интересна и зрителям и создателям спектакля. Яркие человеческие характеры, незаурядное исполнение ролей Насти Н. Данилиной и Николки Б. Артеменко, блестящая работа В. Жибинова в роли деда Захара — все это предопределило успех. Любовь к земле, к людям, что хлебнули лиха полной мерой и потому тянутся к счастью; радость, что земля эта с тобой, а хорошие люди рядом, придает спектаклю свой тон, свои краски.

«Цыганский барон», поставленный главным режиссером М. Лукавецким, пожалуй, работа самая неровная. Театр вроде бы растерялся, убоявшись трудности музыкального материала. В исполнении основных партий чувствуется неуверенность, прекрасная музыка скорее отягощает певцов, чем дает свободу и силу. Хотя есть в этом спектакле артист, который «договаривает» то, что не удалось выразить исполнителям главных ролей: это солист балета В. Раков. Далеко не в каждом театре музкомедии есть такой танцовщик, эмоциональный и пластичный; он словно не знает профессиональных сложностей, будто самая роскошь музыки дает ему истинную свободу.

Музыкальная комедия В. Ильина «Товарищ Любовь» — несомненная удача театра. Ясен взгляд и голос героини — учительницы Яровой в отличном исполнении Н. Унд, ясны и ее сознание, ее жизненная позиция. Спектакль точен, сценический язык отличается емкостью, глубиной, каждый характер узнаваем.

Завершились гастроли «Летучей мышью» — это лучший спектакль на гастролях.

Здесь все и всё во власти музыки. Всё подчинено воле композитора, и незамысловатый сюжет вдруг оборачивается жизнью, герои обретают черты живых людей; каждый исполнен изящества, остроумия, душевной непростоты. Прекрасна все же оперетта!..

Л. ЛУКЬЯНОВА

В ЗЕРКАЛЕ МОДЫ

Лидия ОРЛОВА

Мода, капризная и неутомимая, втягивает нас в свои игры и забавы, хотим мы этого или не хотим. Сначала мы лишь с любопытством смотрим на ее кажущиеся нелепыми предложения. Но постепенно привыкаем, и, когда у нас возникает нужда обновить свой гардероб, мы в меру сил и умения пытаемся одеваться модно. Что толкает нас? Желание выглядеть красиво? Но модные вещи не всегда идут именно нам, нашему облику, фигуре, не всегда соответствуют образу жизни, который мы ведем. Престижность? Возможно, ибо одеваться модно стало столь же престижным, как покупать книги, ковры и хрусталь...

«Когда-то говорили: красиво одет, со вкусом, а сейчас говорят: модно»,— замечает Д. Кириченко, приславший письмо в редакцию из города Минусинска. Очень верное наблюдение! Как-то слишком явной стала в последнее время эта тенденция слепо следовать моде, порой в ущерб хорошему вкусу и собственной привлекательности. Но что же это в конце концов такое — мода?

Можно было бы, конечно, махнуть рукой на теорию, пусть ею занимаются специалисты, но практика, как всегда, оказывается тесно связанной с теорией, особенно в моде. Когда мы покупаем одежду в магазине, нам совсем небезразлично, какой теории придерживались люди, создавшие эту одежду, так как носить ее нам. Совсем недавно на всесоюзном семинаре-совещании, проведенном Министерством легкой промышленности СССР, один из выступающих сказал: «Мода — это то, что ходит по улицам, мода — процесс, который происходит без влияния каких-либо организаций и складывается в результате выбора самих потребителей». Это не парадокс. Тут есть над чем задуматься. То, что мода ходит по улицам, верно. Верно и то, что у нас еще нет организаций, которые могли бы активно влиять на моду, потому, очевидно, даже и самые новые и удачные работы модельеров не дают реально ощутимого результата. Возникает вопрос: из чего же мы тогда выбираем? Откуда берется то, что носит улица?

Дело заключается, видимо, в том, что мода во многом интернациональна, особенно в наш век, когда вездесущее телевидение мгновенно переносит нас из одной страны в другую, и мы, конечно же, видим, как там одеваются люди, и что-то берем за образец. Это «что-то» чаще всего оказывается труднодоступным. Так случилось с джинсами, и мы сделали выбор из того, чего у нас не было. И добились, что эта мода стала ходить по улицам, позже сдалась и легкая промышленность.

Но ведь джинсы, сафари, вельвет не свалились с неба. Кто-то их придумал и сделал.

Где у нас фирмы, фабрики, чьи товарные знаки мы могли бы с гордостью пришить к платью на самое видное место, чтобы еще раз подчеркнуть достоинства его пошива? А ведь у нас есть несколько десятков разнообразных домов моделей — одежды, обуви, кожгалантереи, трикотажа, общесоюзных и республиканских, многочисленные научно-исследовательские институты, разрабатывающие новые ткани и материалы, наконец, фабрики и лаборатории. Разве не имеют они отношения к рождению и утверждению моды?

Во Франции, например, новое в моде основывается на том, что реально существует: промышленность наладила выпуск, торговля апробировала и сулит успех. Там выбирают из того, что есть!

Но это во Франции. Скажете, с ней трудно соперничать: как-никак признанная законодательница мод. Но все же истории известны случаи, когда с Францией успешно конкурировали другие страны, Англия, например. Вспомните мини-моду, предложенную почти одновременно англичанкой Мэри Куант и французом Андре Курреж. Англичане быстрее поставили новую моду на поток, и мини все же английская мода. Джинсы пришли из Америки, которая никогда раньше не была авторитетом в моде, но в создании «промышленной», массовой одежды вполне преуспела — смогла дать новинке небывалые тиражи.

Даже эти два последних сюжета из жизни современной моды хорошо обнажают механизм ее появления: удачная, отвечающая потребностям и вкусу многих людей идея, рожденная художником, непременно нуждается в мощной поддержке промышленности. Промышленность создает все, что нужно для массовой, широко тиражированной моды: от тканей, фурнитуры, ниток до максимально механизированных потоков. При этом учитывается и важный психологический аспект: боязнь отстать от моды сейчас сильнее страха быть похожим на других.

Может быть, наша промышленность отрицает необходимость выпуска модных изделий. Недавно один из работников швейной промышленности заявил, что на отсутствие модных вещей жалуется только десять процентов потребителей, а мы должны думать об остальных девяноста.

Этот тезис не просто теоретическая нелепость. К сожалению, это очевидная и порочная практика нашей легкой промышленности. Швейники всегда говорят, что главным для них все-таки является спрос. Что же прежде всего хотят покупатели? Думаю, не ошибемся, если скажем: красивой, современной одежды. Думаем, что, к примеру, модная обувь известных западных фирм, таких, как «Габор», «Саламандра», «Хегель» и др., всегда очень легкая, изящная, комфортная, хорошего, умеренного стиля, не крикливая и вместе с тем современная, нравится даже не столько тем десяти процентам, а скорее всего именно остальным девяноста. Один научный работник, чуждый, как ему кажется, всяким влияниям моды, съездив за рубеж, привез себе полуботинки, как он выразился, попроще, не слишком модные. Оказалось, что выпустила их фирма «Саламандра».

К сожалению, у нас назвать обувную фабрику, всегда гарантирующую хорошее качество и безупречный вкус, еще очень сложно. Знаю фирму «Масис», но за ее обувью надо ехать в Армению.

«Огонек» уже писал (№ 7 за 1981 год) о роли модельера в формировании моды и о том, как трудно воплотить ему свою идею в жизнь. При существующем положении получается, что художники-модельеры не только безвестны, но практически лишены возможности воплощать свои идеи в жизнь в необходимых масштабах.

Подобное отношение к художникам тем более странно, что еще в 1922 году, когда было создано «Ателье», первый в стране Дом моделей, сотрудничавшие в нем художники В. Мухина, Б. Кустодиев, И. Грабарь, К. Петров-Водкин, А. Экстер имели полную поддержку со стороны становящейся на ноги легкой промышленности и наркома просвещения А. Луначарского. И ведь могли же тогда бороться с нэпманским влиянием, мещанским «канареечным» бытом, стремлением к роскоши, сумели заложить основы нового моделирования, создав демократическую, целесообразную одежду. Сложившаяся у нас школа моделирования — одна из сильнейших в мире, и ее определяют яркие творческие индивидуальности. Советские коллекции одежды и даже обуви (вспомните Международную выставку обуви в Москве!) вызывают неизменный интерес у специалистов и потребителей. Но — горькая правда! — прекрасные модели, открытия и откровения художников уходят в небытие, так и не становясь модой. Потому что не были тиражированы промышленностью. Широко известен пример с русскими сапожками, мода на которые пришла к нам с Запада. Но вот еще один. Много лет назад после окончания института Вячеслав Зайцев работал на фабрике «Рабочая одежда» и предложил шить стеганые телогрейки из цветных набивных тканей. Мы с вами так и не видели их, ведь правда? Зато сейчас вот уже несколько лет весь мир увлекается стегаными цветными куртками, жакетами, жилетами, юбками, даже пальто. Старая идея дала всходы.

Помню, лет восемь назад на одном из показов моды Ярославский Дом моделей демонстрировал коллекцию всевозможных дождевиков из новой ткани, напоминающей тонкий непрозрачный шелк, хорошо драпирующийся, набивной и гладкокрашеный. Но время прошло, а в продаже их нет.

Нет, это просто абсурд, что мы не можем создавать моду! Что мы не можем одеваться в свою отечественную красивую и удобную одежду — на зависть другим и на подражание.

Проще, конечно, объявить моду необъяснимым феноменом, чем-то неуправляемым, больше того, никому не нужным и продолжать работать по старинке.

Не правильнее ли будет совершенствовать работу нашей легкой промышленности, ориентировать ее на то, что она должна быть мобильнее, оперативнее, более технически вооруженной. В моде фактор времени — фактор решающий. Мы тратим силы и время на всякую бумажную волокиту, вроде утверждения новых моделей и цен. А пока невозможно купить элементарные вещи, необходимые любому самому скромному человеку: женские юбки, брюки, жакет, тонкий свитер, блузку, теплые сапожки для зимы и мягкие лодочки на спокойном каблуке на все случаи жизни. Говоря о модных товарах, никто уже не имеет в виду какие-то вычурные вещи, немыслимые «изыски», золотые туфли на шпильке в двенадцать сантиметров, к примеру. Главное направление, в котором развивается современная мода,— одежда спортивного и спортивно-делового стиля. Эта одежда не подразделяется ни по возрастным, ни по образовательным, ни по национальным признакам. Она демократична, всеобща. Для промышленности она, на наш взгляд, просто великое благо. Направление это возникло не сегодня, и тут накоплен большой опыт. Ткани универсальные, обработка их освоена. Форма различных видов спортивно-деловой одежды очень стабильна, а значит, эти вещи — куртки, плащевые пальто, костюмы, брюки, юбки — можно неограниченно тиражировать. И тут промышленности весьма удобно работать: не нужно постоянно обновлять модели и расширять ассортимент. Спортивно-деловая одежда нередко вне пола — «оне секс» — одинакова для мужчин, женщин и подростков.

Словом, масса удобств! Только успевай поворачиваться, пока мода не переменилась, не захотела так называемого «портновского» костюмчика...

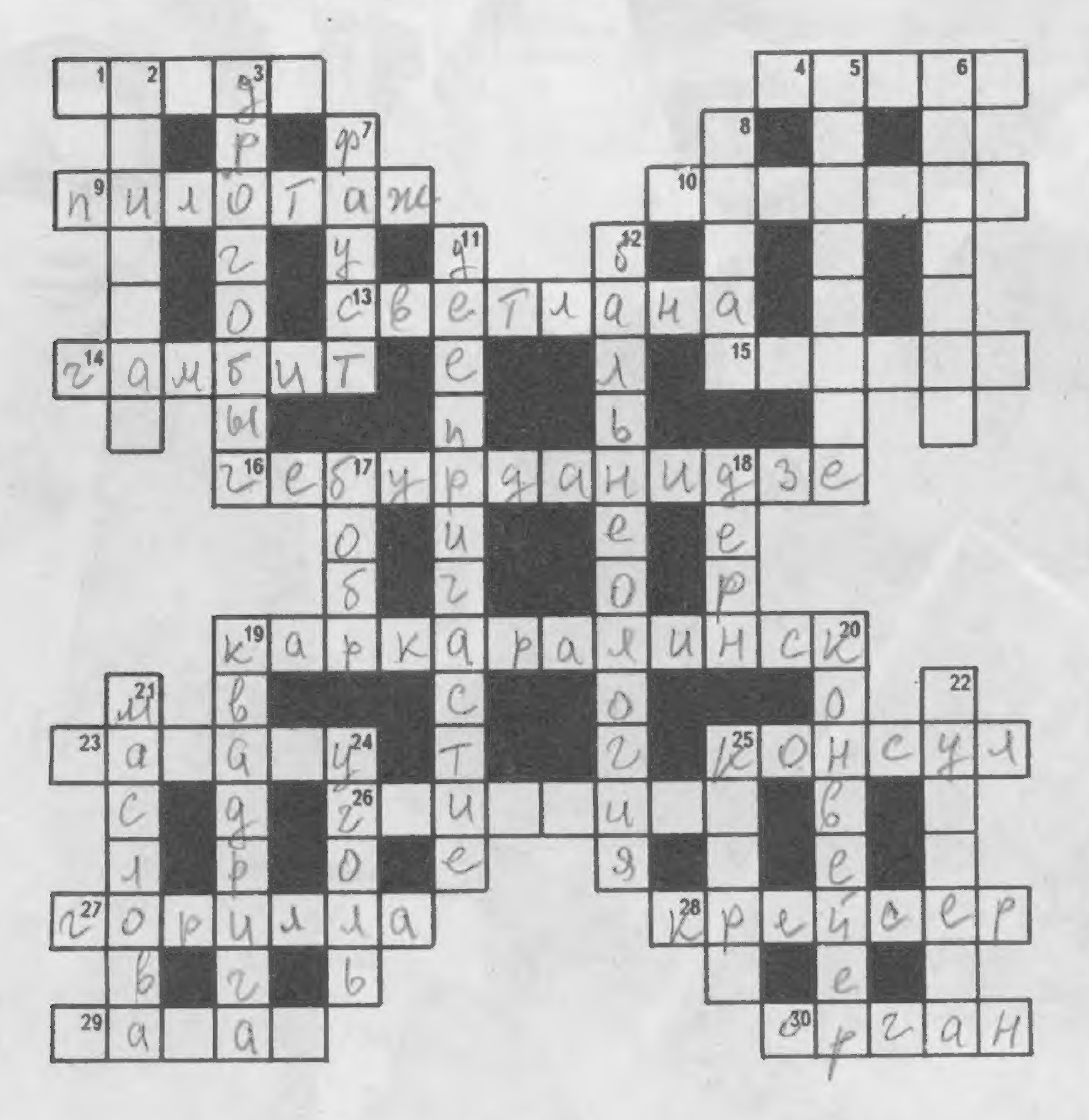
Сумеет ли наша промышленность воспользоваться этим щедрым подарком моды? Или, может быть, теперь в силу новых экономических тенденций, когда введены всевозможные надбавки на товары со Знаком качества и «новинка», будет признана невыгодной одежда традиционная, не уникальная, стабильная, массовая? Может быть, покажется неперспективным выпуск тканей типа плащевой, твидов, шерстяной, фланели, вельвета и других, нужных для деловой и спортивной одежды? А все силы будут брошены на усовершенствование кримплена или разработку каких-то немыслимых новинок, вроде марлевки, с которой мы запоздали по крайней мере лет на пять? Как подумаешь, какие трудности выдвигает мода перед легкой промышленностью, хочется от этой моды отказаться... И не выбирать ее.

Но что тогда выбирать?

КРОССВОРД

По горизонтали: 1. Австрийский композитор, один из основоположников венской классической школы. 4. Химический элемент, металл. 9. Искусство управления самолетом. 10. Действующее лицо оперы Н. А. Римского-Корсакова «Царская невеста». 13. Баллада В. А. Жуковского. 14. Начало шахматной партии. 15. Промысловая рыба. 16. Шахматистка, чемпионка мира. 19. Город в Карагандинской области. 23. Река в Турции. 25. Постоянный представитель другого государства. 26. Искусство резьбы на драгоценных камнях. 27. Человекообразная обезьяна. 28. Боевой корабль. 29. Рассказ А. П. Чехова. 30. Духовой клавишный инструмент.

По вертикали: 2. Татарский писатель, публицист-просветитель. 3. Город в Львовской области. 5. Картина А. А. Дейнеки. 6. Бег лошади. 7. Опера Ш. Гуно. 8. Период в геологической истории Земли. 11. Форма глагола. 12. Раздел медицины, изучающий лечебные минеральные воды. 17. Ценный пушной зверь. 18. Пласт верхнего слоя почвы. 19. Античная колесница, запряженная четверкой лошадей. 20. Транспортер, применяемый для сборки машин. 21. Персонаж романа Л. Н. Толстого «Воскресение». 22. Промысловая рыба семейства карповых. 24. Ископаемое твердое горючее вещество. 25. Итальянский остров в Тирренском море.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 30

По горизонтали: 1. Педагог. 3. Асафьев. 4. Транспортир. 10. Штольня. 11. Перов. 15. Темза. 18. Аврал. 19. Тапир. 20. Генератор. 21. Якоби. 23. Пиала. 24. Неман. 25. Фраза. 26. Вратарь. 27. Спектроскоп. 30. Матрена. 31. Квартет.

По вертикали: 1. Прага. 2. Гавот. 5. Натал. 6. Пульверизатор. 7. Ранет. 8. Севастьянов. 9. Петрография. 11. Погодин. 12. «Разгром». 13. «Прогноз». 14. «Спартак». 16. Матрица. 17. «Ариадна». 22. «Игрок». 23. Парос. 28. «Ермак». 29. «Квант».

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Воскресенье на Клязьминском водохранилище: инженер Владимир Лаговский с женой Ольгой и дочкой Таней. Фото Э. Эттингера

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Модели художников Московского Дома моделей одежды на проспекте Вернадского. Лето 1981 года. Фото И. Куксова

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Оформление Н. И. БУДКИНОЙ.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 13.07.81. Подписано к печати 28.07.81. А 00400. Формат 70 × 108⅛. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1 810 000 экз. Изд. № 2063. Заказ № 867.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. Москва, А-137. ГСП, улица «Правды», 24.

Клод Жад (Франция) на вручении серебряного приза фильму «Король и птица».

ЛАУРЕАТЫ XII МЕЖДУНАРОДНОГО

Владимир БАСКАКОВ, директор Всесоюзного научно-исследовательского института киноискусства Госкино СССР; секретарь правления Союза кинематографистов СССР

Фото Г. КОПОСОВА

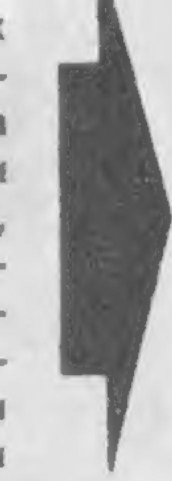
В Москве закончился яркий, многокрасочный праздник прогрессивного киноискусства земли; девяносто девять стран, многие сотни фильмов были участниками фестиваля, где встречались режиссеры, актеры, критики, представители деловых кругов, организаторы кинопроизводства.

В приветствии Леонида Ильича Брежнева кинофестивалю было сказано, что девиз фестиваля «За гуманизм киноискусства, за мир и дружбу между народами!» хорошо выражает не только задачи работников кино, но и самые искренние чаяния всех народов. Эти прекрасные слова приветствия наполнили гордостью сердца всех честных кинематографистов, которые своим творчеством служат людям, человечеству, миру. А что может быть сегодня важнее этого!

Фестиваль проходил в солнечные, светлые июльские дни. И вся его чрезвычайно насыщенная программа — фильмы и встречи, дискуссии и деловые контакты — работала так же светло, солнечно ради мира и справедливости, добра и правды. Работала поистине неустанно.

Участники фестиваля встречались с многотысячными зрительскими аудиториями. Жюри, куда входили крупнейшие кинематографисты мира, по достоинству оценили фильмы, отвечающие девизу фестиваля и имеющие высокий художественный уровень. Можно смело сказать, что XII Международный Московский кинофестиваль, как и предшествующие ему, отразил наиболее существенные черты современного кинопроцесса, прежде всего стремление к гуманизму. На закрытии фестиваля об этом сказали председатели всех трех жюри: художественных, короткометражных и детских фильмов. Они назвали лауреатов, и огромный зал горячо приветствовал решение авторитетных арбитров. Золотыми призами награждены художественные фильмы «Выжатый человек» (Бразилия), «Опустошенное поле» (СРВ), «Тегеран-43» (СССР). Создателям картин «Временный рай» (Венгрия), «Награда» (Норвегия), «Мутная река» (Япония) вручены серебряные призы. Проблемные фильмы, участвовавшие в конкурсе, получили специальные призы за вклад в борьбу против расизма, за постановку актуальных социальных и политических вопросов, за обращение к морально-нравственной тематике. Таковы картины: «Али в стране чудес» (Алжир), «Йо-хо-хо» (Болгария), «Эта минута, этот миг» (Чехословакия), «Сезон мира в Париже» (СФРЮ).

Но не только эти, а все буквально фильмы — и это одна из славных традиций фестиваля — созданы во имя человека. Они говорят ЗА, а не ПРОТИВ человека. Отстаивают его достоинство. Именно яркие человеческие образы покорили и зрителей и жюри в тех картинах, где были отмечены специальными призами актеры за лучшее исполнение мужских и женских ролей. И ведь, пожалуй, уже с самых первых дней фестиваля обозначились эти лучшие исполнительницы: Мерседес Сампьетро из Испании в фильме «Гарри Купер, который на небесах» и

Маягозель Аймедова, туркменская актриса, такая отзывчивая и человечная в фильме «Дерево Джамал»... Исполнителями лучших мужских ролей оказались Карл Меркатц («Бокерер», Австрия), Тито Хунчо в кубинском фильме «Пограничники» и Роман Вильхельми («Ночная бабочка», Польша).

Ряд фильмов отмечен дипломами.

Конкурс детского кино, проходивший во Дворце пионеров на Ленинских горах, был прекрасным праздником! Золотой приз здесь единодушно вручен советскому фильму «Черная курица, или Подземные жители». Фильмы из Венгрии, Австралии и Франции получили серебряные призы, а картина «Вороной конь» (США) отмечена специальным призом.

Документальный экран фестиваля отразил кипение жизни планеты. Золотые награды получили кинематографисты Сальвадорского фронта национального освобождения имени Фарабундо Марти и Кампучии, показавшие жизнь и борьбу народа. Одного из трех серебряных призов удостоена советская антивоенная картина «Спросите вы у матерей...», сделанная в Ростове-на-Дону.

...Опустился флаг фестиваля. Конкурс закончился. Но работа по осмыслению увиденного продолжается.

Мне довелось принимать участие во всех двенадцати московских фестивалях и бывать на многих зарубежных смотрах кино. Поэтому я могу без преувеличения твердо сказать: Московский фестиваль более чем за двадцатилетнюю свою историю завоевал высокий авторитет и самое широкое признание. Это поистине самый массовый, самый демократичный фестиваль мира. В его работе нынешним летом чувствовалось могучее биение пульса прогрессивного искусства экрана, охватывающего своим влиянием миллиарды людей. А главным стимулом всех деловых и творческих отношений были взаимоуважение и дружба. Участники и гости фестиваля не только смотрели произведения киноискусства; мы встречались и на ежедневных пресс-конференциях и на серьезной, плодотворной дискуссии по девизу фестиваля. Многие побывали на московских заводах и в подмосковных совхозах. Интересной была встреча с Валентиной Николаевой-Терешковой в Комитете советских женщин, как и встреча с космонавтами в их городке... В просторном холле гостиницы «Россия» получали интервью репортеры многих журналов и газет мира. Здесь можно было увидеть прославленного испанского мастера кино Хуана-Антонио-Бардема и туркменку Маягозель Аймедову, известную японскую актрису Комаки Курихара и чехословацкого режиссера Иржи Секвенса (это он поставил талантливую антифашистскую картину «Эта минута, этот миг»), знаменитого Раджа Капура, который приезжал на фестиваль со своим сыном Рандхиром Капуром, тоже известным теперь актером и режиссером. Молодой Капур, между прочим, сказал:

— Я много слышал о фестивале в Москве от отца. Но то, что сам увидел, превзошло все мои ожидания!

Знаменитый мексиканский режиссер Эмилио Фернандес в тридцатых годах встречался с Сергеем Эйзенштейном, работавшим над фильмом «Да здравствует Мексика!». В нашей столице Эмилио был уже второй раз, но и он тоже говорил, что в Москве чувствовал себя, как птица в родном гнезде после долгого полета.

Со всегдашним своим оживлением, с доброй улыбкой повторял он окружавшим его всегда журналистам:

— Я счастлив, что в Москве! Московский фестиваль для меня самый лучший!..

— Я побывал на всех кинофестивалях мира, так что тоже могу сравнивать Московский фестиваль с другими, — заявил выдающийся деятель мирового кино испанский режиссер Луис Берланга. — Москва привлекает к себе кинематографистов и своим девизом и всей обстановкой. Всей атмосферой, которая сплачивает людей...

...Прощай, фестиваль, и до свидания, говорили друг другу, покидая Москву, представители прогрессивного киноискусства всех стран мира. — До новых встреч!..

Золотые призеры кинофорума.

Серебряный приз — создателям фильма «Награда» (Норвегия).

Любимцем фестиваля стал юный болгарский актер Виктор Чучков (фильм «Йо-хо-хо»). Он получил специальный диплом жюри.

Комаки Курихара (Япония) — член жюри конкурса художественных фильмов — беседует с советским артистом С. Чокморовым.

На конкурсе детских фильмов серебряным призом отмечен австралийский фильм «Манганинния».

Киностудия «Мосфильм». Гостей принимают Зинаида Кириенко и Николай Крючков.

ISSN 0131—0097
Цена номера 35 коп.
Индекс 70663